

Сопоставительные исследования

2012

**Центрально-Черноземное региональное отделение
Научно-Методического Совета по иностранным
языкам Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов**

**Сопоставительные
исследования
2012**

**Продолжающееся
научное издание**

**Воронеж
2012**

УДК 81'1.001

Сопоставительные исследования 2012 – Воронеж: Истоки, 2012. – 172 с.
ISBN

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является девятым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка естественно-научных факультетов факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, проф. О.Н. Чарыкова,
доц. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2012
© Издательство «Истоки», 2012

ISBN

Раздел 1.

Теоретические проблемы

сопоставительных исследований

М.А. Стернина, И.А. Стернин

К вопросу о возможности семантической типологии языков

Возникновение в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы в середине первого десятилетия 21 века нового **сопоставительно-параметрического** метода лингвистических исследований, (Стернин, Стернина 2010; Стернина, Стернин 2010; Sternina 2010, Sternina 2011, Стернина, Стернин 2011, Sternina 2011) дает основания вернуться к оставленному в свое время учеными как бесперспективному вопросу о возможности семантической типологии языков.

В основе сопоставительно-параметрического метода лежит разработка формализованных параметров описания национальной специфики языков и концептосфер по отдельным параметрам. Характеристика того или иного языкового или когнитивного явления в рамках соответствующего параметра выражается в виде определенного индекса, представленного в абсолютных числах или процентах. Сопоставление одноименных индексов в разных языках дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру. Выработанные в ходе развития сопоставительно-параметрического метода и базирующиеся на индексах шкалы оценки степени проявления национальной специфики семантики лексических группировок по отдельным параметрам и определения выраженности национальной специфики лексических группировок в целом (Колтакова 2008, Деркач 2011), а также шкала степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем (Портнихина 2011) дают количественным данным качественную интерпретацию и характеризуют степень выраженности национальной специфики семантики. Таким образом, создается основа для семантической типологии языков.

Развитие семантической типологии языков можно прогнозировать по трем основным направлениям:

1. Семантическая типология лексических группировок.
2. Семантическая типология семантем слов.
3. Семантическая типология семем слов.

Для **семантической типологии лексических группировок** релевантными, на наш взгляд, будут следующие параметры:

Степень полисемантичности лексем группировки – определяется через *индекс полисемантичности группировки*, вычисляемый как отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной группировки, к общему количеству лексем этой группировки (Шишкина 2004).

Степень однозначности лексем группировки (определяется через *индекс однозначности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группировки (Колтакова 2008).

Степень принадлежности всего корпуса семем лексической группировки данной лексической группировке – определяется через *индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ*, вычисляемый как отношение общего количества семем с семой данной лексической группировкой, развивающихся лексемами данной группировки, к общему количеству семем этой группировки (Шишкина 2004).

Степень внутригрупповой структурно-семантической связности группировки – определяется через *индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, входящих разными семенами в разные структурные единицы группировки, к общему количеству лексем данной группировки (Чернова 2006).

Степень семантической близости единиц группировки – определяется через *индекс семантической близости единиц группировки*, вычисляемый как отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данной группировки (Чернова 2006).

Степень семантической противопоставленности единиц группировки – определяется через *индекс семантической противопоставленности единиц лексической группировки*, вычисляемый как отношение количества лексических единиц, образующих антонимические пары, к общему количеству лексем данной лексической группировки (Вострикова 2006).

Степень семантической замкнутости группировки – определяется через *индекс лексико-семантической замкнутости группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, все семены которых не выходят за рамки данной группировки, к общему количеству лексем данной группировки (Вострикова 2006).

Степень первичной денотативной отнесенности семем к группировке – определяется через *индекс первичной денотативной отнесенности к группировке*, вычисляемый как отношение количества лексем, входящих в группировку по семени Д1 к общему количеству лексем данной группировки (Колтакова 2008).

Степень вторичной денотативной отнесенности семем к группировке – определяется через *индекс вторичной денотативной отнесенности к группировке*, вычисляемый как отношение количества лексем, входящих в

группировку по семеме Д2 к общему количеству лексем данной группировки (Колтакова 2008).

Степень первичной и вторичной денотативной отнесенности семем к группировке – определяется через *индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности к группировке*, вычисляемый как отношение количества лексем, входящих в группировку по семемам Д1 и Д2 к общему количеству лексем данной группировки (Колтакова 2008).

Степень коннотативной отнесенности семем к группировке – определяется через *индекс первичной коннотативной отнесенности*, вычисляемый как отношение количества лексем, входящих в группировку по семеме К1, к общему количеству лексем данной группировки (Деркач 2011).

Степень денотативной и коннотативной отнесенности семем к группировке – определяется через *индекс денотативной и коннотативной отнесенности*, вычисляемый как отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Деркач 2011).

Степень денотативной представленности семем лексических группировок – определяется через *индекс денотативной представленности семем*, вычисляемый как отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в группировке (Баранова /Кривенко/) 2009).

Степень коннотативной представленности семем лексических группировок – определяется через *индекс коннотативной представленности семем*, вычисляемый как отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в группировке (Колтакова 2008).

Степень лакунарности лексических группировок – определяется через *индекс лакунарности*, вычисляемый как отношение выявленных лакун к общему числу анализируемых единиц (Прошенкова 2008).

Степень метафоричности лексических группировок – определяется через *индекс метафоричности*, вычисляемый как отношение количества лексем, которые приобрели метафорическое значение, к общему количеству лексических единиц данной группировки (Овчинников 2009).

Степень общеупотребительности лексем группировок – определяется через *индекс общеупотребительности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, имеющих общеупотребительную отнесенность, к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Степень разговорной отнесенности лексем группировок – определяется через *индекс разговорной отнесенности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, имеющих разговорную отнесенность, к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Степень книжной отнесенности лексем группировок – определяется через *индекс книжной отнесенности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, имеющих книжную отнесенность, к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Степень официальной отнесенности лексем группировок – определяется через *индекс отнесенности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, имеющих официальную отнесенность, к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Степень жаргонной отнесенности лексем группировок – определяется через *индекс жаргонной отнесенности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, имеющих жаргонную отнесенность, к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Степень специальной отнесенности лексем группировок – определяется через *индекс специальной отнесенности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, имеющих специальную отнесенность, к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Степень публицистической отнесенности лексем группировок – определяется через *индекс публицистической отнесенности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, имеющих публицистическую отнесенность, к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Степень *оценочности и эмоциональности* лексем группировок – определяется через *индекс оценочности и эмоциональности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем, содержащих оценочные и эмоциональные семы, к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Степень *нейтральности* лексем группировок – определяется через *индекс нейтральности лексем группировки*, вычисляемый как отношение количества лексем без эмоциональных и/или оценочных сем к общему количеству лексем группы (Деркач 2011).

Для **семантической типологии семантем слов** релевантными могут быть следующие параметры:

Степень представленности лексической полисемии в семантеме – определяется через *индекс лексической полисемии*, вычисляемый как отношение количества семем, демонстрирующих лексическую полисемию¹, к общему количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2010).

Степень представленности лексико-грамматической полисемии в семантеме – определяется через *индекс лексико-грамматической полисемии*, вычисляемый как отношение количества семем,

¹ В отличие от лексико-грамматической полисемии

демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2010).

Степень представленности лексико-грамматической вариантности в семантеме – определяется через *индекс* – определяется через *индекс лексико-грамматической вариантности*, вычисляемый как отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2010).

Степень денотативности семантемы – определяется через *индекс денотативной представленности семем семантемы*, вычисляемый как отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010а).

Степень коннотативности семантемы – определяется через *индекс коннотативной представленности семем семантемы*, вычисляемый как отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010а).

Степень субстантивности семантемы – определяется через *индекс субстантивной представленности семантемы*, вычисляемый как отношение количества субстантивных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010б).

Степень глагольности семантемы – определяется через *индекс глагольной представленности семантемы*, вычисляемый как отношение количества глагольных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010б).

Степень адъективности семантемы – определяется через *индекс адъективной представленности семантемы*, вычисляемый как отношение количества адъективных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010б).

Степень адверbialности семантемы – определяется через *индекс адверbialной представленности семантемы*, вычисляемый как отношение количества адверbialных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010б).

Для **семантической типологии семем** наиболее важным нам представляется коммуникативная релевантность семем разного типа, то есть востребованность определенных типов семем в коммуникации, а также уровень эндемичности семем. В связи с этим целесообразно будет выделить следующие параметры:

Степень коммуникативной релевантности денотативных семем в семантеме – определяется через *индекс коммуникативной релевантности денотативных семем в семантеме*, вычисляемый как отношение количества зафиксированных употреблений денотативных (Д1, Д2) семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011).

Степень коммуникативной релевантности коннотативных семем в семантеме – определяется через *индекс коммуникативной релевантности коннотативных семем в семантеме*, вычисляемый как отношение количества зафиксированных употреблений коннотативных (К1, К2) семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011).

Степень коммуникативной релевантности глагольных семем – определяется через *индекс коммуникативной релевантности глагольных семем*, вычисляемый как отношение количества зафиксированных употреблений глагольных семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011).

Степень коммуникативной релевантности субстантивных семем – определяется через *индекс коммуникативной релевантности субстантивных семем*, вычисляемый как отношение количества зафиксированных употреблений субстантивных семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011).

Степень коммуникативной релевантности адъективных семем – определяется через *индекс коммуникативной релевантности адъективных семем*, вычисляемый как отношение количества зафиксированных употреблений адъективных семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011).

Степень эндемичности семем языка – определяется через *индекс безэквивалентности*, вычисляемый как отношение числа семем, фиксируемых только для одного из сравниваемых языков, к общему числу семем исследованных языков (Зленко 2004).

Перечисленные параметры уже стали предметом описания в наших исследованиях, исследованиях наших учеников и учеников наших коллег. Представляется, что подобных параметров может быть выделено гораздо больше, при этом они могут найти формализованное описание на материале самых разных языков и, таким образом, лечь в основу семантической типологии.

Использование сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований для семантической типологии является важным направлением его развития. До сих пор этот метод применялся в лингвистических исследованиях преимущественно для выявления национальной специфики языковых систем, подсистем и языковых единиц. Использование сопоставительно-параметрического для семантической типологии позволит выявить и обобщенно описать национальную специфику семантики языков не только в условиях противопоставления отдельных пар языков (что происходит при контрастивных исследованиях) или небольшого числа языков (при сопоставительно-семантическом описании), а в более широком масштабе, на материале большого числа основных языков.

Представляется необходимым выделить базовые, наиболее репрезентативные лексические группировки, выявляющиеся во всех языках, а также наиболее частотные лексемы этих языков и обследовать их по разработанным параметрам. Обобщение полученных результатов позволит предложить семантическую типологию исследованных языков, которая предположительно будет иметь следующий вид: *высокая степень полисемантичности лексем – языки А, В, С; средний уровень семенной связанности лексических группировок – языки С, D, X и т.д.*

Предлагаемые для описания семантической типологии термины «степень» и «уровень» дают качественную интерпретацию выявленных при помощи индексов количественных различий, при этом метаязыковое обозначение *степень* может использоваться для более обобщенной характеристики достаточно четко дифференцируемых количественных различий и характеризоваться как *высокая, средняя или низкая*. Метаязыковое обозначение *уровень* предполагается использовать для более детальной развернутой количественной характеристики, *уровень* может характеризоваться как *низкий, заметный, выраженный, повышенный, высокий или гипервысокий*.

Использование сопоставительно-параметрического метода как инструмента семантической типологии языков – новое перспективное направление его развития. В то же время именно возникновение и развитие этого метода дало основание считать семантическую типологию языков возможной.

Литература

1. Sternina M.A. Comparative-Parametric Method: New Opportunities for Linguists and Teachers // Abstracts for the XVII NATE-Russia International Annual Conference "NEW TIMES - NEW SONGS: ELT AFTER 2010". – Kaliningrad, 28-30.June 2011. – P.178-180.
2. Sternina M.A. Comparative-parametric method in linguistics: how it can help teachers // Enhancing Teacher Effectiveness. Proceedings of the XVIth NATE-Russia Annual Conference. – Chelyabinsk, June 23-26, 2010. - P. 22-24.
3. Баранова Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С. 18-21.
4. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): Автoref. дисс. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
5. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): Автoref. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
6. Зленко И.П. Национальная специфика семантики слова (контрастивное описание наименований процесса труда и наименований

- лиц по отношению к труду в русском и французском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2004.
7. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
 8. Контрастивная лексикология и лексикография / под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж: «Истоки», 2006.
 9. Кривенко Л.А. Лексико-грамматическая полисемия наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем русского и английского языков // Язык и национальное сознание. – Вып. 15. – Воронеж, 2010. – С. 82-85.
 10. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 54-58.
 11. Малыхина Н.И К вопросу об определении коммуникативной значимости семем // Культура общения и ее формирование. – Вып. 24. – Воронеж, 2011. – С. 52-56.
 12. Малыхина Н.И. Особенности полисемии наиболее частотных глаголов английского языка // Язык и национальное сознание. – Вып. 15. – Воронеж, 2010. – С. 93-97.
 13. Овчинников Д.В. Тематическая группа существительных, называющих элементы природного ландшафта, в русском языковом сознании // Культура общения и ее формирование. – Вып 22. – Воронеж, 2009. – С. 19-23.
 14. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
 15. Прощенкова Н.В. Национальная специфика семантики слова в близкородственных языках (на материале существительных русского и украинского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.– Воронеж, 2008.
 16. Стернин И.А., Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод в исследовании языков, концептосфер и культур // Слово есть дело. Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора Ирины Павловны Лысаковой. Т. 1. – СПб., 2010. – С. 242-246.
 17. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 3-9.
 18. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С. 3-18.
 19. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований *зданий и помещений* в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006..

20. Шишина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

С.И. Деркач

О возможности описания национальной специфики семантики языков посредством аспектного анализа

В последние годы в рамках сопоставительно-параметрического метода, разрабатываемого Воронежской теоретико-лингвистической школой (Стернина, Стернин 2011) был введен и успешно использован целый ряд формализованных параметров для выявления национальной специфики языков. Нами была предпринята попытка выделить перечень параметров, характеризующих национальную специфику семантики лексических группировок, и ее распределить их по отдельным аспектам ее проявления.

Исследование, проведенное на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках, показало, что национальная специфика рассматриваемых лексических группировок может быть описана посредством анализа следующих шести аспектов: количественно-структурного, семантического развития лексем группировки, типологической характеристики семем группировки, семантической близости лексем группировки, эмоционально-оценочного и функционально-стилистического.

Основными параметрами исследования **количественно-структурной** характеристики лексической группировки являются *номинативная плотность* (Карасик В.И., 2004, с. 111) и *структурная сложность лексической группировки* (количество ее структурных единиц)².

Анализ выявил, что объем тематических групп в сопоставляемых языках неодинаков. Так, в английском языке номинативная плотность рассматриваемой группы – 802 лексические единицы, что значительно превышает соответствующий показатель в русском языке – 545 лексических единиц. При этом исследование выявило высокую степень сходства структурной организации сравниваемых тематических групп. В обоих языках изучаемая группа подразделяется на шесть одноименных тематических подгрупп. И в русском, и в английском языках четыре из шести тематических подгрупп подлежат дальнейшему делению.

В общей сложности, исследуемая тематическая группа в русском языке имеет 28 подподгрупп, шесть минигрупп и две микрогруппы. Структура тематической группы в английском языке является более разветвленной и состоит из 32 подподгрупп, девяти минигрупп и двух микрогрупп.

² Здесь и далее, индексы, разработанные другими исследователями, даются с указанием на источник, а индексы, введенные нами, объясняются в скобках.

Анализ аспекта семантического развития лексем группировки проводился посредством использования следующих параметров: *семенная плотность* (Калугина 2006, с.5), *индекс однозначности лексем группы* (Колтакова 2008, с.38), *индекс полисемантичности* (Шишкина 2004, с.34), *индекс принадлежности к исследуемой тематической группе* (там же), *индекс внутригрупповой структурно-семантической связности* (Чернова 2006, с. 38).

В ходе исследования данного аспекта в обоих языках было обнаружено преобладание однозначных лексем над многозначными. При этом преобладание английских однозначных лексем в составе исследуемой группы лексики оказалось менее значительным, чем в русском языке (индекс однозначности лексических единиц группы составил 51,1% и 68,4% соответственно).

Исследование выявило различие в показателях индекса полисемантичности в рассматриваемых группах, который составил 1,6 в русском языке и 2,4 в английском, что является результатом наличия в английской тематической группе большего количества многозначных лексем (172 полисемантичные лексемы в русском языке, 393 – в английском).

Как показал анализ, средний индекс принадлежности рассматриваемых лексических единиц к тематической группе «Политика» в английском языке (45,6%) значительно ниже индекса принадлежности в русском языке (67,8%). Данный факт объясняется тем, что большинство полисемантичных английских лексем содержат в своих семантиках семемы, выходящие за рамки исследуемой группы лексики.

По данным анализа семенная плотность в русском и английском языках составила 589 и 887 семем соответственно.

Для оценки соотношения номинативной и семенной плотности нами был введен *индекс внутригрупповой полисемантичности* (отношение семенной плотности к номинативной). В русском языке данный индекс составил 1,07, в английском – 1,1.

Выполненное исследование показало, что одни и те же лексические единицы могут одновременно входить как в одну и ту же структурную единицу, так и в другие структурные единицы описываемой тематической группы. В общей сложности в русском языке было зафиксировано 27 таких лексем. Это лексемы *бюллетень, власть, держава, конгресс, министерство* и др. В английском – 36 лексем содержат в своих семантиках от двух до пяти семем исследуемой тематической группы. Такими лексемами являются лексемы *alliance, democracy, monarchy, state, superpower* и др. В целом, индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы в русском языке равен 5%, в английском – 4,5%.

Основными параметрами исследования **аспекта типологической характеристики семем группировки** являются: *индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе* (Колтакова 2008, с.38); *индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (там же); *индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (там же); *индекс первичной коннотативной отнесенности лексем к группе* (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы); *индекс денотативной и коннотативной отнесенности лексем к группе* (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы).

Анализ данного аспекта выявил, что в обоих языках большинство лексем входят в структурные единицы рассматриваемой тематической группы по денотативным семемам Д1 и Д2. В русском языке индекс первичной денотативной отнесенности к группе составил 85%, а индекс вторичной денотативной отнесенности к группе оказался равным 11,7%. Показатели соответствующих индексов в английском языке несколько иные: индекс первичной денотативной отнесенности равен 65,1%, а индекс вторичной денотативной отнесенности к группе составил 25,8%.

Совсем незначительное количество лексических единиц в обоих языках вошли в рассматриваемую группу сразу по двум денотативным семемам. Так, индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности в русском и английском языках составил 2% и 3,7% соответственно.

Количество коннотативных семем, по которым лексемы входят в структурные единицы сравниваемых тематических групп, невелико в обоих языках. Тем не менее, индекс первичной коннотативной отнесенности лексем к группе в английском языке (5,4%) существенно превышает соответствующий показатель русского языка (1,1%).

Каждая из сравниваемых тематических групп содержит также по одной лексеме, входящей в нее одновременно по семеме Д1 и К1. Индекс денотативной и коннотативной отнесенности лексических единиц к исследуемым группам русского и английского языков составил 0,2% и 0,1% соответственно.

Для характеристики **аспекта семантической близости лексем группировки** были применены два параметра: *индекс семантической близости единиц группы* (Чернова 2006, с. 38) и *индекс семантической противопоставленности единиц группы* (Вострикова 2006, с.7).

Исследование показало, что в обоих языках синонимические пары и ряды зафиксированы во всех шести тематических подгруппах. Индекс семантической близости рассматриваемых лексических единиц в русском и английском языках составил 18,9% и 20,9% соответственно.

Пары антонимов были обнаружены также в обеих сравниваемых тематических группах. Индекс противопоставленности лексических единиц изучаемой группы в русском языке оказался равным 5,8%, что превышает соответствующий показатель английского языка – 3,7%.

Для анализа **эмоционально-оценочного аспекта** мы ввели следующие параметры: *индекс оценочности и эмоциональности лексем группировки* (отношение количества лексем, содержащих оценочные и эмоциональные семы, к общему количеству лексем группы) и *индекс нейтральности лексем группировки* (отношение количества лексем без эмоциональных и/или оценочных сем к общему количеству лексем группы).

Как показало исследование, в обоих языках изученная лексика в подавляющем большинстве является нейтральной и общеупотребительной. Однако, в английском языке индекс оценочности и эмоциональности лексических единиц группы почти в три раза больше соответствующего индекса в русском языке (4% и 1,3% соответственно). Представляется, что различия в показателях данного индекса сравниваемых тематических групп может быть объяснено большей развитостью политической системы англоязычных стран.

Изучение **функционально-стилистического аспекта** проводилось по следующим показателям: *индекс общеупотребительности лексем группировки* (отношение количества лексем, имеющих общеупотребительную отнесенность, к общему количеству лексем группы); *индекс разговорной отнесенности лексем группировки* (отношение количества лексем, имеющих разговорную отнесенность, к общему количеству лексем группы); *индекс книжной отнесенности лексем группировки* (отношение количества лексем, имеющих книжную отнесенность, к общему количеству лексем группы); *индекс официальной отнесенности лексем группировки* (отношение количества лексем, имеющих официальную отнесенность, к общему количеству лексем группы); *индекс жаргонной отнесенности лексем группировки* (отношение количества лексем, имеющих жаргонную отнесенность, к общему количеству лексем группы); *индекс специальной отнесенности лексем группировки* (отношение количества лексем, имеющих специальную отнесенность, к общему количеству лексем группы); *индекс публицистической отнесенности лексем группировки* (отношение количества лексем, имеющих публицистическую отнесенность, к общему количеству лексем группы).

Анализ данного аспекта показал, что в обоих языках изученная лексика в подавляющем большинстве является общеупотребительной. Однако отметим расхождения в показателях индекса разговорной отнесенности, который составил в английском языке 3,1%, что почти в три раза превышает показатель в русском языке – 1,1%. Это может

свидетельствовать о большей важности политической лексики для обыденного языкового сознания носителей английского языка.

Для определения характера проявления национальной специфики рассматриваемых тематических групп в русском и английском языках по разным аспектам и интерпретации полученных значений индексов мы воспользовались предложенной С.В. Колтаковой (Колтакова 2008, с. 17) шкалой оценки степени проявления национальной специфики лексики. Согласно данной шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **несущественные** (если отношение соответствующих абсолютных показателей варьируется в промежутке 1,0 до 1,1, а для показателей в процентах численная разница не превышает 1%), **видимые** (когда различия в абсолютных цифрах попадают в промежуток от 1,1 до 1,2, а различия в процентах – от 1 до 5%), **заметные** (если отношение абсолютных показателей колеблется в пределах 1,2 – 1,3, а расхождения в процентах – от 5 до 10%) и **существенные** (когда отношение абсолютных показателей оказывается более 1,3, а разница в процентных показателях превышает 10%).

По данным проведенного исследования характер национально-специфических различий по рассмотренным аспектам может быть представлен следующим образом: в **аспекте семантического развития лексем группы** наблюдается преобладание **существенных** различий (четыре из шести). В **количественно-структурном аспекте** наблюдаются **видимые** и **существенные** различия. Такие же различия преимущественно отмечены и в **аспекте типологической характеристики семем группы** (по два параметра из пяти). Аспект **семантической близости лексем группы**, а также **эмоционально-оценочный аспект** характеризуются исключительно **видимыми** национально-специфическими различиями, **функционально-стилистический аспект** показывает преимущество **несущественных** различий (пять параметров из семи).

Согласно шкале степени выраженности национальной специфики лексической группировки, разработанной С.В. Колтаковой, если при сравнении двух лексических группировок преобладают **существенные** и **заметные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп можно охарактеризовать как **ярко выраженную**. Если же наблюдается преобладание **видимых** и **несущественных** расхождений, то национальная специфика характеризуется как **неярко выраженная**. Отметим, что при сравнении тематических групп «Политика» в русском и английском языках было выявлено преобладание **существенных** и **видимых** различий и полное отсутствие заметных расхождений. В силу данного факта мы сочли целесообразным уточнить шкалу С.В Колтаковой следующим образом: если при сравнении двух лексических группировок преобладают

существенные и видимые расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп можно охарактеризовать как *умеренно выраженную*.

Согласно уточненной шкале выраженности национальной специфики лексических группировок, национальная специфика тематических групп «Политика» в русском и английском языках в целом может быть признана **умеренно выраженной**. При этом следует отметить, что степень выраженности национальной специфики по отдельным аспектам неодинакова. Так, в аспекте **семантического развития лексем группы** степень выраженности национальной специфики может быть охарактеризована как **ярко выраженная**, в **количественно-структурном аспекте, аспектах типологической характеристики семем группы и семантической близости лексем группы**, а также **эмоционально-оценочном аспекте – как умеренно выраженная**, а в **функционально-стилистическом аспекте – как неярко выраженная**.

Таким образом, проведенное исследование показало, что с помощью сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований можно успешно проводить аспектное изучение и описание национальной специфики языка. Представляется возможным применение предложенной методики аспектного анализа национальной специфики к изучению других лексических группировок разных языков.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
2. Калугина В.А. Национальная специфика языковой презентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
4. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках.: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
5. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: возможности и перспективы// Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С. 3-18.
6. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.

7. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2004.

А.А. Махонина, Ж.В. Петросян

Опыт типологической классификации межъязыковых лакун различной частеречной отнесенности

В настоящее время в лингвистике большое внимание уделяется осмыслинию процесса коммуникации между людьми, изучению взаимосвязи языка и культуры и выделению факторов, которые могут препятствовать общению и взаимопониманию представителей разных народов. В связи с возрастающей актуальностью проблем межкультурной коммуникации весьма важным для лингвистики представляется изучение такого явления, как межъязыковые лакуны. Наличие лакун в одном языке на фоне другого отражает наиболее яркий аспект национально-культурной специфики семантики языка.

В современной лингвистике термин «лакуна» понимается неоднозначно. **Межъязыковая лексическая лакуна** в нашем понимании – это некий смысл, не имеющий в исследуемом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания на фоне наличия подобных наименований в языке сопоставления. Необходимо пояснить, что при сопоставлении языков один из них будет являться фоновым, а другой – исследуемым. **Фоновый язык** – язык, относительно которого в исследуемом языке при межъязыковом сопоставлении выявляется лакуна.

В лингвистике в настоящее время существует множество классификаций межъязыковых лакун, основанных на разных принципах. Так, В.Л. Муравьев, сравнивая русский и французский языки, выделяет чисто **языковые (лингвистические) лакуны**, не зависящие от внеязыковой действительности, которая предполагается тождественной, и **этнографические (экстраглигвистические) лакуны**, обусловленные отсутствием тех или иных вещей или явлений в данной культуре и носящие «бытовой, социально-культурный, нравственный характер» (Муравьев 1975, 1980).

Одной из наиболее полных и обобщенных является классификация, представленная коллективом ученых в составе Г.А. Антипова, О.А. Донских, И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина (Текст как явление культуры 1989). Согласно предложенной классификации, все лакуны делятся на лингвистические (языковые и речевые), культурологические и текстовые (Сорокин 1983; Текст как явление культуры 1989; Марковина, Сорокин 2008).

Языковые лакуны обнаруживаются при сопоставлении различных аспектов двух или нескольких языков как систем. К этой группе относятся

лексические, грамматические и стилистические лакуны. **Речевые лакуны** – лакуны в тексте на языке перевода по сравнению с текстом на исходном языке подразделяются на *частичные лакуны, полные лакуны, компенсированные лакуны* (Текст как явление культуры 1989 с.107-112, Марковина, Сорокин 2008).

Культурологические лакуны возникают в процессе общения, в ситуации контакта двух культур и делятся на группы *субъектных, деятельно-коммуникативных лакун и лакун культурного пространства*.

Возникновение **текстовых лакун** обусловлено особой спецификой текста как инструмента общения, его содержанием, формой фиксации, воспроизведения или восприятия текста, особенностью поэтики и «технологии» автора и творческого процесса в целом, а также жанром текста и типом читателя. (Текст как явление культуры 1989).

Приведем примеры других классификаций межъязыковых лакун, существующие в отечественной и зарубежной лингвистике.

Так, Ю.Ю. Липатова, проводя диахроническое исследование переводов английской литературы середины XIX-XX вв. на русский язык и опираясь на классификацию Г.В. Чернова (Чернов 1958) и В.Л. Муравьева (Муравьев 1975), выделяет следующие виды лакун: **этнографические, связанные**, прежде всего, с внеязыковой национальной действительностью и требующие при своем выявлении непосредственного и постоянного знакомства с жизнью двух народов и малейшими изменениями их культуры, быта; **ассоциативные** – слова и словосочетания, вызывающие стойкие ассоциации, которые порождены национальным мышлением, существующим у большинства носителей языка; **лексические**, проявляющиеся в процессе межкультурного и межъязыкового общения, где значима национально-культурная специфика слов и **лакуны, связанные с передачей внутренней формы слова**, то есть буквального смысла, который складывается из значений морфем, образующих слово (Липатова 2005).

Н.Л. Глазачева в ходе сопоставительного анализа лексических слоев китайского и русского языков, выделяет три большие группы межъязыковых лакун в китайском языке по отношению к русскому, а именно: лексические, этнографические и интеркультурные лакуны. Под **лексическими лакунами** автор понимает слова/понятия, не имеющие своего однословного наименования в переведяющем языке, при этом сами предметы или явления существует в обеих культурах, но они остаются неназванными в силу культурно-исторических причин. **Этнографические лакуны**, обусловленные различающейся экстралингвистической реальностью, связаны с отражением в лексике жизни общества во всех его аспектах. **Интеркультурные лакуны**, отражающие культурные явления и традиции, присущие только данному народу, включают как слова, обозначающие те или иные явления и предметы, так и целые

словосочетания и фразеологизмы (Глазачева 2005, с. 28-32).

Интересной представляется классификация лакун, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниным и основанная на разных принципах. Ученые выделяют следующие виды лакун: мотивированные и немотивированные (по внеязыковой обусловленности), родовые и видовые (по парадигматической характеристики, месту в языковых парадигмах), предметные и абстрактные (по степени абстрактности содержания), номинативные и стилистические (по типу номинации), а также частеречные (по принадлежности лакуны к определенной части речи) (Попова, Стернин, Стернина 2002, Попова, Стернин, 2003).

Как видно из вышеприведенной классификации, ученые берут в основу деление лакун на типы по разным основаниям, не выделяя отдельно группы лингвистических и культурологических лакун.

Е.А. Эйнуллаева также отказывается в своей классификации лакун от традиционного разделения лакун на культурологические и лингвистические, аргументируя свою позицию значительной степенью взаимосвязанности этих типов лакун друг с другом. По мнению исследователя, существование языковых лакун обусловлено наличием культурологических лакун. Однако, признает ученый, во многих случаях объяснить культурологическими факторами возникновение тех или иных языковых различий оказывается практически невозможно, и в этом случае такие лакуны можно назвать языковыми (Эйнуллаева 2003, с. 42). Исследователь считает необходимым рассматривать понятие «лакуна» как феномен, существующий на всех пяти уровнях языковой личности (вербально-семантическом, когнитивном, мотивационном или pragmatischеском, эмоциональном и моторико-артикуляционном).

Немецкий ученый Астрид Эртельт-Фит считает, что описание лакун должно представлять собой не строгую классификацию, а иметь вид динамической модели, позволяющей разграничить различные уровни и аспекты ситуации (события). Астрид Эртельт-Фит и Е. Денисова-Шмидт (Ertelt-Vieth 2003; Эртельт-Фит, Денисова-Шмидт 2007) в своей типологии лакун отходят от чисто языкового подхода и предлагают достаточно широкую классификацию лакун, называя четыре больших класса: **ментальные лакуны**, сигнализирующие о пробелах в понимании, которые возникают в связи с различиями когнитивных и аффективных состояний и моделей, включая фонд знаний в широком смысле; **деятельностные лакуны**, обусловленные пробелами в понимании, возникающими в связи с различиями типов мышления, говорения и других действий; **предметные лакуны**, указывающие на различия в организации материального мира и **аксиологические лакуны**, отражающие пробелы в понимании, которые возникают на основании различных оценок и интерпретаций (Ertelt-Vieth 2003; Эртельт-Фит, Денисова-Шмидт 2007).

Эрика Гродзки (Grodzki 2006, с. 98-106), соглашаясь с выводами,

сделанными Астрид Эртельт-Фит, признает, что все существующие лакуны являются культурологическими, причем рассматривать их, по мнению ученого, следует в аксиологическом ракурсе. Исследователь делит все аксиологические лакуны на субъектные (*Subjective Lacunas*), коммуникативно-деятельностные (*Lacunas of Communicative Activity*) и лакуны культурного пространства (*Lacunas related to cultural space*).

Субъектные лакуны включают те же подтипы, что и субъектные лакуны в классификации, предложенной Г.А. Антиповым, О.А. Донских, И.Ю. Марковиной, Ю.А. Сорокиным (Текст как явление культуры 1989). Однако Эрика Гродзки вводит в их состав лакуны юмора (*Humor Lacunae*), перцептивные лакуны (*Perceptive Lacunas*), отнесенные вышеупомянутыми авторами к лакунам культурного пространства (Текст как явление культуры 1989) и интеррефлексивные лакуны (*inter-reflective*) (Grodzki 2006, с. 98-106). В состав **коммуникативно-деятельностных лакун**, по мнению исследователя, входят паралингвистические (*Paralinguistic Lacunae*) и ментальные лакуны (*Mental Lacunas*), лакуны идентичности (*Lacunas relating to identity*), кинесические (*Kinetic Lacunas*), рутинно-бытовые (*Routine Lacunae*), поведенческие лакуны (*Behavioral-specific lacunas*), лакуны этикета (*Etiquette lacunas*), лакуны культурного фонда (*Fund Lacunas*), а также языковые лакуны (*Language system lacunas*) и лакуны, связанные с особенностями использования языка (*Language usage lacunas*) (там же).

И. Панасюк модифицирует понимание абсолютных и относительных языковых лакун, полных и частичных речевых лакун, а также конфронтативных и контрастивных, эксплицитных и имплицитных лакун (Текст как явление культуры 1989) и их аксиологических характеристик с учетом точек зрения И.Ю. Марковиной и Астрид Эртельт-Фит и делит аксиологические лакуны согласно этой модификации на абсолютные/полные и относительные/частичные (Панасюк 2007). Таким образом, автор не выделяет лингвистические лакуны как отдельный тип, строя свою типологию, как и Е.А. Эйнуллаева (Эйнуллаева 2003) и Астрид Эртельт-Фит (Ertelt-Vieth 2003; Эртельт-Фит, Денисова-Шмидт 2007), в большей степени, на экстралингвистических факторах, что кажется нам не вполне оправданным.

Отметим, что все вышеприведённые классификации, позволяющие выявить те или иные характеристики лакун, представляют несомненный интерес. Однако, практически ни одна из них, за исключением деления лакун на межъязыковые и внутриязыковые лакуны, не основана на едином принципе и не является всеобъемлющей. Нами предложена единая типология лексических лакун, которая охватывает все без исключения межъязыковые лакуны и основывается на едином принципе – причине лакунарности, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Такой причиной является отсутствие в исследуемом языке либо

соответствующего обобщения, либо соответствующей конкретизации по определенному признаку.

Отметим, что приведенная типология, разработанная для субстантивных лакун, применима к лакунам различной частеречной отнесенности, в частности, к адъективным лакунам.

Согласно предлагаемой нами типологии, все межъязыковые лакуны подразделяются на две большие группы: обобщающие и конкретизирующие.

Обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке (в нашем случае – русском) соответствующего обобщения. Например, *что-л., прикреплённое за один конец, свешивающееся или развевающееся на ветру* –ср. *flap, предмет, похожий на гусиную шею, изогнутый в виде буквы S* –ср. *gooseneck, разрушенный или пострадавший от землетрясения* –ср. *earthquaked, длинный и мягкий (о траве и т. п.)* –ср. *lank*.

Конкретизирующие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённому признаку. Например, *человек в возрасте между 70 и 79 годами* –ср. *septuagenarian, любитель глазеть на выставленные в витринах товары (без намерения их купить)* –ср. *window shopper, медленно идущий вдоль берега (о судне)* –ср. *landsick, монтируемый на автомобиле* –ср. *carborne*.

Следует отметить, что количество конкретизирующих лакун, как субстантивных, так и адъективных, значительно превышает количество обобщающих лакун. Таким образом, судя по лакунарной сфере языка, английское языковое сознание демонстрирует большую склонность к конкретизации номинации.

Однако следует отметить ряд типологических особенностей у лакун различных частей речи. Так, например, в группе обобщающих адъективных лакун были выделены типологические подтипы: эксплицитно-обобщающие и имплицитно-обобщающие.

Под эксплицитно-обобщающими адъективными лакунами мы понимаем такие, у которых обобщение выражено эксплицитно в словарной дефиниции. Например, *сплющенный или сжатый у полюсов* –ср. *oblate*. В данном случае обобщение **сплющенный или сжатый** эксплицитно присутствует в словарной дефиниции. В качестве примеров эксплицитно-обобщающих лакун можно привести также следующие: *высшего качества или большого размера* –ср. *imperial; ясный и солнечный* –ср. *fair*.

Под имплицитно-обобщающими адъективными лакунами нами понимаются такие, у которых обобщение не выражено в словарной дефиниции, но может быть понято благодаря денотативным семемам лексем, входящих в словарное определение. Например, *без надписи, без тиснения* –ср. *letterless*. В данном случае имплицитно подразумевается обобщение **существующий, продающийся, сделанный и т.д. без надписи,**

без тиснения. Подобных типологических подтипов у субстантивных лакун не наблюдается, обобщение в словарных дефинициях у них выражено только эксплицитно – либо обобщающими словами «что-либо», «нечто», «то, что» (что-либо, починенное на скорую руку – ср. *vamp*), либо словами «предмет» или «вещь» (вещь, полученная напрокат или во временное пользование (автомобиль, часы и т.п. на время ремонта) – ср. *loaner*).

Дальнейший анализ адъективных лакун показал, что у эксплицитно-обобщающих адъективных лакун обобщение может быть выражено конъюнкцией или дизъюнкцией, в результате чего можно говорить о дизъюнктивных и конъюнктивных эксплицитно-обобщающих лакунах. Дизъюнктивные обобщающие адъективные лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, представленного в виде **альтернативы** между двумя родовыми признаками. Например: учащийся или изучаемый экстерном – ср. *external*; заросший или обсаженный ивняком – ср. *willowed*.

Конъюнктивные обобщающие адъективные лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, выраженного **совокупностью** родовых признаков. Примером таких лакун являются следующие: *простой и безмятежный* – ср. *comfortable*; *густой и курчавый (о волосах)* – ср. *woolly*.

Проведенное исследование также дало возможность выделить одну дизъюнктивную адъективную лакуну с конъюнкцией – *спелый и мягкий или сладкий и сочный (о фруктах)* – ср. *mellow*. Таким образом, мы можем констатировать наличие дизъюнктивно-конъюнктивной обобщающей адъективной лакуны.

Отметим, что подобный подход применим и к субстантивным лакунам, у которых обобщение также может быть выражено дизъюнкцией или конъюнкцией. Примерами дизъюнктивных обобщающих субстантивных лакун, у которых наблюдается отсутствие обобщения, представленного в виде **альтернативы** между родовыми признаками, могут послужить следующие: *что-л., прикреплённое за один конец, свешивающееся или развеивающееся на ветру* – ср. *flap*, *то, что упало или падает каплями (дождь, стекающий жир и т.п.)* – ср. *droppings*. Конъюнктивные обобщающие субстантивные лакуны отмечаются при отсутствии обобщения, выраженного **совокупностью** родовых признаков: *что-л. дискредитирующее, позорящее, вредящее репутации* – ср. *libel, нечто неосозаемое, неуловимое, смутное* – ср. *intangible*.

Заметим, что конъюнкция и дизъюнкция у адъективных и субстантивных обобщающих лакун может быть **двухчленной, трехчленной** и более, однако, в отличие от адъективных лакун, обобщение у субстантивных лакун не обязательно выражается при помощи дизъюнкции или конъюнкции. Для субстантивных лакун характерно одночленное обобщение, например, *что-л. позволяющее сэкономить время* – ср. *timesaver, предмет, лежащий поверх другого предмета* – ср. *rider*.

Исследование обобщающих русско-английских субстантивных лакун показало возможность отсутствия обобщения по 41 **лакунарному признаку**, а обобщающих русско-английских адъективных лакун – по 25 **лакунарным признакам**. Под лакунарными признаками понимаются смысловые компоненты, отсутствующие в исследуемом языке по сравнению с фоновым языком. Так, в русском языке может отсутствовать обобщение у субстантивных лакун по следующим лакунарным признакам: весу (*предмет весом в один фунт* –ср. pounder), продолжительности (*что-либо, продолжающееся всю ночь* –ср. nightlong), размеру (*что-либо очень маленькое или миниатюрное* –ср. midget) и т.д. У адъективных лакун отсутствие обобщения наблюдается по следующим лакунарным признакам: типу действия (*находящийся или происходящий в помещении* –ср. indoor), цвету (*оранжево-желтый или красновато-желтый* –ср. luteous, внешним признакам (*со свалявшейся шерстью (о животном)* –ср. ragged) и т.д.

Отметим, что лакунарные признаки у обобщающих субстантивных и адъективных лакун могут совпадать, например, по качеству (*что-л. замечательное по качеству* –ср. standout; *жирный и липкий (о почве)* –ср. unctuous), по форме (*что-л., имеющее форму полумесяца* –ср. crescent; *серповидный или круглый* –ср. lunar), по материалу (*что-л. искусственное, имитирующее настоящее* –ср. artificials; *из слоновой кости* –ср. eburnean) и т.д. Однако, у различных частей речи лакунарные признаки могут быть и эндемичными. Так, например, отсутствие обобщения по определенности/неопределенности существования (*нечто неопределённое, расплывчатое* –ср. nebulosity), по осознательным ощущениям (*что-либо мягкое, податливое* –ср. squash), по периодичности (*то, что повторяется ежедневно* –ср. quotidian) и т.д. наблюдается только у субстантивных лакун, в то время как для обобщающих адъективных лакун характерны следующие лакунарные признаки: время совершения действия (*времени эпохи одного из английских королей Георгов* –ср. Georgian), положение в пространстве (*самый крайний или правый* –ср. rightmost), место приложения действия (*вне экрана, в обычной жизни* –ср. offscreen) и т.д. В целом нами было выделено 12 совпадающих и 42 несовпадающих лакунарных признака у обобщающих субстантивных и адъективных лакун.

Говоря о конкретизирующих лакунах, следует отметить, что и субстантивные, и адъективные лакуны являются эксплицитно-конкретизирующими, то есть конкретизируемое слово присутствует в словарной дефиниции. Например, *тот, кто вводит в заблуждение, затемняет существо дела* –ср. obscurant; *медленно идущий вдоль берега (о судне)* –ср. landsick. В данных случаях конкретизируемое слово **тот** и **идущий** эксплицитно присутствуют в словарной дефиниции.

Однако среди конкретизирующих субстантивных лакун выделяется отдельный подтип – **конкретизирующие лакуны с денотативным**

ограничением. Такое ограничение может быть представлено либо в виде закрытого списка денотатов (*животное, птица или рыба, питающиеся падалью* – ср. *scavenger*), либо указанием на исключение отдельного денотата из денотативной отнесенности лексического соответствия (*промышленная рыба (кроме камбалы)* – ср. *roundfish*).

У конкретизирующих субстантивных лакун отмечена возможность отсутствия конкретизации по 67 лакунарным признакам, в том числе: длине (*расстояние, в пределах которого слышен оклик* – ср. *hail*), размеру (*самый маленький поросенок из помета* – ср. амер. *runt*), вместимости (*винная бутыль, вмещающая две кварты* – ср. *magnum*) и др.

Отсутствие конкретизации у конкретизирующих адъективных лакун зафиксировано нами по 35 лакунарным признакам, например: объекту приложения действия (*изображенный на медали, ордене* – ср. *medallic*), отнесенности (*относящийся к юридическим работникам без диплома юриста* – ср. *paralegal*), наличию (*имеющий плавники* – ср. *finned*), образу действия (*обильно текущий струей* – ср. *profluent*) и т.д.

У конкретизирующих субстантивных и адъективных лакун также имеются совпадающие лакунарные признаки, например, по воздействию (*лекарство, действующее на органы грудной клетки* – ср. *pectoral*; *обдуваемый ветром* – ср. *windy*), испытываемому действию (*груз, товары, сброшенные с корабля при аварии (и прибитые к берегу)* – ср. *jetsam*; *испытывающий слабость, головокружение и т. п.* – ср. *faint*), предназначению (*конверт или пакет для официальных документов* – ср. *jacket*; *предназначенный для работы на морозе* – ср. *subzero*). Нами отмечено 19 таких совпадающих лакунарных признаков. Однако отметим, что большинство лакунарных признаков у конкретизирующих субстантивных и адъективных лакун являются эндемичными.

Таким образом, проведенное исследование позволило разработать универсальную типологическую классификацию, основанием для которой служит причина лакунарности, то есть причина, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Лакуны обеих частей речи демонстрируют наличие как конкретизирующих, так и обобщающих лакун, причем количество конкретизирующих лакун значительно превышает количество обобщающих лакун. Анализ также выявил ряд типологических особенностей. Так, обобщающие адъективные русско-английские лакуны имеют типологические подтипы: эксплицитно-обобщающие и имплицитно-обобщающие, в то время как все субстантивные лакуны являются эксплицитными.

Отметим, что деление эксплицитно-обобщающих лакун на конъюнктивные и дизъюнктивные характерно для лакун обеих частей речи. Однако дизъюнктивно-конъюнктивная лакуна была зафиксирована только у адъективных лакун.

Что касается конкретизирующих лакун, то субстантивные лакуны, в

отличие от адъективных, имеют отдельный подтип – *конкретизирующие лакуны с денотативным ограничением*.

Обращает на себя внимание тот факт, что и у обобщающих, и у конкретизирующих субстантивных и адъективных лакун имеются одинаковые лакунарные признаки, но эндемичные лакунарные признаки, присущие конкретной части речи, значительно преобладают.

Литература

1. Ertelt-Vieth Astrid. How to Analyze and Handle Cultural Gaps in German Everyday Life, 2003.
2. Grodzki Erica. The Lacuna Model and Its Application Potential for Advertising Research / Erika M. Grodzki // Вопросы психолингвистики. – 2006. – №3. – С. 95-103.
3. Глазачева Н. Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2005. – Вып. 2. – С. 31-34.
4. Липатова Ю.Ю. Лакуны в русском языке : диахроническое исследование на материале разновременных переводов английской литературы сер. XIX-XX вв.: дис. ... канд. фил. наук. – Чебоксары, 2005.
5. Марковина И.Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. – М. , 2008.
6. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). – Владимир, 1975.
7. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун : Пособие по курсу типологии русского и французского языков. – Владимир, 1980.
8. Панасюк И. Теория лакун и проблема эквивалентности перевода // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 51-72.
9. Попова З.Д. , Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2003.
10. Попова З.Д. , Стернин И.А., Стернина М.А. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002а. – С. 155-170.
11. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун : Методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. – Калинин, 1983. – С. 35-52.
12. Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989.
13. Чернов Г.В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык // Учен. зап. I МГПИЯ. Т. 16 : Грамматика, лексикология, стилистика. – М., 1958. – С. 223-255.
14. Эйнуллаева Е. А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации : На примере английских и русских языков : Дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 2003.
15. Эртель-Фит А., Денисова-Шмидт Е. Лакуны и их классификационная сетка // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 39-51.

Е.А. Маклакова

К вопросу о принципах семного описания слова в двуязычной лексикографии

Одно из направлений практического применения результатов исследований в области семной семасиологии и контрастивной лингвистики, важное для познания как иностранного, так и родного языков, а в конечном итоге, для взаимообогащения и взаимопонимания двух культур, представленных данными языками, тесно связано с методикой составления словарей. Это само по себе неудивительно и вполне объяснимо, так как в словарях находит свое отражение сконцентрированный опыт поколений или, по образному выражению А.Франса, отображена «вселенная в алфавитном порядке».

Количество и разнообразие современных словарей велико, равно как и число их общих и различительных черт. Как известно, в процессе исторического развития лексикографической науки сложился «традиционно-классический тип словарной статьи, состоящий из следующих компонентов:

- 1) словника, т.е. подбора вокабул со взаимными ссылками и отсылками,
- 2) филиации, т.е. расчлененной подачи значений той или иной вокабулы,
- 3) стилистических, грамматических и фонетических ремарок или помет к словам и их значениям,
- 4) иллюстративных примеров,
- 5) идиоматических и фразеологических сочетаний к данному слову,
- 6) перевода или толкования» (Реформатский 2003, с.154).

Основные усилия составителей словарей, как правило, направлены на решение проблем, которые не отличаются своей новизной, но практически никогда не теряют своей актуальности и связаны с эффективностью и достоверностью дефиниций. С одной стороны, этим определяется полнота и разнообразие средств, используемых для раскрытия значения слова, а с другой стороны, степень их информативности и полезности для пользователей подобных изданий. Несмотря на то, что в последние годы многие авторитетные лингвистические школы внесли значительный вклад в разработку новых переводных словарей разных типов, вопрос о том, какая структура словарной статьи является наиболее приемлемой, изучен не в полном объеме. Перед составителями стоит трудноразрешимая задача: отразить все многообразие значения слова ярко, образно и наглядно, и в то же время, сделать это кратко, сжато, лаконично.

Наиболее распространенный тип словарей, предназначенный для освещения билингвальных коммуникативных трудностей и для очень широкого охвата потребителей, – это двуязычный переводной словарь, в котором обычно наряду с краткими лексико-грамматическими указаниями к вокабуле дается перевод данного слова в разных его значениях на другой

язык. Однако в современных условиях традиционный принцип раскрытия содержания значения слова через простое перечисление возможных вариантов его перевода для пользователей двуязычными переводными словарями оказывается недостаточным, потому что он не учитывает и не отражает всего национально-специфического своеобразия языковых единиц.

В решении этой проблемы позитивную роль могут сыграть те лексикографические принципы, которые были сформулированы на основе результатов исследования семантики единиц ЛФП «Наименования лиц», и которые были положены в основу составления конструктивно новых двуязычных словарей. Один из них – это семный принцип описания семантики слова (о терминах *семная* и *семемная* семасиология см. (Попова, Стернин 2009).

Общеизвестно, что в лингвистической семантике второй половины XX в. продуктивной явились мысль о том, что план содержания языкового знака членится на фигуры (Ельмслев), которые в дальнейшем стали называться семы (Шмелев), элементарные смыслы (Апресян), семантические множители (Жолковский, Мельчук), семантические примитивы (Вежбицкая). Методику выявления элементов, составляющих значение единицы, вслед за ее основателями Гуденафом и Лаунсбери стали называть компонентным анализом (Степанов 1977; Стернин 1979; Трубачев 1980, Селиверстова 2004, Попова, Стернин 2009 и др.).

В ходе проведения компонентного анализа различных групп лексики было обнаружено, что в значение слова входит, прежде всего, информация о дифференциальных признаках, которые помогают отличить друг от друга объекты, входящие в один класс (Шмелев 1973). Основным способом выявления этих признаков является изучение лексических оппозиций. Представление о компонентной структуре значения было также дополнено понятием об интегральных признаках, на основании которых объекты включаются в класс (Шмелев 1969; Найда 1970). В дальнейшем в связи со значением слова стали рассматривать признаки, названные потенциальными (Гак 1972), ассоциативными (Селиверстова 2004) и т.д., причем квалифицировались эти признаки как несущественные (Падучева 2004).

В результате значение слова было представлено как определенным образом организованная структура, состоящая из семантических компонентов, различающихся по типу, яркости и статусу и упорядоченных по принципу ядра и периферии.

К сожалению, в последнее время в лингвистике исследования в области семной семасиологии и особенно типологии сем фактически прекратились, в то время как широкое использование когнитивных и экспериментальных методов показывает, что типы сем гораздо более

многочисленны, чем выделенные на этапе становления компонентного анализа.

Семный принцип описания семантики слова, хотя и был продекларирован лингвистами прошлого века, так и не стал принципом практического описания семантики слова в словарях, как одноязычных, так и переводных. Дальнейшие исследования в области семной семасиологии в целях выработки принципа описания значения слова представляют сейчас актуальную научную задачу.

Согласно нашим исследованиям, материалом для которых послужили свыше 7,5 тысяч наиболее частотных и в основном полисемантических лексических и фразеологических наименований лиц русского языка (около 20 тысяч значений), полученных в результате сплошной выборки из толковых словарей русского языка С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, словарей под редакцией Н.Ю. Шведовой, С.А.Кузнецова, «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, «Частотного словаря современного русского языка» С.А. Шарова (электронная версия), «Лексико-фразеологического словаря русского языка» А.В. Жукова, «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией И.В. Федосова, «Фразеологического словаря русского литературного языка» А.И. Фёдорова, «Словаря русской фразеологии» под редакцией В.М. Мокиенко, «Толкового словаря названий женщин» Н.П. Колесникова и около шести тысяч их переводных соответствий в английском языке по материалам наиболее авторитетных толковых и переводных лексикографических источников, а именно: Англо-русский фразеологический словарь А.В. Кунина, American Heritage Dictionary of the English Language, Collins Paperback Dictionary and Thesaurus, Longman Dictionary of English Language and Culture, The Oxford Dictionary of Current English, Ridout R. & Witting C. English Proverbs Explained, The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable, был разработан унифицированный метаязык семного описания значения слова или фразеологического сочетания для одного из крупнейших лексико-фразеологических разрядов в двух языках (Маклакова 2009).

Использование унифицированного метаязыка описания семантики слова на уровне сем, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве основополагающего лексикографического принципа, применение которого возможно как в рамках одного языка, так, при условии межъязыковой унификации, и при описании семантики слов двух сопоставляемых языков.

Для двуязычной лексикографии необходимы также контрастивные исследования, которые позволяют на основе дифференциации семантики межъязыковых переводных соответствий выявить национальную специфику семантики на семном уровне, которая в основном по данным нашего исследования проявляется в виде безэквивалентности семы или семной лакунарности, а также в отличии семы в семной структуре

исходной единицы языка по типу, статусу или структуре (чаще по семному конкретизатору) от параллельно сопоставляемой семьи в структуре переводного соответствия.

Дальнейшее усовершенствование терминологического аппарата семной семасиологии и обобщение опыта контрастивных исследований значительного по своему объему лексического и фразеологического материала позволило разработать и применить на практике основные принципы реализации семного описания с применением унифицированного метаязыка описания и контрастивной методики.

Наибольший практический интерес для широкого круга пользователей вызывает **дифференциальный толково-переводной русско-английский словарь наименований лиц**, составленный на базе дифференциальной семантизации и дифференциальных семных толкований контрастивно сопоставляемых лексических и фразеологических единиц в двух языках. Дифференциальный толково-переводной словарь контрастивного типа имеет следующую организационную структуру: единица исходного языкадается в нем в форме семного толкования, включающего результаты компонентного анализа трех основных макрокомпонентов её значения; толкование переводных соответствий данной единицы в иностранном языке содержит только национально-специфические (дифференциальные) семы. Словарные статьи словаря данного типа выглядят следующим образом:

АВТОМАТЧИК

1. Лицо, **мужской пол**, обслуживает самодействующее устройство, производящее работу по заданной программе;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

automated machine operator в отл. от автоматчик:

мужской / женский пол.

2. Лицо, **мужской пол**, входит в состав военизированной организации, вооружен автоматом;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

submachine gunner в отл. от автоматчик :

мужской / женский пол.

АГЕНТ

1. Лицо, мужской / женский пол, представляет организацию / учреждение, выполняет служебные / деловые поручения;
неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

= **agent**.

2. Лицо, мужской / женский пол, действует в чьих-н. интересах, служит чьим-н. интересам;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

= **agent**.

3. Лицо, мужской / женский пол, состоит на службе в разведке какого-л. государства;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

= **(undercover / secret) agent**.

АКТЕР

1. Лицо, **мужской пол**, исполняет роли в спектаклях и фильмах;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

actor в отл. от актер :

мужской / женский пол.

2. Лицо, мужской пол, притворяется кем-л. или каким-л., скрывает истинные мысли и чувства в расчете на благоприятное впечатление;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

– **безэквивалентное**.

Cp. **bad actor**

Лицо, мужской пол, подлый и скандальный;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

сниженное: сленговое, общенародное, современное, американское, употребительное.

• АКТЁРСКАЯ БРАТИЯ

Совокупность лиц, мужской / женский пол, объединенных на основе дружбы и профессиональных исполнительских интересов;

неоценочное, шутливое;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

= **acting fraternity**.

АМЕБА

Лицо, мужской / женский пол, отличается отсутствием воли и бесхарактерностью;
неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

– **безэквивалентное.**

АНОНИМЩИК

Лицо, **мужской пол**, пишет письма без подписи, сообщающие о ком-н. что-н. обидное, неприятное, компрометирующее; неодобрительное, презрительное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

poison-pen writer в отл. от анонимщик:

мужской / женский пол.

anonymous letter writer в отл. от анонимщик:

мужской / женский пол, сообщающие о ком-н. что-н. обидное, неприятное,

компрометирующее или содержащие угрозы;

межстилевое.

Подобная практика лексикографического описания лексических и фразеологических переводных соответствий исходного и фонового языков на семном уровне представляет собой новый этап в развитии современной лексикографии.

Литература

1. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1972. – С.367-395.
2. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С.215-262.
3. Маклакова Е.А. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика): монография.– Воронеж, 2009.
4. Найда Ю.А. Наука перевода // Вопросы языкознания. – 1970. – №4. – С. 31-37.
5. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Семемный и семный анализ как методы в семасиологии // Язык и национальное сознание. – Вып.12. – Воронеж, 2009. – С. 4-9.
7. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М., 2003.
8. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М, 2004.

9. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиотика // Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977. – С. 294-358.
10. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979.
11. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкоznания. – 1980. – №3. – С.3-14.
12. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 1969.
13. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.

Л.В. Лукина

К вопросу о создании словаря, ориентированного на переводчика

В настоящее время все большее внимание современная лингвистика уделяет сопоставительному анализу языков. Особая роль в этом принадлежит контрастивной лингвистике, целью которой является аргументировано показать как сходное, так и различное в языках и культуре народов. Контрастивный анализ языков представляет собой, как известно, относительно молодое и в то же время весьма перспективное лингвистическое направление, касающееся разных языковых уровней. Повышенный интерес к контрастивной лингвистике объясняется не только ее причастностью к решению собственно теоретических проблем отдельных языков, но и тем, что она непосредственно связана с обучением иностранным языкам, теорией и практикой перевода, а также значима для практики составления двуязычных словарей.

Количество и разнообразие современных словарей велико, равно как и число их общих и различительных черт. В процессе исторического развития лексикографической науки сложился традиционно-классический тип словарной статьи как основной структурной единицы словаря, состоящей из текста, разъясняющего лексическую единицу и описывающего ее основные характеристики. Наиболее распространенный тип словарей – это двуязычные переводные словари, где дается перевод данного слова в разных его значениях на другой язык. Однако простое перечисление возможных вариантов перевода слова для переводчиков оказывается недостаточным, потому что оно не учитывает культурологического аспекта межкультурного общения и не отражает всего национально-культурного своеобразия языковых единиц.

Здесь на помощь переводчику приходят контрастивные исследования семантики. Метод контрастивного анализа позволяют создать основу для составления новых типов переводных словарей. Так, в семном двуязычном словаре словарные статьи представляют собой посемное описание

значений слов исходного языка и их соответствий в другом языке, на фоне которого происходит сопоставление. В контрастивном толково-переводном словаре дается полный перечень сем лексемы исходного языка с указанием возможных переводных соответствий и их отличий по семному составу. В контрастивном дифференциальном словаре перечисляются несовпадающие семы лексем исходного и сравниваемого языков (Контрастивная лексикология и лексикография 2006). Однако имея приведенное в словаре детальное описание семантики конкретной лексической единицы, либо ее отличий от единиц другого языка, переводчик должен, тем не менее, по-прежнему самостоятельно определять, какой из вариантов перевода той или иной лексической единицы считать оптимальным.

Чтобы избежать субъективности в выборе переводческого соответствия и предоставить переводчику оптимальный вариант перевода необходимо среди всех возможных межъязыковых соответствий указать оптимальный переводной вариант. Определение оптимального переводного соответствия при контрастивном семном описании стало возможным благодаря введению формализованных параметров, представленных в виде индексов *денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем*, под которыми понимается отношение совпадающих денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем. Оптимальным переводным вариантом признается такой, для которого зафиксированы наибольшие значения отмеченных индексов при лидирующей роли индекса денотативной идентичности (Лукина 2008).

Расчет указанных индексов производится следующим образом – в случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае же частичного совпадения семы – 0,5.

При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова соответствует та или иная сема английского языка. При этом несовпадающие семы в целях большей наглядности выделяются жирным шрифтом. При отсутствии семы в одном из языков и при наличии ее в другом ставится знак **0**, что означает, что сема безэквивалентна.

При анализе контрастивных пар семное описание проводится в следующем порядке: денотативные, коннотативные и функциональные семы.

В качестве примера приведем лексему *обзор*, имеющую в английском языке четыре соответствия.

ОБЗОР - roundup

- сообщение
- устное
- в сжатом виде
- **о связанных между собой фактах или событиях**
- с целью информирования общественности
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*
- сообщение
- устное
- в сжатом виде
- **в виде изложения основных произошедших событий**
- с целью информирования общественности
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *малоупотребительное*

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 80%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 80%.

ОБЗОР - survey

- сообщение
- устное
- в сжатом виде
- **о связанных между собой фактах или событиях**
- с целью информирования
- сообщение
- устное
- в сжатом виде
- **без деталей**
- с целью информирования

общественности

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 70%, а индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100%.

ОБЗОР - overview

- сообщение
- устное
- в сжатом виде
- **о связанных между собой фактах или событиях**
- с целью информирования **общественности**
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*
- сообщение
- устное
- в сжатом виде
- **содержащее главную информацию без деталей**
- с целью информирования
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *употребительное*

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 70%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 80%.

ОБЗОР - review

• сообщение • устное • в сжатом виде • о связанных между собой фактах или событиях • с целью информирования общественности • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• сообщение • устное или письменное • О • в средствах массовой информации • с целью выразить мнение о чем-либо • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 30%, индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100%.

Сравним полученные значения индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности для рассмотренных контрастивных пар: обзор – roundup; обзор – survey; обзор – overview; обзор – review:

Контрастивная пара	ОБЗОР – roundup	ОБЗОР – survey	ОБЗОР – overview	ОБЗОР – review
Наименование индекса				
Индекс денотативной идентичности	80%	70%	70%	30%
Индекс коннотативной идентичности	100%	100%	100%	100%
Индекс функциональной идентичности	80%	100%	80%	100%

Как показал анализ вышеупомянутых индексов, по денотативному значению самым близким соответствием анализируемой русской лексеме является английская лексема *roundup*. Функционально ближе всего к лексеме русского языка оказались лексемы *review* и *survey*. Коннотативно все четыре лексемы: *roundup*, *survey*, *overview* и *review* эквивалентны русской лексеме *обзор*. Поскольку денотативный компонент значения является доминирующим при определении национальной специфики семантики, можно утверждать, что наибольшее национальное различие демонстрирует контрастивная пара *обзор – review*, индекс денотативной идентичности которой оказался наименьшим и равен 30%, а наибольшее соответствие – английская лексема *roundup*, индекс денотативной идентичности которой наибольший и равен 80%. Эта лексема и должна быть признана оптимальным соответствием исходной лексеме русского языка.

Таким образом, семный анализ контрастивных пар и использование индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем делает возможным дать обоснованные рекомендации переводчику по выбору наиболее оптимального переводного соответствия.

Проблема создания такого переводного словаря, где будут отражены особенности национальной специфики семантики лексической единицы с учетом денотативных, коннотативных, а также функциональных компонентов является актуальной для современной лексикографии. Наш опыт показал, что создание подобного типа словаря, ориентированного специально на переводчиков, является вполне достижимым.

Литература

1. Контрастивная лексикология и лексикография. Монография / Под ред. И.А.Стернина и Т.А.Чубур. – Воронеж, 2006.
2. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2008.

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

А.П. Бабушкин

О единстве противоположностей в синонимических рядах английского и русского языков

В обсуждаемом ниже явлении проявляется принцип единства противоположностей в том варианте, когда единство сцепментировано понятием синонимии, а противоположности представлены идеей «квазиполярности» между членами синонимического ряда.

Синонимы – это слова, близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся или оттенками значений, или стилистической окраской, либо и тем и другим (Розенталь, Теленкова 1985, с. 280).

По ходу проведенного нами исследования было выявлено, что в составе синонимов некоторых глагольных лексем, родовых по своему статусу, имеются видовые ветвления, формирующие своеобразные оппозиции.

Материалом анализа послужили английские глаголы *sit, eat, cut, drink, sing, look, laugh* и их русские аналоги *сидеть, есть, резать, пить, петь, смотреть и смеяться*.

Синонимические ряды, подвешенные под ту или иную глагольную рубрику, изучались по идеографическому словарю английского языка Merriam Webster's Collegiate Thesaurus, их составляющие уточнялись по Collins Cobuild English Language Dictionary (CCELD), значение русских глаголов сверялись по Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, автор статьи полагался также и на собственные языковые знания.

В указанном ключе перейдем к анализу конкретных примеров:

Sit (down) – сидеть, садиться

В синонимическом ряду глагола *Sit (down)* имеются два интересующих нас синонима этого глагола: *perch* и *flop*.

По CCELD *perch* толкуется следующим образом: *perch* обозначает действие, при котором человек садится на край стула или другого предмета, который для этого не предназначен, на короткий промежуток времени: *Dr. Quilty perched on the corner of the bed.*

В свою очередь, *flop* представляет нам ситуацию, когда кто-то с размаху, тяжело, чувствуя усталость, опускается на стул: *The flopped into an armchair with a drink.*

Сравните с русским *примоститься* – поместиться, пристроиться в

неудобном месте, в неловком положении (сбоку, с краю) и *плюхнуться* – грузно, тяжело сесть.

Eat – есть

Сопоставим два глагола: *partake* и *gorge*.

Под *partake* понимается случай, когда не едят, а, скорее, деликатно пробуют пищу или напиток: *He refused to partake of the modest meal Serafina had prepared.*

С другой стороны, *gorge* значит *есть* что-то очень жадно до полного насыщения, а *devour* – *есть* не только жадно, но и с примерной быстротой: *He devoured a whole tin of beans.*

Сравним с русским *вкусить*, *откушать* против грубого *жрать*, применяемого по отношению не только к животному, но и к человеку.

Cut – резать, разрезать

В синонимическом ряду под общей рубрикой *cut* имеется пара глаголов, способных по-разному обозначать процесс разделения чего-то на части, отделения от целого каким-либо острым орудием.

Первый из них – глагол *slice*. В CCELD читаем: *If you slice a piece of food, you cut it into thin pieces of the same size*, что прозвучит в переводе, как: *Если вы разделяете (slice) кусочек пищи, вы режете его на тонкие ломтики одного и того же размера.*

Под термином *tear* понимается процесс, во время которого кусок пищи буквально разрывается на части, яростно кромсается.

В русском языке нет прямого соответствия лексеме *slice*, выражаемого универсально; специфика глагола *tear* отмечена в переводе этого глагола.

Drink – пить

Два варианта питья иллюстрируются глаголами *sip* и *quaff*.

Sip соотносится с действием, при котором человек пьет что-то маленьками глотками, не спеша: *The quests were sipping their drinks*; *quaff* – наоборот, выпить налитое быстро, буквально заглотить: *He quaffed half the contents of his glass in one gulp.*

В русском языке можно противопоставить глагол *потягивать* (какой-то напиток) и известное в народе слово *хлопнуть* – выпить залпом, сразу: *Он хлопал стакан за стаканом* (Ожегов, Шведова).

Sing – петь

В указанном плане глагол *sing* следует развести по двум направлениям: *hum* и *roar*.

Hum – значит продуцировать звуки определенной мелодии таким образом, что губы остаются сомкнутыми, т.е. напевать что-то «про себя», не раскрывая рта: *I began to hum a bit and feel happy.*

Полярным по смыслу является глагол *roar* – петь очень громко, оглушительно реветь.

Сравните русское *мурлыкать* – тихонько напевать (*мурлыкать песню*), с одной стороны, а с другой – орать, громко петь, горланить.

Look – смотреть на что-либо, кого-либо

Среди синонимов глагола *look* обратим внимание на два: *glance* и *stare*.

Вариант с лексемой *glance* предполагает ситуацию, когда человек, быстро взглянув на кого-то или что-то, отводит глаза в сторону: *The old woman glanced at me with a cunning smile*, тогда как в плане содержания глагола *stare* актуализируется признак интенсивности взгляда – *stare* – значит подолгу смотреть на объект широко раскрытыми глазами: *He stared out of the window to remember every detail of the accident* (иначе: смотреть без отрыва, глазеть).

Laugh – смеяться

В ряду синонимов глагола *laugh* обратим внимание на два из них: *chuckle* и *guffaw*.

Chuckle – сдавленно смеяться (есть в русском языке и такое выражение, как *дежурный смех*), в то время, как *guffaw* – смеяться от души, открыто и громко.

Соответственно, в русском: *хихикать* – смеяться исподтишка, а также *прыснуть* – засмеяться, не сдерживаясь в ответ на что-либо смешное (и вновь – непродолжительно), и *гоготать* – делать то же самое при неодобрительном отношении окружающих, долго и громко.

Таким образом, приведенные здесь оппозиции позволяют по-иному взглянуть на идею «фамильного сходства», высказанную Л. Витгенштейном. Ученый считал, что члены одной и той же категории попарно связываются наличием у них какого-нибудь общего признака. Подтекст термина «фамильное сходство» объясняется фактом сравнения людей, связанных родственными связями: один родственник может быть похожим на другого в силу близости их темпераментов, а другой – из-за существующего между ними «портретного» сходства (Кубрякова и др. 1996, с. 43).

Действительно, анализируемые здесь двучлены имеют общий категориальный признак, но они разнятся между собой также, как дети, входящие в одну и ту же семью, при их кровном родстве порой имеют диаметрально противоположные интересы и наклонности.

При таких обстоятельствах надо говорить не только о «фамильном сходстве», но и о «фамильных различиях» в рамках одной и той же системы.

Более того, с точки зрения антропологического подхода к фактам английского и русского языков, приведенные нами примеры свидетельствуют о разных «сценариях» одного и того же действия, определяемых физическими обстоятельствами, психологическим настроем людей, уровнем их культуры и прочими факторами.

Литература

1. Collins Cobuild English Language Dictionary. – London, 1987.

2. Merriam – Webster's Collegiate Thesaurus. – Springfield, Massachusetts, U.S.A.: Merriam – Webster, Incorporated.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 3-е изд., стереотип. – М., 1966.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь справочник лингвистических терминов. – М., 1985.

Н.Н. Бобырева

Эпонимические единицы в терминосистемах спортивной и художественной гимнастики (на примере русского и английского языков)

Целью данной статьи является рассмотрение структурно-языковых и семантических характеристик гимнастических терминов, содержащих имя собственное. Материалом исследования послужили 286 терминологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из лексикографических источников, а также их иллюстраций из текстов различных жанров (см. Сабиров 1988, Правила соревнований 2009, Бобырева 2010).

В настоящей работе мы вслед за В.М. Лейчиком под терминами-эпонимами понимаем «термины, элементами структуры которых выступают собственные имена, либо обозначающие авторов соответствующих объектов, явлений, единиц измерения, либо присваиваемые в честь известных деятелей науки и культуры (коммеморативные термины)» (Лейчик 1994, с. 12). Под терминами-эпонимами гимнастической терминологии понимаем термины, элементами структуры которых являются имена собственные, обозначающие авторов-исполнителей гимнастических элементов. Отметим, что в специальной гимнастической литературе, посвящённой вопросам терминологии, интересующие нас единицы носят название аутотерминов (Спортивная гимнастика 1979, Рябчиков 2001).

В гимнастической терминологии присвоение имени собственного применяется для краткого наименования нового сложного и оригинального элемента или соединения, если его полное терминологическое наименование слишком длинно, а сокращённое не позволяет точно понять смысл упражнения, при этом данный способ отвечает только требованию краткости термина. Авторы учебника «Спортивная гимнастика» (1979) считают данный приём терминообразования эффективным и удобным при рабочих записях; также отмечается, что с именными терминами может сочетаться строгая терминологическая запись упражнений. В качестве примера приведены единицы «бурда», «штальдер», «ткачев», которые

«обычно не требуют уточнений и их применение не вызывает разнотечений» (Спортивная гимнастика 1979, с. 24–26).

А.И. Рябчиков, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гимнастики факультета физической культуры РГПУ им. А.И.Герцена, занимающийся исследованиями вопросов гимнастической терминологии, отмечает, что этот способ в настоящее время является «наиболее продуктивным, оперативным и на первый взгляд наиболее эффективным», однако именной термин «напоминает жаргонный» и «не раскрывает сущность и характер исполнения названного элемента. По имени элемент легко распознают лишь гимнасты высокого класса и их тренеры, а также любители гимнастики – современники исполнителя», что приводит к замене именного термина кратким терминологическим описанием (Рябчиков 1999, с. 6 – 7).

В словарях и разговорниках гимнастической лексики фиксируются терминосочетания, состоящие из двух, трёх и более компонентов (см. Гимнастика 1979, Сабиров 1988). Это, главным образом, связано с тем, что термины гимнастики обладают высокой степенью детализации, так как точность является одним из главных требований, предъявляемых к ним, поэтому наименования движений могут включать в себя 4 и более элементов.

Способ наименования понятий с помощью терминированных словосочетаний является характерным для терминологической лексики. Л.Г. Ярмолинец и Н.Т.Агафонова подчёркивают роль ядерных терминов в процессе номинации понятий данной сферы деятельности. Под ядерными терминами авторы понимают «слова-основания, являющиеся формально-семантическими центрами для целой группы разнообразных специфических наименований, создающихся при помощи пре- и постпозитивных уточняющих элементов. Вокруг ядерного термина образуется терминологическое гнездо, члены которого связаны родовидовыми отношениями» (Ярмолинец, Агафонова 1994, с. 50). Примерами пре- и постпозитивных уточняющих элементов являются эпонимы, входящие в состав терминов.

В терминологии спортивной гимнастики типичной моделью термина-эпонима является схема «существительное, обозначающее действие + эпонимический элемент»; при этом существительное, обозначающее действие претерпевает специализацию значения. Второй элемент – фамилия спортсмена или спортсменки в родительном падеже. Например: **перелёт Ткачёва; кувырок Гранчаровой; поворот Хюрцеллера; переворот Мостепановой**. В английском языке зависимый компонент сочетания, т.е. фамилия спортсмена или спортсменки, находится в препозиции к стержневому компоненту. Например, **Tkachev flight; Grantcharova roll; Hürzeller turn; Mostepanova handspring**. Данное различие обусловлено синтетическим типом русского языка и

аналитическим типом английского языка. Однако в русском языке, как и в английском, возможны конструкции аналитического типа: **Ауэрбах-фляк – Auerbach handspring; Чаславска-пируэт – Časlavska-turn.**

В художественной гимнастике данный способ образования терминов от имён исполнительниц не является распространённым и подобные термины не часто применимы. В терминологии художественной гимнастики русского и английского языков в терминах-эпонимах стержневой термин может быть заменён термином **элемент – element**. Например: 1. *Ирина Винер, главный тренер сборной России по художественной гимнастике: «Элемент Кабаевой, элемент Чащиной «понижены в цене», потому что признаны Международным олимпийским комитетом как бы вредящими здоровью»* (Олимпийской чемпионке Евгении Канаевой Петербург не покорился). 2. *And second I don't like is when she does a rond with help backwards and then Utayscheva's element. – И второе, что мне не нравится – это когда она делает круг назад с помощью и потом элемент Утяшевой* (European Championship 2002 – Report). Отметим, что в честь Ляйсан Утяшевой названы четыре элемента, и данный факт подтверждает, что правильная трактовка термина-эпонима в определённом контексте подвластна лишь спортсменкам и тренерам высокого класса.

Терминология гимнастики является хорошим полигоном фразообразовательного процесса: формирование терминологических гнёзд в данной терминологической подсистеме – процесс активный и многообразный. Например, в терминологии спортивной гимнастики термин **салто – salto** имеет два значения: 1) *вращательное движение тела прыжком с полным переворачиванием без промежуточной опоры;* 2) *вращательное движение в воздухе с переворачиванием через голову на снаряде или в сосок* (Сабиров 1988, с. 127). Терминологическая единица **салто** и ее английский эквивалент **salto** с зависимыми эпонимическими элементами образуют терминологические гнезда, включающие следующие терминосочетания-эквиваленты: **салто Андрианова – Andrianov salto;** **салто Ауэрбаха – Auerbach salto;** **салто Гингера – Ginger salto;** **салто Делчева – Deltchev salto;** **салто Егера – Jäger salto;** **салто Мухиной – Mukhina salto;** **салто Пряхиной – Pryakhina salto;** **салто Хойгера – Heyger salto;** **салто Янц – Janz salto.**

Рассмотрим термины **оборот** и **сосок**, присоединяющие эпонимический элемент. Слово русского общенационального языка **оборот**, согласно Толковому словарю русского языка (Ожегов 1997, с. 435) имеет 10 значений. Только одно из них, а именно *один круг обращения вокруг чего-н.* специализируется и термин **оборот** в профессиональном языке спортивной гимнастики употребляется в значении *вращательное движение вокруг оси снаряда или вокруг линии хвата.* (Сабиров 1988, с. 77). Его английский эквивалент **circle** имеет следующее значение в английском общенациональном языке: *круглая форма, состоящая из*

*изогнутой линии, которая полностью ограничивает пространство и в то же время расстояние от центра в каждой точке*³ (Macmillan English Dictionary 2006, с. 241). Описанная единица образует в каждом из рассматриваемых языков термины-эпонимы: **оборот Кёсте** – Köste circle; **оборот Корбут** – Korbut circle; **оборот Мак-Нама'ры** – McNamara-circle; **оборот Штальдера** – Stalder circle; **оборот Ким** – Kim circle.

Единица русского общенационального языка **сокок** фиксируется как разговорная и образованная от глагола **сокочить** в значении *спрыгнуть, скаком переместиться вниз* (Ожегов 1997, с. 750). Существительное английского общенационального языка **dismount** образовано при помощи конверсии от глагола **dismount** со значением *слезать с чего-либо, например лошади и велосипеда*⁴ (Macmillan English Dictionary 2006, с. 396). В русском и английском языках гимнастические термины **сокок** – **dismount** приобретают значение *спрыгивание со снаряда на пол* (Сабиров 1988, с. 138) и играют роль ядерного элемента в таких эпонимических терминах как **сокок Андрианова** – Andrianov dismount; **сокок Кёсте** – Köste dismount; **сокок Комэнеч** – Comaneci dismount; **сокок Мухиной** – Mukhina dismount; **сокок Цукахары** – Tsukahara dismount; **сокок Шагиняна** – Chaguinian dismount.

В сравниваемых терминосистемах зафиксировано различие в количестве элементов терминов, обозначающих именные опорные прыжки. Русский двусоставный термин **опорный прыжок** имеет в качестве английского эквивалента термин **vault**: **опорный прыжок Касамацу** – Kasamatsu vault; **опорный прыжок Куэрво** – Cuervo vault; **опорный прыжок Нелли Ким** – Nelli Kim vault; **опорный прыжок Цукахары** – Tsukahara vault; **опорный прыжок Юрченко** – Yurchenko vault; **опорный прыжок Ямаситы** – Yamashita vault.

Продуктивным в рассматриваемой терминосистеме является способ образования терминов по формуле «метафора + эпонимический элемент». Метафорические лексические единицы свойственны терминосистемам тех видов спорта, в которых предполагается исполнение различных фигур (Родионов 1991, с. 125), при этом метафоризацию претерпевают значения языковых единиц, заимствованных из разных тематических областей лексики. Соответствующие английские термины могут не являться полными эквивалентами. Например, русский универб **вертушка** в общенациональном языке означает *название разного рода врачающихся аппаратов, приспособлений* (Ожегов 1997, с. 75) и может использоваться в терминосочетании с эпонимическим элементом в качестве зависимого: **вертушка Бурды**; **вертушка Диомидова**; **вертушка Мадьяра**; **вертушка Хили**. В английском языке им соответствуют: **Burda turn**, **Diamidov turn** (**turn** букв. оборот, поворот); **Maguar spindle** (**spindle** букв. веретено);

³ Перевод мой – Н.Б.

⁴ Перевод мой – Н.Б.

Healy twirl (*twirl* букв. вращение, кручение). Отметим, что термин **вертушка** – **spin** в терминологической системе художественной гимнастики имеет значение *вращательное движение обруча вокруг вертикальной оси, расположенной в его плоскости*. Проиллюстрируем на примере данной единицы перевод терминов-эпонимов в специальной литературе популярного жанра по художественной гимнастике: *Вспомните «вертушку Шугуровой»*, замечательный *«бросок Васюры»* – упражнение, в котором гимнастка, идя зигзагами, как бы забавляясь с мячом, вдруг бросает его двумя ногами назад-вверх, затем, делая высокий прыжок «кольцом», неожиданно подбивает его ступнями! (Спорт, Музыка, Грация, 1978, с. 94). We mean *«spin of Shugurova»*, *«rush of Vasyra»*, *«Deryugina's element»*. – Мы имеем в виду *«вертушку Шугуровой»*, *«бросок Васюры»*, *«элемент Дерюгиной»* (Sport, Music, Grace, 1978, с. 5).

Терминоединица **петля** в терминосистеме гимнастики применяется в значении *переворот назад в вис, выполняемый из упора присев на верхней жерди*. С элементами-эпонимами, сохраняя своё значение, она образует термины: **петля Богдановой**; **петля Корбут**; **петля Мухиной**. В английском языке элементу **петля** соответствует термин **flip** (букв. щелчок): *Bogdanova flip; Korbut flip; Mukhina flip*.

Существительное **скрещение** образовано от глагола **скреститься** в значении *расположиться крест-накрест* (Ожегов 1997, с. 725 – 726). Термин **скрещение** в значении *два перемаха, выполненные навстречу друг другу* присоединяет эпонимы в постпозиции: **скрещения Томаса** и **скрещения / круги Делассала**. В английском языке им соответствуют термины: *Thomas flair* (букв. стиль Томаса); *Delassal scissors* (букв. ножницы Делассала).

Современный русский термин **разножка**, восходящий к сокольской терминологии⁵ и имеющий значение *ноги врозь*, в современной гимнастике применяется в значении *разведение ног* или *элемент с разведением ног* и образует терминосочетание **разножка Ричны – Ricna-Straddle** (*straddle* букв. стояние, сидение или ходьба с широко расставленными ногами).

Для терминов-эпонимов спортивной гимнастики характерна утрата стержневого компонента, когда термин фиксируется в именительном падеже. Приведём примеры их семантизации из Правил соревнований по женской спортивной гимнастике, разработанных Международной федерацией гимнастики в 2009 году: **Иванчева rondat фляк с поворотом**

⁵ Сокольская гимнастика – первый комплекс, значимый с точки зрения его вклада в развитие славянской системы физического воспитания, получивший название «Сокол», символизирующий свободу, мужество, независимость. Основателем этого комплекса был известный деятель культуры Чехии, преподаватель Пражского университета Мирослав Тырш (1832 – 1884) (Голощапов 2001, 55-56).

на $\frac{1}{2}$ (180°) – сальто вперед в группировке – **Ivantcheva round-off flic-flac with $\frac{1}{2}$ turn (180°) on – tucked salto forward off**, **Мартинез** подскок с поворотом на $1/1$ (360°) и с разведением ног в положение ноги врозь согнувшись и приземлением в упор лежа – **Martinez hop with $1/1$ turn (360°) to straddle and land in prone position**; **Чусовитина** двойное сальто назад прогнувшись с поворотом на $1/1$ (360°) – **Tchusovitina double salto bwd stretched with $1/1$ twist (360°)** (Правила соревнований 2009). Ряд односоставных терминов-эпонимов вошли в употребление и пишутся в кавычках и со строчной буквы: *Сложные соединения под названием «диомидов», «воронин», «лисицкий», «корбут» с успехом выполняются многими гимнастами мира* (Украин, Черникова, Голубев, 1975, с. 60). Этот вариант ещё в 1974 г. получил наименование «**касамацу**», но в дальнейшем влился в общий поток прыжков «**цукахара**», и, кажется, многие тренеры и судьи до сих пор не отличают его от настоящего «**цукахары**» ... (Гавердовский 1997, с. 50–51).

Особенностью терминов профессионального языка гимнастики является то, что дефинициям терминов-эпонимов в терминологических словарях и специальной литературе свойственна семантизация с помощью других эпонимов. Например, **Вайт Штальдер** вперёд в обратном хвате в стойку, также с поворотом на $\frac{1}{2}$ (180°) в стойке; **White Stalder forward in L grip to handstand also with $\frac{1}{2}$ turn (180°) in handstand phase**; **Замолодчикова Цукахара** прогнувшись с поворотом на $2/1$ (720°); **Zamolodchikova Tsukahara stretched with $2/1$ turn (720°) off**, **Лью** стойка на руках на в/ж – продев согнувшись в **Адлер** в оборот вперёд и выбив в стойку на руках обратным хватом; **Luo stoop in to Adler-seat (pike) circle forward through clear extended support (in L grip) in handstand phase** (Правила соревнований 2009). В русском языке, в отличие от английского, возможно также образование языковой единицы от фамилии гимнаста: **азаряновский крест** (наряду с **крест Азаряна**), **диомидовский поворот**. Использование терминов данной структуры подтверждается рядом контекстов. Например: «**Диомидовский поворот**, показанный Сергеем Диомидовым в 1964 г., знаменовал окончательную победу техники одноопорного движения. В этом же году П.Хейли показывает «вертушку», обратную «**диомидовской**», – махом назад через стойку, но в широкую практику это движение входит гораздо позже (Гавердовский 1997, с. 48).

Рассматриваемые терминосистемы обоих языков содержат ряд многокомпонентных терминов, содержащих эпонимы. Как правило, именная группа (периферия) находится в постпозиции к основному термину и эпонимическому элементу, образующих ядро многосоставного термина. Например, **опорный прыжок Ямаситы с поворотом на 360° в 1-ой фазе полёта** – **Yamashita vault with full turn in the first flight phase**; **оборот Штальдера с поворотом на 360° в стойке** – **Stalder to handstand**

with full turn in handstand; сальто Делчева со скрестного хвата – Deltchev salto from cross grip.

Таким образом, эпонимические единицы характерны как для русской, так и для английской терминосистем гимнастики. Очевидно, что термины, образованные от имени первого исполнителя, сохраняя ёмкость и краткость, утрачивают прозрачность значения. Однако терминологические единицы, образованные данным способом, являются интернациональными, т.е. имеющими одинаковое значение в разных языках, что обусловлено таким экстраконцептуальным фактором, как глобализация спортивного сообщества, а также едиными международными правилами, стандартами и требованиями к спортсменам, выполнению упражнений и программам соревнований. Термины-эпонимы являются нейтральными, функционирующими в текстах трёх регистров: высоком (учебно-методическая литература, правила судейства), нейтральном и низком (разговорная речь гимнастов и тренеров). Таким образом, на семантическом уровне выявлена симметрия рассматриваемых терминов.

Асимметрия эпонимических единиц в русской и английской терминосистемах гимнастики выявлена в структурных характеристиках терминологических сочетаний, обусловленных принадлежностью русского и английского языков к разным структурным типам. В эпонимах терминологической системы зафиксированы заимствованные из общелитературного языка терминоэлементы, претерпевающие специализацию значения и метафоризацию значения слов. При этом ядерные элементы изученных терминов, подвергшиеся метафоризации и специализации значения, не являются полными эквивалентами в русском и английском языках. Асимметрия реализуется также в отсутствии в англоязычной системе прилагательных, образованных от эпонимов и выступающих в качестве зависимого элемента по отношению к ядерному.

Литература

1. Macmillan English Dictionary. For Advanced Learners. – 2006.
2. Бобырева Н.Н. Русско-английский словарь терминов художественной гимнастики. – Казань, 2010.
3. Гимнастика. Спортивные термины на пяти языках / Авт-сост.: Д.С.Прохоров, Ю.С.Ипполитов, А.В.Фисун, И.В.Шефер, Р.Родригес. – М., 1979.
4. Голощапов, Б.Р. История физической культуры и спорта: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М. 2001.
5. Лейчик В.М. Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // Терминоведение. – 1994. – №2. – С. 5–16.
6. Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка.– 4-е изд., дополненное. – М., 1997.

7. Правила соревнований – женская спортивная гимнастика. Издание 2009 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fig-gymnastics.com/vsite/vnavsite/page/directory/0,10853,5187-188050-205272-nav-list,00.html>, свободный.
8. Родионов С.В. О развитии ассоциативной многозначности и синонимии в терминологии водного спорта // Проблемы русской лексикологии. – Самара, 1991. – С. 124–130.
9. Рябчиков А.И. Терминология гимнастики: расширение возможностей применения. – СПб., 1999.
10. Рябчиков А.И. Система кратких обозначений для записи физических упражнений // Теория и практика физической культуры. – 2001. – № 8. – С. 44–45.
11. Сабиров Ю.А. Русско-английский словарь гимнастических терминов. – М., 1988.
12. Спортивная гимнастика: Учебник для институтов физ. культ. – М., 1979.
13. Ярмолинец Л.Г., Агафонова Н.Т. Способы передачи значений английских спортивных терминов на русский язык // Семантические и прагматические особенности языковых единиц в сопоставительной лингвистике. – Краснодар, 1994. – С. 49–53.

Источники иллюстративного материала

1. European Championship 2002 – Report [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ukrsg.narod.ru/ec_02/report.htm, свободный.
2. Sport, Music, Grace: приложение к «Спорт, музыка, грация: художественная гимнастика». – М., 1978.
3. Гавердовский Ю.К. « ... И корабль плывёт» // Теория и практика физической культуры. – 1997. – № 1. – С. 47–53.
4. Олимпийской чемпионке Евгении Канаевой Петербург не покорился [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tv100.ru/news/view/6911>, свободный.
5. Спорт, музыка, грация: художественная гимнастика. – М., 1978.
6. Укран М.Л., Черникова О.А., Голубев Ю.В. Что следует понимать под рискованными элементами в спортивной гимнастике и нужны ли они? // Теория и практика физической культуры. – 1975. – №3. – С. 60–62.

С.В. Дмитриева, З.И. Кондратьева
**Национально-культурные особенности
функционирования цветообозначений
во фразеологии немецкого и французского языков**

Сопоставительное изучение языков, направленное на выявление схожих черт и различий, является актуальной задачей современного языкоznания. Особый интерес в этой связи представляют исследования в области

фразеологии, которая наиболее ярко отражает своеобразие жизни того или иного народа, его культуру, традиции и менталитет.

Целью данной работы является исследование фразеологических единиц, содержащих в своей семантике элемент цветообозначения, в современном немецком и французском языках.

Наиболее общими признаками фразеологических единиц принято считать языковую устойчивость, семантическую целостность и раздельнооформленность. Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемостным потенциалом. В силу своей семантической природы они привносят во фразеогизмы эмоционально-экспрессивное качество и образность.

Компоненты - цветообозначения используются как во французском, так и в немецком языках в качестве компонентов образных сравнений. «Сравнения-фразеогизмы - это образные сравнения, сложившиеся в языке как фразеологические единицы и вошедшие в словарный состав данного языка» (Назарян 1965, с. 15). Самые многочисленные и распространенные сравнения образованы по типу «прилагательное + существительное»: *blanc comme un cygne* – белый, как лебедь, *rouge comme une braise* – красный, как раскаленный уголь, *rouge comme un oeuf de Pâques* – красный как пасхальное яйцо (фр.); *schwarz wie der Teufel* – черный как черт, *weiss wie Mehl*, *weiss wie die Kalkwand* – белый как мука, как простыня. Из примеров видно, что не последнюю роль в отборе компонентов фразеологических единиц играет экстралингвистический фактор, проявляющийся в данном случае в переносе особенностей некоторых животных на людей, либо качеств предметов на людей. Символизация подобных черт как национальна *rouge comme un chérubin* – румяный как херувимчик (фр.), так и интернациональна *blanc comme un linge* (фр.), *weiss wie ein Laken* (нем.) – белый как полотно.

Самыми активными цветообозначениями немецкого и французского языков в составе фразеогизмов являются прилагательные *черный, белый* и *красный*. Однако особенностью немецкого языка является существование сравнений в композитной форме. Компаративные композиты типа *lachsrot* – цвет лосося, *maisgelb* – желтый как кукуруза, *apfelgrün* – цвет зеленого яблока, *zitronengelb* – желтый как лимон (имеющие структуру: основа существительного+прилагательное) являются активно развивающейся словообразовательной группой современного немецкого языка.

Значения названий цвета зависят от ряда экстралингвистических факторов: культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие

цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо. Рассмотрим эти факторы и связь их со значением фразеологических единиц в немецком и французском языках.

Источниками происхождения фразеологизмов в сравниваемых языках могут быть:

а) образы, взятые из животного и растительного мира: *rouge comme une pomme d'api* – *румяный, как яблоко*, *noire comme l'aile de corbeau* – *черный как вороново крыло*, *rouge comme un coquelicot* – *красный как мак* (фр.), *gelb wie ein Kanarienvogel* – *желтый как канарейка*, *schwarz wie ein Rabe* – *черный как ворон* (нем.);

б) образы явлений природы: *blanc comme la neige* (фр.), *weiss wie Schnee* (нем.) – *белый как снег*, *rouge comme du feu* – *красный как огонь* (фр.), *schwarz wie die Nacht* – *черный как ночь* (нем.);

в) образы, связанные с повседневно жизнью, нравами, обычаями людей. Так во французском языке существует выражение: *méchant comme un âne rouge* – *злой, как черт (букв. рыжий осел)*. Морис Ра объясняет это сравнение неприязнью, которую люди с давних пор питали к рыжим волосам (Timeskova 1974, с. 94). В подтверждение можно привести старую французскую пословицу: *entre roux poil et félonie, s'entreporte grand compagnie* (букв. *между рыжими волосами и коварством существует большая дружба*), а также некоторые производные от *roux* слова, имеющие во французском языке отрицательное значение: *rousse* – *полицейский* (в арго), *rossinante* – *кляча*. В немецком языке история возникновения фразеологизма *der blaue Montag* восходит еще к средним векам, когда подмастерьям стали предоставлять лишний выходной на неделе «голубой понедельник». Обозначение же «голубой» можно объяснить тем обстоятельством, что в понедельник церковные алтари в Германии украшались голубыми покровами. В современном немецком языке употребляется выражение *den blauen Tag machen*: 1) *не работать в понедельник, после праздников;* 2) *прогуливать*. Фразеологизм *blau machen* является уже сокращенным вариантом выражения *blauen Montag machen* и употребляется в более широком значении: 1) *не работать (в любой день, не только в понедельник);* 2) *прогуливать*;

г) образы, имеющие библейское происхождение или связанные с религиозными обрядами и мифами: *adorer le veau d'or* – *поклоняться златому тельцу*. Библейская легенда гласит, что израильтяне обожали статую золотого тельца в пустыне. Этих людей обвиняли в том, что они обменяли божественный культ на животное, питающееся травой. Во французском языке это выражение означает поклоняться тому, у кого нет других достоинств, кроме богатства и власти. Библейское происхождение в немецком языке имеет фразеологизм *das schwarze Schaf* «чёрная овца», обозначающий человека, нарушающего общую благопристойную картину.

К античной мифологии восходит и фразеологизм *das goldene Zeitalter* «золотой век» (легендарное прошлое, когда «люди жили подобно богам, без забот труда и страдания»). В современном немецком языке данный фразеологизм означает период расцвета литературы и искусства; *der goldene Mittelweg* «золотая середина»;

д) образы, возникшие в результате творчества поэтов и писателей: всем известны фразеологизмы *der Blaustrumpf* (нем.), *un bas bleu* (фр.) «синий чулок». Это выражение пришло из английского языка и означает «ученая женщина, мало интересующаяся своей одеждой» (синие чулки вместо черных эпатировали образованное общество Лондона XVIII века), *der Blaubart* (нем.), *une barbe bleue* «синяя борода», взято из французской сказки. Фразеологизмы *ein weißer Rabe* (нем.), *un merle blanc* (фр.) традиционно переводятся с немецкого и французского на русский язык фразеологическим эквивалентом «белая ворона». Это выражение означает человека, выделяющегося среди других и принадлежит римскому поэту-сатирику Ювеналу. При полном внешнем совпадении этого фразеологизма во французском и немецком языках наблюдается общее и в семантике. Данный фразеологизм в рассматриваемых языках имеет значение «нечто редкое, удивительное, исключительное». Он употребляется по отношению к человеку, резко отличающемуся от других, но в положительном плане. Поэтому при переводе на русский язык этого фразеологизма необходимы дополнительные смысловые пояснения;

е) образы, связанные с историческими событиями: *raillez-vous à mon panache blanc* – следуйте за моим белым султаном (фр.). Эти слова произнес Генрих IV, чтобы воодушевить свою маленькую армию на борьбу с врагом. В немецком языке подобные фразеологизмы не зафиксированы;

ж) образы спортивного происхождения: *faire chou blanc* – потерпеть полную неудачу, *maillot jaune* – лидер (фр.), *der schwarze Mann* – спортивный судья на футбольном поле (нем.);

з) образы, связанные с военным делом: *tirer à boulets rouges sur qn.* – безжалостно нападать на кого-либо, *de but en blanc* – напрямик, в упор (фр.), *schwarze Marie* – тяжелая мортира, *blaue Kugel* – свинцовые пули (нем.);

и) образы, созданные сочетанием цветообозначения и имени собственного (антропонима, топонима), в отличие от французского, очень распространены в немецком языке: *roter Heinrich* – дикий щавель, *der grüne Heinrich* – полицейский автомобиль для арестованных в Вене, *der blaue Peter* – сигнальный флаг на корабле.

С течением времени исходный образ теряет четкость контуров (исходную мотивированность) и в ряде случаев стирается из памяти носителей языка, в результате чего возникает явление немотивированности.

Следует отметить, что фразеологические единицы, содержащие в своем составе цветообозначения, являются одним из наиболее ярких феноменов, как в немецком, так и во французском языках. Они представляют собой средство хранения культурно-исторической информации, выступают связующим звеном между поколениями, служат хранилищем и средством передачи коллективного опыта. Однако, несмотря на то, что во фразеоглизмах рассматриваемых языков достаточно много общего, некоторые из них нуждаются в страноведческом комментировании, так как в противном случае невозможно понять и усвоить заложенную в них информацию.

Литература

1. Назарян А.Г. Образные сравнения французского языка. Фразеоглизмы. – М., 1965.
2. Timeskova I. Les citations françaises. – М., 1974.

И.С. Карпенко

О некоторых особенностях семантом наиболее частотных адъективных лексем английского и русского языков

Материалом исследования послужили семанты ста наиболее частотных адъективных лексем английского и русского языков, отобранных из частотного русского языка С.А. Шарова и Британского национального корпуса. Семанты лексем были поделены на группы в зависимости от объема семанты – количества образующих семанту семем, согласно типологии предложенной М. А. Стерниной. (Стернина 1999, с.42):

- моносеменные – содержащие одну семему;
- малосеменные – включающие от двух до пяти семем;
- многосеменные – содержащие от шести до десяти семем;
- гиперсеменные – насчитывающие десять – двадцать семем;
- сверхгиперсеменные – содержащие свыше двадцати семем.

Как показало исследование, среди ста наиболее частотных адъективных лексем английского языка встречаются единицы всех перечисленных типов, в то время как в русском языке – только четырех из них. Выделенные группы также различаются по количественному составу. Так, в русском языке в состав моносеменных адъективных лексем, содержащих одну семему, входят 12 единиц: *российский, странный, прочий, должныый, основной, следующий, московский, социальный, похожий, бывший, прошлый, осталльной*, а в английском – только 4: *British, international, French, modern*.

В группу малосеменных наиболее частотных адъективных лексем русского языка входит 66 единиц: *новый, русский, главный, государственный, маленький, любой, советский, разный, настоящий, всякий, военный, иной, нужный, важный, собственный, политический, многий, ранний, равный, известный, связанный, экономический, огромный, скорый, готовый, подобный, современный, данный, федеральный, особый, внутренний, рабочий, различный, единственный, международный* и т.д. Аналогичная группа английского языка включает 51 единицу: *other, different, local, social, important, possible, little, national, political, able, late, general, far, available, main, sure, economic, only, likely, difficult, whole, European, central, similar, human, necessary, personal, financial, foreign, recent, concerned, American, various, close, English* и т.д.

В состав малосеменных адъективных лексем английского и русского языков входят семантемы, включающие от двух до пяти семем. Как показало исследование, в русском языке преобладают двухсеменные лексемы. В качестве примера рассмотрим семантему лексемы “интересный”. Семантема данной лексемы включает в себя две семемы: Д1 «возбуждающий, интересный, занимательный, любопытный» (*Ты знаешь, мне Павлик показал такую интересную программу — там можно вставить свою фотографию и примерять к ней разные причёски, одежду, макияж...⁶*) и К1 «красивый, привлекательный» (*Эта ещё достаточно интересная женщина сорока с лишним лет, с глазами, затенёнными мохнатыми ресницами, довольно полная лёгкой крестьянской полнотой, трижды выходила замуж*). В английском языке преобладают четырехсеменные лексемы. Рассмотрим для примера семантему лексемы “personal”. Семантема данной лексемы включает в себя семему Д1 «личный, персональный» (*Nonetheless, the seller sought, and won, orders of specific performance for these contracts for personal property*), две семемы К1 «задевающий личность» (*The personal abuse continued when Kylie made her base in London*) и «характерный для данного лица» (*A new life, with new relationships, has often to be found if this new stage of personal development is not to seem meaningless and empty*) и одну семему Д2 в грамматическом значении «личный» (*The second type of rule is based on syntax, and checks for dependency relations such as (in the case of a noun) the presence of an associated definite article, personal pronoun, etc.*).

Рассмотрим группу многосеменных адъективных лексем. Данная группа насчитывает 19 единиц в русском языке: *хороший, последний, высокий, общий, полный, молодой, далекий, близкий, живой, крупный, сильный, серебряный, целый, легкий, общественный, широкий, добрый, красивый, низкий* и 27 единиц в английском языке: *new, great, large, long, young, right, early, big, public, major, real, particular, special, certain, white,*

⁶ Все приводимые в статье примеры почерпнуты из Национального корпуса русского языка и Британского национального корпуса.

short, true, common, single, private, poor , wide, wrong, nice, red, normal, specific. Лексемы данной группы имеют от 6 до 10 семем. Рассмотрим для примера шестисеменную лексему «серъезный». Семантина данной лексемы включает в себя семему Д1 «отличающийся вдумчивостью и требовательностью к себе, работе, к окружающим, глубокий, не легкомысленный» (*Один серъёзный, а другой весельчак. Такие взрослые парни!*), а также пять семем К1 «сосредоточенный, занятый какими-либо мыслями, заботами» (*Хозяин сидел на табуретке печальный, серъёзный и, слегка покачиваясь, задумчиво смотрел на свои руки.*), «проникнутый ответственностью, основательностью, требующий такого отношения» (*Я считаю, что такой серъёзный исследователь Достоевского, как покойный Л. Шестов, как раз и хотел сделать его каким-то модным философом, каким Достоевский никогда не был.*), «большой и важный, существенный, фундаментальный» (*Серьёзный разбор истории советского трудового законодательства оставим юристам.*), «отличающийся глубиной, нелегковесный, истинный, подлинный» (*Это была первая серьезная книга, купленная мною, она до сей поры сохранилась у меня.*), «заслуживающий особого внимания в силу своей важности, значительности или опасности» (*Это диктует необходимость серьёзной корректировки отношения российского государства к исламу.*). В английской группе наиболее представлены семисеменные лексемы. Для примера рассмотрим семисеменную семантику лексемы «red», включающую в себя семему Д1 «красный, багровый, алый, багряный» (*Chop ¼ red pepper, 2 spring onions, 1 celery stalk, 2 cooked new potatoes, cucumber and 2 mushrooms.*), одну семему Д2 «северный» о полюсе магнита, пять семем К1 «румяный» (*He was an activist, with bluff red cheeks under his stunted pig eyes to prove his love of the outdoor life.*), «коммунистический, революционный, советский» (*While the right's fears about a red revolution developed, the left became frustrated and disillusioned by the moderate nature of these reforms*), «рыжий» (*Her red hair was a beacon in the night – a flame in which he had long since been charred.*), «окровавленный, кровавый», (*Now behind the little man stood a great grey dog, as tall as he was, with red eyes and hot breath.*) «краснокожий» (*All the red people lighting a bonfire for her, to brighten away the wolves and tigers of this dreadful forest in which she lived.*).

Группа гиперсеменных адъективных лексем оказалась самой малочисленной. В русском языке она представлена тремя адъективными лексемами: *простой, тяжелый, чистый*, в английском языке – семнадцатью: *good, old, high, small, full, low, bad, clear, black, open, free, easy, strong, hard, simple, fine, natural*. Рассмотрим в качестве примера семантику лексем «простой» в русском языке и «low» в английском.

Семантина лексемы «простой» включает в себя семему Д1 «несложный, нетрудный, легкодоступный для понимания» (*Автор предлагает простой, притягательный путь приобщения к чтению*), а так же десять семем К1

«элементарный по составу, однородный, несоставной» (Чтобы продолжить прерванную программу, надо ввести 11-разрядное простое число.), «первичный, основной, исходный» (Но оказывается, все живые существа - от простых до самых сложных - пребывают где-то посередине между статусом коллективным и индивидуальным.), «безыскусственный, незамысловатый, невычурный, скромный» (Простой салат из овощей превратился в изысканное блюдо, ведь туда добавили кальмары), «обыкновенный, ничем не примечательный, не выделяющийся среди других» (Но что в действительности волнует простых людей?), «обыкновенный для такого вида, не имеющий специального назначения, особых признаков» (Это может быть простое письмо, телеграмма, факс, письмо с извещением.), «недостаточно обработанный, грубый по качеству» (В течение столетий человечество знало только одну разновидность поверхностно-активных веществ – простое мыло.), «ничем не осложненный, понимаемый в простом узком смысле» (За простое любопытство люди порой жизни лишились.), «открытый, откровенный, бесхитростный, прямой человек» (Все знают, что полковник Крячко – простой парень, и ничего плохого от него не ждут.), «недалекий по уму, глуповатый, наивный» (Эти послы иностранные не так уж и просты), «принадлежащий к простому классу, сословию, непривилегированный» (Много бывших дворян, обедневших и живущих, как простые крестьяне).

Семантина лексемы «low» состоит из одиннадцати семем: семемы Д1 «низкий, невысокий» (On a low table in front of her were some engineering trade magazines and a copy of the Financial Times.), семемы Д2 «принадлежащий к низкой церкви» (But the bulk of its laity and Northern clergy, and probably more so its industrial and farming classes, are low church and evangelicals, the more protestant and anti-catholic end of the Anglican synthesis.), девяти семем К1 «тихий, негромкий» (He leaned forward as if he meant to kiss her and then said in a low voice, ‘I’m going to give you the name of a first-rate lawyer.), «низкого социального происхождения» (The maid had retired, tossing her head at the thought of such low people as them gyppos having the sauce to interrupt the master at his supper), «невысокоразвитый, стоящий на низкой ступени цивилизации, низший» (The low, primeval scent of living plant was absent.), «вульгарный, низкий, грубый, невоспитанный, подлый», «слабый, пониженный, небольшой, подавленный» (Depression flattens the voice almost to monotony; movement is slowed, and a dejected facial expression is characteristic of many people when they are in a low mood.), «плохой, неблагоприятный» (The problem is that the pills are of very low quality and you have to pay maybe two rubles a month.), «скучный, недостаточный, истощенный, непитательный, исчерпанный» (The modern diabetic diet consists of high unrefined carbohydrate, and fibre, with a low fat content.), «недавний, стоящий ближе к современности» (A pattern of high

and low spots will emerge, and then some treats — perhaps an outing or a special meal — can be planned for the low times.)

Сверхгиперсеменная группа представлена в английском языке одной адъективной лексемой *dead*, содержащей 23 семемы, в русском языке эта группа отсутствует.

Таким образом, проведенное исследование наиболее частотных адъективных лексем английского и русского языков, выявило различия в их семантиках. Так, в группе малосеменных лексем русского языка преобладают двухсеменные семантины, в то время как в английском преимущественно встречаются четырехсеменные. Наиболее ярко по количеству лексем расхождения проявляются в группе гиперсеменных лексем: три для русского языка и семнадцать – для английского.

Сто наиболее частотных адъективных лексем английского и русского языков заметно отличаются **индексом полисемантичности** (термин Н.М. Шишкой – Шишкина 2004, с. 34), под которым понимается отношение общего количества семем, развиваемых лексемами, к общему количеству лексем в группе. Как показало исследование, сто наиболее частотных адъективных лексем русского языка развивают в своих семантиках 415 семем. В английской группе насчитывается 642 семемы. Следовательно, индекс полисемантичности в русском языке составляет 4,1, а в английском – 6,4.

Рассмотренные группы отличаются также **индексами денотативной и коннотативной представленности семем** (термин Л.А. Барановой (Кривенко) – Баранова 2009, с.21), под которым понимается отношение количества денотативных/коннотативных семем к общему количеству семем в группе. В русском языке индекс денотативной представленности семем равен 34%, в английском – 30%, индекс коннотативной представленности семем в русском языке составил 66%, в английском – 70%.

Исходя из всего выше сказанного, можно резюмировать, что семантины наиболее частотных адъективных лексем английского и русского языков имеют свои национально-специфические особенности.

Литература

1. Баранова (Кривенко) Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках. – Воронеж, 2009.
2. Британский национальный корпус – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989
4. Национальный корпус русского языка – URL: <http://www.ruscorpora.ru>
5. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
6. Частотный словарь С.А. Шарова – URL: www.artint.ru/projects/frqlist.asp

7. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук – Воронеж, 2004.

Н.В. Костенко

Общее и отдельное в способах обозначения смысла «присоединение» (на материале русского, английского и немецкого языков)

Исходным пунктом исследования является положение о том, что способ верbalного осмыслиния одинаковой объективной реальности при адекватности её отражения в человеческом сознании в разных языках неодинаков. Сопоставительные исследования позволяют глубже проникнуть в когнитивные процессы концептуализации и категоризации объектов и явлений действительности представителями разных языковых кодов. Обращение лингвистики к исследованию семантического пространства языка, изучению национально детерминированных концептов позволило наиболее полно осознать, что язык является формой самовыражения народа, и что эта форма национально специфична и асимметрична (Попова 1996; Гак 1998).

В настоящей статье предпринята попытка показать особенности обозначения однотипной ситуации средствами разных языков. Объектом исследования является лексико-семантическая группа, отражающая экстралингвистическую ситуацию «присоединение» в трёх языках. За эталон сопоставления берётся смысл, понимаемый как обобщённый (интегральный) семантический компонент, присущий целому ряда языковых значений и независимый от конкретного способа языкового выражения (Алексеева / Костенко/ 1987, с.5-6).

Репрезентантами смысла в языке выступают компоненты лексического значения, понимаемого как закреплённый в знаке результат отражения обществом соответствующего объекта или явления действительности. В ходе компонентного анализа изучаемых единиц были выделены семы разной степени обобщения: архисема как главный компонент в семантической структуре, объективный критерий выделения данной ЛСГ, родовые и видовые описательные и относительные семантические признаки, выполняющие интегральную функцию, и дифференциальные семы, отличающие значение слова как его индивидуальную сущность от других противопоставленных ему значений.

Результаты исследования свидетельствуют о сложной многомерной структуре исследуемой ЛСГ, определяемой иерархией компонентов значений её конституентов. Наиболее общими признаками, выступающими в качестве основания деления группы на две подгруппы,

являются признаки «присоединение чего-либо в дополнение к уже имеющемуся» и «включение кого-либо в число участников чего-либо». Условно обозначим их как подгруппа №1 и подгруппа №2. Общность данных семантических признаков свидетельствует о том, что они играют главную роль в характеристике исследуемой экстраграмматической ситуации и их можно квалифицировать как смыслоразличительные дифференцирующие компоненты. Причём во всех трёх языках подгруппа №1 количественно существенно превышает подгруппу №2. Так, в русском языке в подгруппу №1 вошло 58 единиц, а в подгруппу №2 – 27 единиц; в английском языке это соотношение составило 62 к 29, в немецком языке – 101 к 40 соответственно.

Данное различие можно объяснить, прежде всего, неоднородностью самого объекта исследования, разной степенью его «системности». С другой стороны, подобное различие обусловлено определенным местом, занимаемым группировкой в лексико-семантической системе, имеющей полевой характер. Одни объединения занимают ядерное положение, другие – периферийное, однако последние также заслуживают внимание исследователя, поскольку они несут свою коммуникативную функцию.

Кроме архисемы в семантической структуре языковых единиц были выделены родовые семантические признаки «способ действия», «характеристика субъекта и объекта действия» и некоторые детерминаторы действия. Первые относятся к описательным семантическим признакам, так как отражают внутреннюю сущность действия, тогда как детерминаторы действия выступают в виде относительных семантических признаков, характеризующих данное действие по его отношению к другому действию (Гайсина 1981, с.15-18).

Сравнение компонентов значений конституентов групп обнаруживает как сходство, так и различие в сопоставляемых языках. Для иллюстрации обратимся к некоторым фрагментам исследования выделенных подгрупп.

Смысл «присоединение» в русском языке выражается глаголами *присоединяться, дополнять, добавлять, вовлекать, записываться* и другими, в английском языке – *add, fasten, link, join* и другими, в немецком языке – *befestigen, anbacken, ankoppeln, vereinigen* и другими.

Сходство языков проявилось в фиксации следующей группы признаков, соотносимых со способом присоединения: а) при помощи специальных приспособлений: нитей (*примётывать, пришивать, пристрачивать; seam, stitch; anarbeiten, anteften*), кнопок, булавок, шпилек, гвоздей, болтов (*прикалывать, прибивать; bolt, clinch, pin; anschlagen, anschrauben, nageln*), клея, замазки (*приклеивать, прилепливать; glue, stick; ankitten, ankleben*), петель, крючков, пуговиц, пряжек, зажимов (*пристёгивать, прицеплять; clamp, clasp, hook; haken, klammern, festschnallen*) и некоторых других ; б) путём регистрации, внесения своего имени в какой-либо список, в результате чего субъект действия становится участником чего-

либо (вписываться, записываться, зарегистрироваться; *join, sign up; sich anmelden, sich einschreiben, sich eintragen*); в) путем применения давления, влияния (вовлекать, втягивать, впутывать; *involve, implicate; hineinziehen, verwickeln*). Однако способ присоединения путём становления в ряд, очередь, колонну был отмечен только в русском и немецком языках (выстраиваться; *sich reihen, sich anreihen, sich anstellen*), тогда как в английском языке актуализируется «свой» признак присоединения: слиться с кем-либо до полного исчезновения из поля зрения других людей (*merge*). Например, *Если будет стабильность в стране, то инвесторы будут выстраиваться в очереди.* *Die Zuschauer reihten sich vor der Buehne. She avoided reporters at the airport by merging into the crowds.*

Сопоставление средств выражения видового признака «сопутствующие особенности протекания действия» выявило общность следующих признаков: присоединение может осуществляться а) при помощи вращательных движений (навинчивать, прикручивать; *screw; andrehen, zudrehen*); б) в процессе налипания какой-либо внешней субстанции (налипать, прилипать, липнуть; *stick, adhere; anbacken, anprappen*); в) при добавлении что-либо, смешивании (примешивать, вмешивать, намешивать; *mix, bind; beimischen, zusetzen*); присоединение может быть г) плотным, крепким, прочным (присасываться, примерзать; *fasten, lash, cleave; festmachen, befestigen, rappen*).

Наблюдается несоответствие признаков, связанных с детерминаторами «причина действия» и «целевая установка субъекта». В русском языке системно выражается признак под действием низкой температуры (примерзать), тогда как в английском языке имеется лексема, актуализирующая признак прикреплять что-либо к твёрдой или тяжёлой поверхности для надёжности, крепости (*anchor*). Ср.: *Пришли холода, и боковые стёкла начали примерзать. The shelves should be securely anchored to the wall.*

Было также отмечено сходство ряда признаков, характеризующих субъект и объект действия. Во всех сопоставляемых языках имеются средства обозначения субъекта как жидкого, текучего (впадать, сливаться; discharge into, flow into, empty into; sich vereinigen, verschmelzen). Сходство в обозначении объекта действия проявилось в наличии глаголов, объектом действия которых, как правило, является транспортное средство, которое прицепляется или сцепляется с другим транспортным средством (сцеплять, прицеплять; couple; anhangen, ankuppeln).

Однако совпадение многих семантических признаков ещё не означает единообразия выражения исследуемого смысла в сопоставляемых языках. Значительные различия зарегистрированы в разработке признаков, связанных с объектом действия.

В лексемном корпусе всех трёх языков имеются средства, актуализирующие признак призыв на военную службу (*забрать в армию, взять на службу, призываться; enlist, recruit, be called up; einreihen, heranziehen*), но только в немецком языке оказался разработанным признак призвать на службу моряков торгового флота (*anheuern*). Например: *Man hat ihn auf die Bremen angeheuert.*

Сравнение показывает, что признак «характеристика объекта» более детально дифференцирован в русском языке, где имеются лексические средства, указывающие на такие объекты, как денежные средства (*доплачивать, приходовать, причислять*), земельный участок (*припаивать*), сыпучие вещества (*присыпать, подсыпать*), числа (*приplusplusывать*). В сопоставляемых английском и немецком языках подобных эквивалентов не имеется, и данные значения, как правило, выражаются с помощью различных описательных средств. Например: *В американской армии начали доплачивать за знание русского языка. Каждый год Егорыч припаивал к своему огороду то сотку, а то и две.*

Констатация многих различий касается относительных семантических признаков, определяемых нами как детерминаторы действия. Детерминатор «целевая установка субъекта» конкретизируется в сопоставляемых языках по разным семантическим параметрам. В отличие от русского и немецкого языков, в английском языке закрепляются признаки с целью увеличения пространства (*build on*), с целью присоединения, объединения с другой организацией в качестве дочернего предприятия (*affiliate*), для совместной деятельности, работы (*combine, unite*), с целью обсуждения каких-либо планов, действий на будущее (*meet, get together, bring together*). Например: *They are affiliated with the national committee. We're planning to build on a conservatory. The disaster brought the community together. Ten British and French companies combined to form the Channel Tunnel Group.*

Для немецкого языка актуальными оказались признаки с целью подружиться, наладить контакт (*sich attachieren, beigesellen*), с целью принятия участия в чём-либо (*sich betatigen*). Например: *Lenz hatte sich an ihn attachiert. Ich betaetigte mich als Vermittler.*

В русском языке универсально закреплены целевая установка временно, на короткое время (*прикомандировать*, т.е. включить кого-либо временно в состав воинской части, учреждения и т. п. для исполнения служебных обязанностей) и в дополнение к чему-либо (*пристраивать, притисывать, припаивать*). Например: *Молодого техника-лейтенанта временно прикомандировали к вышедшему на переформирование автобатальону. Всё лето он трудился на даче, пристраивал к дому веранду.*

Количественный детерминатор представлен в нашей выборке одним признаком «соединять(ся) по двое», который актуализируется семемами

английских глаголов *pair*, *pair off*. Например: *We were each paired with a newcomer to help with training. When people pair off... It's more insecure.*

Таким образом, несмотря на кажущуюся универсальность такой обыденной ситуации, как присоединение, результаты межъязыкового сопоставления выявили не только сходство, но и некоторое различие в отражении ситуации одного денотативного фокуса.

Проведённый анализ показал неадекватность выражения некоторых признаков в денотативном макрокомпоненте лексического значения русских, английских и немецких глаголов, свидетельствуя о достаточно индивидуализированном подходе конкретного языка к познанию и отражению данной ситуации объективной действительности. Выражая один и тот же смысл, языковые значения сопоставляемых языков содержат неодинаковые наборы признаков. Сам факт выбора разных, но равных по объективной значимости признаков, неодинаковая группировка этих признаков, указывает на то, что смысл может быть универсальным, единым для разных народов, но разрабатывается в деталях, то есть превращается в значения, по-разному.

Литература

1. Алексеева / Костенко/ Н.В. Универсальное и идиоэтническое как объективное и субъективное в языковой семантике (на материале русских и английских обозначений изменения позы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1987.
2. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов, 1981.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.
4. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вести. Воронеж. гос. ун-та. Сер.1. Гумманит. науки. – 1996. - №2. – С. 65-71.

Н.В. Кочетова

К вопросу об особенностях семантики сопоставимых наречных лексем русского и английского языков

Современное время характеризуется большим интересом к семантическим исследованиям, однако особенности семантом лексем различных языков на данный момент изучены недостаточно. Особенно это касается семантом такой части речи, как наречие. В связи с этим предпринята попытка рассмотреть особенности семантом адвербиальных лексем русского и английского языков. Для анализа были выбраны две сопоставимые в основном значения лексемы: *далеко* и *far*. Как показал анализ, в обеих семантомах наблюдается как обычная лексическая

полисемия, так и лексико-грамматическая полисемия в виде лексико-грамматической вариантности (Стернина 1999).

Рассмотрим семанту лексемы *далеко*, которая включает 5 семем: одну с лексико-грамматической вариантностью на уровне наречия и существительного, 3 авербиональных и одну предложную.

Лексико-грамматическую вариантность в семанте лексемы *далеко* проявляет семена $\Delta 1^7$ adv/n⁸ «на большом расстоянии/ дальнее местонахождение» (но его местоположение передано не совсем точно: на чертеже дворец находится слишком *далеко* от набережной Невы/ сидит в своем сибирском *далеке* и критикует).⁹

Авербиональными семемами рассматриваемой лексемы являются одна семена $\Delta 2$ «о большом промежутке времени до или после чего-либо» (до выпуска было еще *далеко*) и две семены $K1$ «много недостает по сравнению с кем-либо, чем-либо» (но настоящему искусству в моем понимании *далеко* до таких притязаний), «совсем не, вовсе не» (понимаю прекрасно, что жизнь с самого детства дарила ему *далеко* не изящные сюжеты).

Предложная сема в семанте лексемы *далеко* содержится в семене $\Delta 2$ «много больше чем» (ему было уже *далеко* за семьдесят, но когда мы или по Невскому, то люди оборачивались нам вслед).

Перейдем к семанте лексемы *far*. Она включает 3 семены, одна из которых проявляет лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия, существительного и прилагательного, а две являются авербиональными.

Лексико-грамматическую вариантность в семанте лексемы *far* проявляет семена $\Delta 1$ adv/a/n «на большом расстоянии/ дальний, далекий, отдаленный / дальнее местонахождение» (*the fate of those people is being decided far away from where they are/ as he edged forward, Sendei glanced up occasionally at the far end/ folk came from far and near to see it*)¹⁰.

Авербиональные семы содержатся здесь в семенах $\Delta 2$ «о большом промежутке времени до или после чего-либо» (*the action then moves far into the future*), «гораздо намного, очень» (*her face was pale, far paler than he remembered, as if she had been ill*).

Анализ семант лексем *далеко* и *far* выявил как сходства, так и различия в их семантике. Так, лексема *далеко* является многозначной, ее семанта включает 5 семем, в то время как семанта лексемы *far* включает только 3 семены. Две семены анализируемых лексем $\Delta 1$ adv/n «на большом расстоянии/ дальнее местонахождение» и $\Delta 2$ «о большом промежутке времени до или после чего-либо» совпадают, однако

⁷ Используется терминология М.М.Копыленко и З.Д.Поповой (Копыленко, Попова 1989)

⁸ Обозначается лексико-грамматическая вариантность лексемы на уровне соответствующих частей речи, подробнее см. Стернина 2009.

⁹ Источник примеров - Национальный корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

¹⁰ Источник примеров - Британский национальный корпус (www.natcorp.ox.ac.uk).

семантема лексемы *far* имеет более развитую лексико-грамматическую вариантность, т.к. в отличие от семемы *D1* лексемы *далекий*, проявляет лексико-грамматическую вариантность не только на уровне существительного и наречия, но и прилагательного.

Помимо одинаковых семем в семантиках сравниваемых лексем наблюдаются и эндемичные семемы. Так, семантема лексемы *далеко* включает следующие эндемичные значения: семему *D2 adv* «о большом промежутке времени до или после чего-либо», семему *K1 adv* «много недостает по сравнению с кем-либо, чем-либо», а также семему *K1adv* «совсем не, вовсе не». Семантема лексемы *far* имеет одну эндемичную семему *D2 adv* «гораздо, намного».

Одной из задач исследования было выявление частотности семем анализируемых лексем для определения коммуникативной релевантности (термин Л.А. Кривенко – Баранова/ Кривенко/ 2009б) того или иного значения лексемы. Для двух сопоставляемых лексем было отобрано по 1000 примеров употребления из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk). Каждый из примеров был соотнесен с конкретной семемой соответствующей семантемы, таким образом была выявлена частотность семем. Для ее характеристики был использован **индекс коммуникативной релевантности семемы**, под которым понимается отношение количества зафиксированных употреблений данной лексемы к общему количеству ее исследованных употреблений (Баранова/ Кривенко/ 2009б).

Как и можно было ожидать, в семантиках обеих лексем наиболее коммуникативно релевантными оказались семемы *D1*. В русском языке индекс коммуникативной релевантности семемы *D1* составляет 49 %, в английском языке – 51 %.

В семантеме лексемы *далеко* второй по величине индекс коммуникативной вариантности зафиксирован у семемы *K1* «совсем не, вовсе не» – 36 %. Семема *K1* «много недостает по сравнению с кем-либо, чем-либо» имеет индекс коммуникативной релевантности, равный 7 %, семема *D2* «о большом промежутке времени до или после чего-либо» – 6 %, семема *D2* «много больше, чем» – 2 %.

В семантеме лексемы *far* вторым по величине оказался индекс коммуникативной релевантности семемы *D2* «гораздо, намного» – 44 %, третьим – семемы *D2* «о большом промежутке времени до или после чего-либо» – 5 %.

Как показал анализ, индекс коммуникативной релевантности одноименных семем в семантиках рассматриваемых лексем различается. Так, индекс коммуникативной релевантности семемы *D1* семантемы лексемы *far* больше индекса коммуникативной релевантности семемы *D1* семантемы лексемы *далеко* – 51% и 49% соответственно. Индекс

коммуникативной релевантности семемы $\Delta 2$ «о большом промежутке времени до или после чего-либо» в русском языке больше индекса коммуникативной релевантности семемы $\Delta 2$ в английском языке – 6 % и 5 % соответственно.

Таким образом, проведенное исследование показало, что сопоставимые лексемы *далеко* и *far* обладают целым рядом семантических особенностей.

Семантема лексемы *далеко* оказалась более многозначной, чем семантема лексемы *far*. В английском языке лексико-грамматическая вариантность более развита, чем в русском языке: она проявляется на уровне трех частей речи, в то время как в русском языке – на уровне двух. Также в семантиках рассматриваемых лексем были выявлены различия в индексах коммуникативной релевантности одноименных семем.

Литература

1. Баранова / Кривенко/ Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках// Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С.18-21.
2. Баранова / Кривенко/ Л.А. Опыт выявления частотности семем// Культура общения и ее формирование. Вып. 21. – Воронеж, 2009. – С.50-52.
3. Британский национальный корпус – www.natcorp.ox.ac.uk.
4. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
5. Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru.
6. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999. – С.34-36.

Л.А. Кривенко

Развитие лексической полисемии как аспект проявления национальной специфики семантики

До настоящего времени национальная специфика семантики изучалась только на уровне лексико-семантических групп, тематических групп и полей, отдельные лексемы исследовались только в контрастивном плане. Нами была предпринята попытка выявления национальной специфики семантикам наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков. Как показало проведенное исследование, выявление национальной специфики семантикам данных лексем возможно по трем аспектам – аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту коммуникативной релевантности семем.

Данная статья посвящена изучению аспекта развития лексической полисемии наиболее частотных субстантивных лексем русского и

английского языков на примере группы гиперсемемных лексем. Отметим, что вслед за М.А. Стерниной под гиперсемемными мы понимаем такие лексемы, которые содержат в своих семантиках от десяти до двадцати семен (Стернина 1999, с. 42).

Материалом исследования явились гиперсемемные субстантивные лексемы, вошедшие в число ста наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков по данным Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотных существительных Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

По данным проведенного исследования, в разряд гиперсемемных в русском языке попали 19 лексем (*вода, голова, дело, душа, жизнь, лицо, место, образ, право, путь, сердце, сила, система, слово, стол, сторона, хозяин, школа, язык*)), в английском – 41 лексема (*area, authority, body, centre, change, community, control, day, development, effect, end, friend, home, hour, idea, issue, kind, law, level, life, man, number, part, party, period, people, office, power, rate, right, school, study, system, term, thing, view, way, water, word, work, world*).

Для изучения аспекта развития лексической полисемии релевантными оказались следующие индексы, предложенные в рамках развивающегося в Воронежском госуниверситете сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2011, с. 3-18):

- **индекс полисемантичности группы** (термин Н.М. Шишкойной) – отношение общего количества семен, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/ группы (Шишкина 2004);
- **индексы денотативной и коннотативной представленности семен в группе** – отношение количества денотативных / коннотативных семен к общему количеству семен в группе (Баранова (Кривенко) 2009);
- **индекс лексической полисемантичности семантемы** – отношение количества семен, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству семен в данной семантеме (Малыхина 2010);
- **индексы денотативной и коннотативной представленности семантемы** – отношение количества денотативных / коннотативных¹¹ семен к общему количеству семен в семантеме (Кривенко 2010).

В целом, 19 исследованных лексем в русском языке развиваются в своих семантиках 246 семен, 41 рассмотренная лексема английского языка развивает в своих семантиках 612 лексем. Исследование показало, что индекс полисемантичности рассматриваемой группы в русском языке

¹¹ Используется терминология М.М. Копыленко, З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989, с.31)

составляет – 12,9, а индекс полисемантичности соответствующей группы в английском языке равен 14,9.

Рассмотрев отношение количества денотативных и коннотативных семем к общему количеству семем в исследуемой группе субстантивных лексем русского и английского языков, мы получили следующие результаты - индекс денотативной представленности семем в русском языке равен 14%, в английском – 26%, индекс коннотативной представленности в русском языке составил 86%, в английском данный параметр равен 74%. Таким образом, можно констатировать, что в обоих языках в группе гиперсеменных лексем преобладают коннотативные семемы.

Все рассмотренные нами гиперсеменные субстантивные лексемы в разной степени демонстрируют лексическую полисемию. В русском языке индекс лексической полисемантичности у 18 рассмотренных лексем (*вода, голова, дело, душа, жизнь, лицо, место, образ, путь, сердце, сила, система, слово, стол, сторона, хозяин, школа, язык*) оказался равным 100%, лишь у лексемы *право* данный индекс оказался не стопроцентным и составил 92%. В английском языке лишь шесть лексем *hour, idea, level, system, thing, way* развивают стопроцентную лексическую полисемантичность. Наибольшие индексы лексической полисемантичности (95%) были выявлены у лексем *end* и *term*, самый низкий индекс (42%) – у лексемы *water*.

Исследование показало, что индексы денотативной представленности семантемы в русском языке колеблются от 6% (лексема *вода*) до 25% (лексема *система*), в английском языке – от 7% (лексема *thing*) до 69% (лексема *control*). Индексы коннотативной представленности семем русского языка находятся в пределах от 75% у лексемы *система* до 94% у лексемы *вода*, в английском языке данные параметры колеблются от 31% у лексемы *control* до 93% у лексемы *thing*.

В целом проведенное исследование показало, что развитие лексической полисемии является важным аспектом проявления национальной специфики семантики.

Анализ аспекта развития лексической полисемии на материале изученных субстантивных лексем позволил:

- определить, что группа гиперсеменных английских субстантивных лексем характеризуются большим уровнем полисемантичности по сравнению с данной группой в русском языке;
- установить, что как в русском, так и в английском языках в рассматриваемых группах преобладают коннотативные семемы;
- выявить более высокий уровень развития лексической полисемантичности у наиболее частотных гиперсеменных субстантивных лексем русского языка по сравнению с английским;

- определить более высокий уровень денотативной представленности семантом изученных английских лексем по сравнению с русскими и более высокий уровень коннотативной представленности семантом русских лексем по сравнению с английскими.

Литература:

1. Баранова (Кривенко) Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. - С . 18-21.
2. Британский национальный корпус – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
3. Копыленко М.М. Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1989.
4. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантом наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. - С. 54-58.
5. Национальный корпус русского языка – URL: <http://www.ruscorpora.ru>
6. Малыхина Н.И. Особенности полисемии наиболее частотных глаголов английского языка // Язык и национальное сознание. – Вып. 15. – Воронеж, 2010. - С. 93-97.
7. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
8. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. С. 3-18.
9. Частотный словарь С.А. Шарова – URL: www.artint.ru/projects/frqlist.asp.
10. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук – Воронеж, 2004.

Ю.А. Литвинова

Обобщенное описание лексикографических значений слова: «город» и “city” русском и английском языках

Лексикографическое значение слова представлено по-разному в разных словарях. Это обусловлено лексикографическими традициями, типом словаря, индивидуальным опытом лексикографа и многими другими факторами. Учитывая, что именно значение в словаре является для носителя языка, а также для исследователя языка исходным представлением о семантике слова, возникает проблема обобщения описаний слова в разных лексикографических источниках для повышения объективности описания слова как словарной (системной) единицы языка. С этой целью должны быть разработаны принципы обобщения словарных дефиниций и создан непротиворечивый алгоритм обобщения

лексикографических данных, в результате которого может быть получено лексикографическое описание слова, учитывающее результаты работы группы авторов имеющихся словарей, что позволит существенно повысить объективность лексикографических дефиниций.

Данный метод направлен на получение максимально полного описания значения исследуемого слова в системе языка на базе совокупности имеющихся толковых и энциклопедических словарей с дифференциацией современных и устаревших значений в его смысловой структуре. Метод обобщения словарных дефиниций основан на *принципе дополнительности словарных дефиниций* разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга (Стернин, Саломатина 2011).

Покажем возможный алгоритм формирования обобщенного лексикографического значения слова.

1. Выписываются значения исследуемого слова из всех доступных исследователю словарей, в которых представлено данное слово – как современных, так и по возможности исторических, а также энциклопедических и страноведческих.
2. Составляется единый список всех разных значений исследуемого слова, зафиксированных в рассмотренных словарях. Все значения, выделенные разными словарями и имеющие различия в содержании, включаются в описание семантики исследуемого слова как отдельные значения. Если слово номинирует некий денотат, отличный от других денотатов, фиксируется отдельное значение.
3. Каждое значение представляется как совокупность несовпадающих дефиниций в разных словарях: приводится список его различающихся дефиниций в имеющихся словарях.
4. На базе совокупности несовпадающих дефиниций одного и того же значения в изученных словарях формулируется обобщающая дефиниция значения в виде расширенного набора сем с учетом всех семантических компонентов и лексикографических помет, выделенных несовпадающими дефинициями разных словарей. Все семантические компоненты, выделенные разными словарями, включаются в состав описываемого значения, формулируется единая связная дефиниция значения.
5. Функциональные и стилистические пометы разных словарей при их несовпадении в разных словарях приводятся в **ФОРМУЛИРУЕМОМ** значении списком (напр. *простор.* и *разгов.*).
6. После обобщающей дефиниции каждого значения приводится вся совокупность примеров употребления слова в данном значении из разных словарей; приводятся все несовпадающие примеры. Если в словарях данное значение не иллюстрируется примерами, а значение

актуально для современного языкового сознания и употребляется в современном русском языке, пример употребления приводит исследователь. Если значение устарело, и примеры его употребления в словарях отсутствуют, значение приводится без примеров.

7. Значения многозначного слова в описании семантиды слова упорядочиваются в порядке от ядерных к периферийным. Ядерными считаются значения, выделенные всеми словарями и приводимые в этих словарях первыми. Периферийными значениями считаются устаревшие, стилистически ограниченные, выделенные только отдельными словарями.

Покажем применение данного алгоритма на описании лексикографического значения слов *город* и *city*.

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля лексема *город* представлена значениями: 1) городьба, ограда около жилья, населения; 2) крепость, крепостца, укрепленное стенами место внутри селения; кремль; 3) селение, обнесенное городьбой, городок; 4) населенное место, признанное за город, которому правительство дало городское управление; 5) все общество или все обыватели города.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова определяет слово *город* как: 1) крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр.

В современном толковом словаре русского языка С.И Ожегова слово *город* имеет следующие значения: 1) крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр; 2) центральная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов; 3) в старину на Руси: огражденное стеной, валом поселение; крепость (Китай-город в центре Москвы); 4) городская местность в отличие от сельской, деревенской.

«Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой определяет слово *город* следующим образом: 1) крупный населенный пункт, административный, торговый и культурный центр; / Разг. О жителях подобного населенного пункта; // Разг. Центральная, главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов; 2) Истор. Населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость.

*Обобщающие дефиниции лексикографических значений слова *город**

(Сначала приводятся различающиеся дефиниции из толковых словарей, затем жирным шрифтом – обобщающая дефиниция, сформулированная исследователем, затем – примеры употребления слова в данном значении из толковых словарей).

1. Крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр; крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр.

Крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр, управляемый по особому положению.

Портовый город. Областной город. За городом жить. За город поехать. Важнейшие города РСФСР – Москва и Ленинград.

2. В старину на Руси: огражденное стеной, валом поселение; крепость (Китай-город в центре Москвы); крепость, крепостца, укрепленное стенами место внутри селения; кремль; (истор.) населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость.

В старину на Руси: населенное место, огражденное стеной, валом и укрепленное стенами; крепость (истор.).

3. Центральная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов; центральная, главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов (разг.)

Центральная, главная часть крупного населенного пункта в отличие от окраин и пригородов (разг.).

Из нового района приходится в магазин ездить в город. Не забыть бы чего! Сначала в город... Ты все записала, что купить-то надо?

4. Населенное место, признанное за город, которому правительство дало городское управление;

Населенный пункт, имеющий государственный статус городского управления.

Столичный город. Губернский город. Уездный город.

5. Городская местность в отличие от сельской, деревенской.

Городская местность в отличие от сельской, деревенской

Он живет в городе, на природе бывает редко.

6. Все общество или все обыватели города; (разг.) о жителях подобного населенного пункта;

Все жители данного населенного пункта.

В малыгинском доме перебывал весь город.

7. Селение, обнесенное городьбой, городок; устар.

8. Ограда около жилья, населения; устар.

Исследование показало, что важную информацию о значении слова может дать дефиниция слова в энциклопедическом словаре.

Так, в Большой Советской Энциклопедии под редакцией А.М. Прохорова представлена информация о городе, которая позволяет выделить следующие дифференциальные семантические компоненты исследуемого значения:

1) крупный;

- 2) населенный пункт;
- 3) различаются типы городов (Г.- крепости, портовый, Г. «науки» и т.д.);
- 4) население более 12 тыс. человек;
- 5) не менее 85% населения занято вне сельского хозяйства;
- 6) ведется интенсивная торговля;
- 7) имеются культурные учреждения;
- 8) имеются оздоровительные учреждения;
- 9) интенсивность различных форм социального общения;
- 10) населяют люди разных профессий;
- 11) концентрация квалифицированной рабочей силы;
- 12) повышенная доля занятости людей в сферах науки, культуры, управления;
- 13) отличается жизненными укладами, потребностями, вкусами, привычками от деревни;
- 14) имеется система инженерных сооружений и коммуникаций (водопровод, канализация, тепло- и газопроводы, кабели, наземные линии электропередач);
- 15) наличие сети коммунально-бытовых учреждений;
- 16) предпринимаются мероприятия по озеленению и очистке города;
- 17) недостаток чистого воздуха;
- 18) повышенная запыленность;
- 19) шум;
- 20) нервные перегрузки;
- 21) легко распространяются болезни;
- 22) имеет богатое историко-архитектурное наследие;
- 23) наличие административных учреждений;
- 24) постоянно развивающийся;
- 25) наличие городских зон (центр, жилая зона, промышленная и др.);
- 26) наличие научно-исследовательских учреждений;
- 27) имеется транспорт;
- 28) наличие потоков автомобилей;
- 29) автостоянки;
- 30) наличие авто- и ж/д вокзалов;
- 31) наличие парков, скверов, бульваров;
- 32) сосредоточено промышленное производство;
- 33) происходит циркуляция значительных масс товаров;
- 34) может со временем потерять свое значение;
- 35) играет важную роль в жизни страны.

Таким образом, энциклопедическая информация позволяет внести дополнительные корректизы в описание семантики слова при его лексикографическом обобщении.

С учетом энциклопедической информации значения слова *город* могут быть представлены в следующем виде:

Город

1. Постоянно развивающийся крупный населенный пункт, имеющий богатое историко-архитектурное наследие и играющий важную роль в жизни страны, с населением более 12 тыс. человек, где не менее 85% населения занято вне сельского хозяйства, где ведется интенсивная торговля, предпринимаются мероприятия по озеленению и очистке города; является местом средоточия промышленного производства и циркуляции значительных масс товаров, имеется транспорт, автостоянки, авто- и ж/д вокзалы, парки, скверы, бульвары, а также культурные, научно-исследовательские, административные, оздоровительные учреждения, сети коммунально-бытовых учреждений, система инженерных сооружений и коммуникаций (водопровод, канализация, тепло- и газопроводы, кабели, наземные линии электропередач); наличие городских зон (центр, жилая зона, промышленная и др.), концентрация квалифицированной рабочей силы и повышенная доля занятости людей в сферах науки, культуры, управления; здесь недостаток чистого воздуха, повышенная запыленность, шум, нервные перегрузки и легко распространяются болезни.
2. населенное место, огражденное стеной, валом и укрепленное стенами; крепость (*истор.*, *устар.*).
3. Населенный пункт, имеющий государственный статус городского управления.
4. Городская местность в отличие от сельской, деревенской.
5. Все жители данного населенного пункта (*разг.*).
6. Селение, обнесенное городьбой (*устар.*).
7. Ограда около жилья, населения (*устар.*).

С целью обобщенного описания лексикографических значений лексемы *city* были проанализированы следующие словари: Webster's New World College Dictionary, Collins Cobuild English Language Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English.

Webster's New World College Dictionary дает следующие значения слова *city*: 1) a center of population larger or more important than a town or village;
2) in the USA, an incorporated municipality whose boundaries and powers of self-government are defined by a charter from the state in which it is located;
3) in Canada, any of various large urban municipalities within a province;
4) in G.B., a borough or town with a royal charter, usually a town that has been or is an Episcopal see;
5) all of the people of a city;
6) in ancient Greece, a city-state.

Collins Cobuild English Language Dictionary определяет *city* следующим образом: 1) a city is a large town where there are many houses, offices, factories, shops, theatres etc. and where many people live and work; The city is also used to refer to the people who live there.

2) the City is a part of London where many important financial institutions, for example, the Bank of England and the Stock Exchange have their main offices.

Longman Dictionary of Contemporary English представляет “city” как: 1) a large important town, especially one with a cathedral; 2) the people who live in a city; 3) the City is the area of London which is Britain’s financial center, and the important institutions there.

Обобщающие дефиниции лексикографических значений слова city

1. A center of population larger or more important than a town or village; a large town where there are many houses, offices, factories, shops, theatres etc. and where many people live and work; a large important town, especially one with a cathedral

A large important town, especially one with a cathedral where there are many houses, offices, factories, shops, theatres etc. and where many people work and live.

New York city; capital city

2. All the people of a city; the city is used to refer to the people who live there; the people who live in a city;

The people who live in a city.

The city has been leaving in fear since last week’s earthquake.

3. A part of London where many important financial institutions, for example, the Bank of England and the Stock Exchange have their main offices; the area of London which is Britain’s financial center, and the important institutions there.

The City is the financial center of London where important institutions have their main offices.

City banker.

4. In the USA, an incorporated municipality whose boundaries and powers of self-government are defined by a charter from the state in which it is located.

5. In Canada, any of various large urban municipalities within a province.

6. In G.B., a borough or town with a royal charter, usually a town that has been or is an Episcopal see.

7. In ancient Greece, a city-state.

Исследование показало, что важную информацию о значении слова может дать дефиниция слова в энциклопедическом словаре (если слово отражено в энциклопедическом источнике) или лингвострановедческом словаре.

Так, в США классификация населенных пунктов различается в каждом штате. Лингвострановедческий словарь «Американа» под ред. Г.В. Чернова представляет лексему *city* как юридически муниципальную корпорацию со своим уставом (*charter*), регистрируемым властями штата, обычно больше поселка городского типа (*town*), поселка (*township*), деревни (*village*) или округа (*borough*). Как правило, статус города основывается на численности населения, но конкретно определяется законами каждого штата. В США существует около 19 тыс. крупных городов (Чернов 1996).

Населенный пункт *city* – это только инкорпорированная территория. Инкорпорированная территория обладает правовым статусом города, района или территории, которые считаются частью США или являются таковыми по решению Конгресса; на них в полной мере распространяются положения Конституции США. Они пользуются правами самоуправления на основании устава (регистрационный документ, определяющий статус и характер управления корпорацией, включая муниципальную корпорацию), утверждаемого в рамках федерального законодательства или законов данного штата, или же как самоуправляющаяся единица (*home rule* – вид самоуправления муниципальной корпорацией, при котором устав муниципальной корпорации разрабатывается непосредственно в городе или поселке специально избранной комиссией и утверждается не властями штата, а избирателями – жителями города). Примерно половина муниципалитетов США получили от властей штата такое право. Инкорпорированные территории (обычно это крупный город *city*, деревня *village*, и в некоторых штатах поселок городского типа *town* или район города *borough*), как правило, создаются по инициативе жителей района и называются также муниципальными корпорациями (местная самоуправляющаяся административно-территориальная единица; имеет свой утвержденный устав и обладает правами юридического лица).

Итак, информация, представленная в лингвострановедческом словаре, позволяет выделить следующие признаки лексемы *city*:

- 1) a legally municipal corporation – юридически муниципальная корпорация;
- 2) has its own charter registered by the state government – есть свой устав, регистрируемый властями штата;
- 3) larger than a town, township, village or borough – больше поселка городского типа, поселка, деревни или округа;
- 4) status is based on the population size – статус основывается на численности населения;
- 5) the regulation of the US Constitution is fully extended to all the cities – на все крупные населенные пункты в полной мере распространяются положения Конституции США;

6) self-government rights based on the charter – обладает правами самоуправления на основании устава.

Таким образом, информация, полученная в результате исследования лингвострановедческого словаря, позволяет внести определенные корректизы в описание семантики слова при его лексикографическом обобщении.

С учетом лингвострановедческой информации значения слова *city* могут быть представлены в следующем виде:

1. A large important town, especially one with a cathedral where there are many houses, offices, factories, shops, theatres etc. and where many people work and live.
2. The people who live in a city.
3. The financial center of London where important institutions have their main offices (*in Britain*)
4. A legally incorporated municipality whose boundaries and powers of self-government are defined by a charter from the state in which it is located, status is based on population size, but specifically is determined by the laws of each state (*in the USA*)
5. Large urban municipalities within a province (*in Canada*),
6. A borough or town with a royal charter, usually a town that has been or is an Episcopal see. (*in Britain*)
7. A city-state (*in ancient Greece*)

При обобщении лексикографических значений лексем «город» и «city» выявляется, что:

обобщенных значений в обоих языках оказывается больше, чем в каком-либо отдельно взятом словаре-источнике (7 против максимально 5 в русских словарях, 7 против максимально 6 в англоязычных словарях);

в русском языке лексема *город* описывается в смысловом отношении более подробно и содержательно, чем в английском, в особенности основное значение, что отражает, по-видимому, более заметное значение города в противопоставлении деревне в русской культуре и русском сознании.

Кроме того, в русском языке исследуемая лексема содержит больше устаревших значений, а в английском языке - больше региональных семем (*брит.*, *канадск.*, *амер.*)

При этом в разных англоговорящих странах, таких как США, Канада, Великобритания, статус «города» (*city*) определяется по-разному. Так, например, в США – это инкорпорированный муниципалитет, чьи границы и права самоуправления определяются уставом штата, где он расположен. В Канаде – это любой большой городской муниципалитет в провинции. В Великобритании – это небольшой населенный пункт (*town* или *borough*) с

королевским уставом, обычно данный населенный пункт является Епископальным престолом.

Методика обобщения лексикографических дефиниций разных типов словарей позволяет пополнить описание слова новыми значениями. Благодаря обобщению дефиниций лексикографических значений и значений, представленных в энциклопедических словарях, можно получить более глубокое и объемное лексикографическое описание лексической единицы, которое будет более полно описывать системное значение слова. Обобщенное лексикографическое значение слова может быть в сокращенном виде использовано при составлении интегрального толкового словаря, объединяющего данные имеющихся толковых словарей.

Возможность подобного описания лексикографического значения слова не элиминирует неизбежной субъективности лексикографов в толковании слов, но снижает уровень этой субъективности. При этом для более полного и максимально объективного описания значений слов в любом случае необходимо описание их контекстуального употребления и психолингвистического значения, выявляемого экспериментальными методами и приемами.

Литература

1. Стернин И.А., Саломатина М.А. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж, 2011.
2. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под. ред. Г.В. Чернова. – Смоленск, 1996.

А.С. Макарова

Особенности употребления крылатой единицы *медовый месяц* в современной французской и российской периодике

Одним из самых ярких средств языка считается фразеология. Экспрессивность, метафоричность, эмоциональность, оценочность – качества фразеологических единиц любого языка, которые придают повседневной речи выразительность и образность. Крылатые единицы (далее КЕ) являются частью фразеологического фонда языка. Молодая наука – крылатология (крылатика, эптология) – вышла из фразеологии, и сегодня мы являемся свидетелями её бурного развития. Исследованию русской и французской фразеологии в сопоставительном аспекте посвящены работы многих учёных (Гак 2006, Кравцов 2008, Назарян 1976, Соколова 1987 и др.) Однако КЕ, находясь на периферии фразеологической системы, такому анализу не подвергались.

Если говорить о современном языке российских и французских журналистов, то нельзя не отметить следующий интересный факт:

излюбленным приёмом в текстах современных газет всё чаще становятся различные преобразования КЕ. Их трансформация возможна благодаря их внутренней форме (исходного смысла) и её устойчивости. В связи с этим В.Н. Телия отмечает: «У идиомы в качестве «предшественника» выступает сочетание слов, компоненты которого утрачивают самостоятельную денотацию и референтную автономность ... значение идиом всегда больше насыщено «деталями», чем значение слова» (Телия 1996, с. 84).

Проблема изменчивости фразеологизмов, в том числе и КЕ, до сих пор остаётся актуальной. Изменчивость КЕ проявляется в их вариативности и модификативности. Под фразеологической вариативностью мы вслед за А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко понимаем изменение формальной стороны ФЕ: замену её компонентов другими единицами; сокращение или расширение количественного состава (добавление или удаление слов) ФЕ; изменение грамматической формы компонентов ФЕ или графической формы компонентов ФЕ (Мелерович, Мокиенко 2008). Предложенная классификация трансформаций может быть применена и к КЕ. Так можно разграничить два основных типа структурно-семантических преобразования КЕ: преобразования, не приводящие к нарушению семантического тождества КЕ; трансформации, в результате которых возникают индивидуально-авторские (окказиональные) КЕ (Мелерович, Мокиенко 2008).

Индивидуально-авторские преобразования фразеологического фонда языка являются экспрессивным ядром фразеологической составляющей как художественного, так и публицистического идиолекта. Индивидуальные преобразования идиом, крылатых выражений и паремий, возникающие на основе трансформаций (структурных и/или семантических), рассматриваются как уникальные единицы лингвокреативной деятельности журналиста.

В данной статье рассмотрим особенности функционирования КЕ *медовый месяц* и сопоставим особенности её употребления в российской и французской современной прессе. Изучив материалы таких французских газет, как “Le Figaro”, “La Liberation”, бельгийской газеты “Le Soir”, электронные источники, а также публистику, предоставленную Национальным корпусом русского языка, было выявлено, что данная единица равноценно употребляема как российскими, так и французскими журналистами. Представим анализ особенностей употребления КЕ *медовый месяц* в контексте трансформаций. Но прежде обратимся к этимологии обозначенной единицы.

Медовый месяц – выражение, приобретшее известность после того, как Вольтер употребил его в романе «Задиг, или Судьба» (гл.3 - 1747), где «Задиг испытал, что первый месяц брака, как он описан в книге Зенд, является медовым месяцем, а второй – полынным месяцем». (БСКРЯ 2005, с. 264-265).

Обратимся для толкования значений КЕ к лексикографическим источникам. КЕ *медовый месяц* многозначна:

1. Первый месяц супружеской жизни; время сразу после свадьбы. 2. Шутл. О счастливом, приятном и безмятежном периоде в чьей-либо совместной жизни. 3. чего. О лучшей поре, расцвете чего-либо (БСКСРЯ 2005, с. 264-265).

Lune de miel – а) медовый месяц; б) период хороших отношений по началу (Новый большой французско-русский фразеологический словарь 2005, с. 909).

Lune de miel: les premiers temps du mariage, d'amour heureux et de bonne entente. Par extention. Periode de bonne entente (Etats, collectivites, entreprises) qui suit un accord (Le Grand Robert de la langue francaise. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise de Paul Robert, 1990).

Lune de miel. Mois qui suit le mariage; premiers temps de vie commune ou regnent l'entente, le bonheur dans le couple. Par analogie. Bonne entente entre personnes, groupes de personnes; debut heureux, moment heureux de quelqu'un dans la situation donnee (Tresor de la Langue Francaise. Dictionnaire de la langue du XIXe et XXe siecle (1789-1960). Gallimard, 1985)

Сравнив словарные статьи взятых нами словарей можно сделать вывод, что изучаемая КЕ имеет практически одинаковые значения в русском и французском языке. Наша задача – проанализировать, как отражается данный факт на функционировании КЕ в современных периодических изданиях России и Франции.

В первую очередь, следует отметить большое количество примеров расширения крылатого выражения за счёт прибавления разных частей речи, придающего порой ироничный оттенок КЕ. В первом примере из российской периодики добавлено прилагательное «кулинарный»:

*Вскоре я заметил, что мой живот растет, мне уже лень репетировать новые номера. И мы решили закончить **медовый кулинарный месяц**. Стали вместе с Кариной вегетарианцами* (Труд).

В примере, взятом из французской печати, расширение КЕ происходит путём прибавления прилагательных, которые выступают в роли синонимов (см. словарь), *annulée* и *reporté* (отменённый), где первое прилагательное употребляется непосредственно с КЕ, а второе – с её актуализатором *le voyage de noce* (свадебное путешествие), а также существительных *projets* (планы) и *couple* (пара). В последнем примере мы обнаруживаем актуализацию данной КЕ в её англоязычном варианте, точнее – её английскую кальку, употреблённую с французским артиклем *la*, что придаёт ироничный оттенок контексту вследствие трансформации КЕ.

Kate & William : la lune de miel est annulée

Le monde était suspendu aux projets de lune de miel du couple William et Catherine d'Angleterre. Finalement, ce sera pour plus tard. Une nouvelle

déconcertante pour les millions de fans qui attendaient de savoir où se déroulerait la Honey Moon du couple. La BBC vient d'annoncer que le secrétaire particulier du Duc de Cambridge a indiqué que le voyage de noce est "reporté" (Tele-loisirs).

Для лексического расширения КЕ журналисты активно используют имена собственные. Ср.:

Не прошло и двух недель после смены власти, а, по вердикту "Дейли экспресс", «медовый месяц мистера Брауна» уже закончился. Англичане ждут, что новая "метла" будет мести энергично и, главное, с пользой для них (Известия).

«Combien de temps durera la lune de miel d'Obama ?»

La presse étrangère donne une large place à l'investiture d'Obama, événement «historique», tout en soulignant les défis qui attendent le nouveau Président américain (Liberation.fr).

В первом контексте журналист упоминает медовый месяц мистера Брауна, премьер-министра Великобритании, во французском примере речь идёт о президенте США Бараке Обаме.

Интересно употребление изучаемой КЕ в политических контекстах журналистами обеих стран. Ср.:

Новый медовый месяц между Китаем и Россией окончательно зачеркивает десятилетия холода и даже конфликтов и свидетельствует о серьезной договоренности, направленной на изменение расстановки сил в мире (Новый регион).

Казалось, что действительно после "медового" периода в отношениях между двумя странами времен президентства Жака Ширака вот-вот наступит серьезное похолодание (Труд).

В первом контексте журналист употребляет *новый медовый месяц* в значении «новый период в отношениях». Во втором примере наблюдается лексическая субSTITУЦИЯ *месяца* на *период* с сохранением семантики исходной КЕ. Во французском контексте мы встречаем такое же семантическое употребление, но с прибавлением прилагательного *настоящий* (*veritable*).

Comme en témoigne la visite du premier ministre russe, Paris et Moscou traversent une véritable lune de miel. L'Élysée mise plus que jamais sur Vladimir Poutine, en qui il voit l'homme fort de la Russie (Le Figaro.fr).

Lune de miel franco-chinoise à Nice

Un dîner dans un restaurant du vieux Nice, une balade sur la célèbre promenade des Anglais. Cela permettra une étape «plus intime», se réjouit l'Elysée, «durant laquelle les deux chefs d'Etat pourront s'entretenir "en tête en tête" des grands dossiers du monde» (PFI).

В последнем примере в названии статьи автор расширяет КЕ за счёт прибавления относительных прилагательных *franco-chinoise* (франко-китайские), что заставляет читателя сразу обратить внимание на страны, о

которых пойдёт речь в статье. Далее мы наблюдаем субSTITУЦИЮ КЕ на слово *etape* (этап, период), несущее одно из её значений с недвусмысленным прилагательным в сравнительной степени *plus intime* (более интимный, близкий), что вновь придаёт ироничный оттенок всему контексту.

Нам встретились также примеры расширения КЕ, которое приводит к изменению её семантики. В данных контекстах КЕ выполняет роль номинатива.

Римская свеча «Медовый месяц», запал горит 10 секунд (Комсомольская правда).

Данное употребление представляет собой образование вторичного наименования на основе семантических ассоциаций. Как известно, свеча является символом романтических отношений между мужчиной и женщиной, которые характерны для «медового месяца». Похожий пример мы встретили и во французской прессе. Только речь здесь идёт не о свече, а о гостинице в Канаде под названием «Ферма «Медовый Месяц», где молодожёны могут провести свой медовый месяц:

Ferme Lune de Miel (252 3rd Rang East Sherbrooke (Stoke), Québec J0B 3G0 Canada).

Далее рассмотрим примеры субSTITУЦИИ, где у данного крылатого выражения номинативная функция. В примерах из российской публицистики это *остаток*, во французском примере *la fin* (конец). В самой статье журналист упоминает и о свадебном путешествии (*voyage de noces*), которое вновь выступает в роли актуализатора изучаемой КЕ.

Остаток "медового месяца" будущая королева и ее муж провели в шотландском замке Балморал, где Елизавета вторая любит отдыхать до сих пор (Известия).

William et les médias: la fin de la lune de miel

S'ils ont décidé de ne pas partir tout de suite en voyage de noces, c'est certainement parce qu'ils espèrent de cette manière échapper aux photographes et aux tabloïds (accentfrancais.co.uk).

Интересен факт употребления данной КЕ в текстах медицинской тематики.

Les douze pièges qui guettent les nouveaux parents adoptifs

La lune de miel

Parfois le premier contact, les premiers jours se passent tellement bien. Tout est parfait et les parents pensent que la partie est gagnée, qu'ils sont faits l'un pour l'autre et que cela va toujours continuer. Bien sûr, c'est vrai dans certains cas. Mais, plus souvent qu'autrement, c'est ce qu'on appelle **la lune de miel**.

Известно, что у некоторых диабетиков в самом начале лечения вдруг могут заработать считавшиеся погибшими клетки поджелудочной железы, в результате чего необходимость в инсулине сильно

уменьшается, а иногда и вовсе исчезает – на какое-то время. Этот период называется медовым месяцем диабетика (Труд).

Во французском контексте, где речь идёт о первоначальном этапе, о первых днях отношений усыновлённого ребёнка и его приёмных родителей, журналист использует одно из значений КЕ – период хороших отношений по началу, период взаимопонимания. Иногда этот медовый месяц сохраняется, и в семье царят любовь и добрые отношения, но в некоторых случаях после недолгого медового периода возникают проблемы. Во втором примере анализируемая КЕ получает экспрессивный характер. В приведённом контексте речь идёт о периоде улучшения самочувствия диабетика, когда он может отказаться от инсулина.

Как свидетельствуют приведенные контексты, использование КЕ в современной российской и французской публицистике – явление распространённое. КЕ вводятся в текст как полностью, так и в трансформированном виде, с заменой компонентов и т.п. Журналисты используют все значения исходной КЕ. По мнению С.Г. Шулежковой, жизнь КЕ – это её функционирование в различных сферах речевой деятельности, где любая КЕ проявляет свои свойства (Шулежкова 2002, 242).

Причины введения крылатых слов и выражений в текст (речь) самые различные: для эмоционально-экспрессивной номинации явлений в жизни общества, с целью индивидуализации речи, для оживления речи и привлечения внимания к той или иной проблеме, с целью создания незабываемого образа, порой ироничного, и т.п.

В языке современных газет идёт активный процесс модификации КЕ; исходные единицы могут употребляться реже, чем их производные варианты; часто КЕ служит «строительным» материалом для создания новых, порой неожиданных, ярких и экспрессивных оборотов.

Как справедливо замечает бельгийский лингвист Ж.К. Болонь: КЕ «живёт только в контексте времени, которое её порождает и в творческом процессе, которое её формулирует; она остаётся на бумаге или на устах тех, кто её сегодня употребляет, и широко представлена в газетах, статьях, на радио и телевидении» (перевод мой – А.М.) (Bologne 1991, p.8).

Литература

1. Bologne, Jean Claude Dictionnaire commente des expressions d'origine littéraire. Les allusions littéraires. – Paris, 1991.
2. Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert. – 1990.
3. Tresor de la Langue Francaise. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789-1960). Gallimard, 1985.
4. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц. – М., 2005.

5. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков, изд. 3-е, стереотипное. – М., 2006.
6. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека») : дис. ... докт. фил. наук – Ростов-на-Дону, 2008.
7. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома, 2008.
8. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. – М., 1976.
9. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В.Г. Гака – М., 2005.
10. Соколова Г. Г. Фразообразование во французском языке. – М., 1987.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
12. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М., 2002.

И.Н. Никитина

К вопросу об определении коммуникативного превалирования семем в русском и английском языках

Исследование, проведенное на материале групп наиболее частотных гиперсеменных глагольных лексем русского и английского языков, показало, что далеко не у всех изученных лексем наиболее коммуникативно востребованным является основное значение, то есть семема Д1 (терминология М.М.Копыленко и З.Д.Поповой – Копыленко, Попова 1989, с.31-32).

Отметим, что под гиперсеменными лексемами мы понимаем такие лексемы, которые по типологии, предложенной М.А. Стерниной (Стернина 1999, с.42), содержат от одиннадцати до двадцати семем. Гиперсеменные глагольные лексемы были отобраны из списка ста наиболее частотных глаголов в результате сплошной выборки из частотного словаря русского языка С.А. Шарова и списка частотных глаголов Британского национального корпуса.

В русском языке группа наиболее частотных гиперсеменных глагольных лексем состоит из 30 единиц: *бежать, брать, бросить, вести, взять, видеть, встать, выйти, выходить, говорить, дать, делать, держать, играть, лежать, найти, оставить, открыть, писать, поднять, подняться, подойти, показать, посмотреть, поставить, пройти, сесть, сказать, смотреть, ходить*. В английском языке данная группа насчитывает 20 единиц: *appear, bring, change, feel, find, follow, hear, leave, lose, meet, move, read, receive, return, sell, stop, talk, try, use, walk*.

В процессе исследования для определения частотности семем в семантиках нами было отобрано из Национального корпуса русского

языка и Британского национального корпуса по 1000 примеров употребления каждой лексемы.

Дальнейшее исследование показало, что в изучаемых группах **индекс коммуникативной релевантности семем** (термин Бараповой/Кривенко – Барапова/Кривенко 2009), под которым понимается отношение количества зафиксированных употреблений данной лексемы к общему количеству её исследованных употреблений, в ряде случаев оказывается выше в семемах Д2 и К1.

В группе наиболее частотных гиперсемемных глагольных лексем русского языка из 28 единиц у 15 отмечен наиболее высокий индекс коммуникативной релевантности семемы Д1. Индекс коммуникативной релевантности превалирует у семем Д2 в 7 случаях. У остальных 8 единиц индекс коммуникативной релевантности преобладает в семемах К1. В аналогичной английской группе из 20 единиц семена Д1 является наиболее коммуникативно релевантной у 15 лексем. У одной лексемы индекс коммуникативной релевантности преобладает в семеме Д2 и у 4 единиц отмечен наиболее высокий индекс коммуникативной релевантности семем К1.

Приведем пример лексемы русского языка, у которой наиболее коммуникативно релевантной является семема Д2. Так, семантическая лексема **видеть** включает 11 семем: семему Д1 «обладать зрением» (*Анна Федоровна оглохла совсем, а глаза видят*¹²) с индексом коммуникативной релевантности 2,7%, семему Д2 «воспринимать зрением» (*Ты видел, как она выглядит?*) с индексом коммуникативной релевантности **50,9%**, девять семем К1 «встречаться» (*Мы очень рады здесь вас всех видеть*) с индексом коммуникативной релевантности 2,6%, «смотреть» (*Я видела этот спектакль полтора года назад*) с индексом коммуникативной релевантности 5,3%, «представлять, воображать» (*Теперь Рыбкин видит своё будущее в ином свете*) с индексом коммуникативной релевантности 3,2%, «переживать, испытывать» (*Сельское население никогда не видело санаторного лечения*) с индексом коммуникативной релевантности 4,2%, «понимать, сознавать» (*Мухаммед, по Льюису, видел своё призвание в объединении арабов*) с индексом коммуникативной релевантности 9,2%, «признавать, считать кого-, что-л. кем-, чем-л.» (*В ребёнке хорошо бы видеть человека*) с индексом коммуникативной релевантности 15,1%, «обратить внимание на что-л., подчеркнуть» (*Вот видите, и доктор сказала, что вы живы и здоровы*) с индексом коммуникативной релевантности 6%, «замечать» (*Систематически такая работа, на мой взгляд, не ведётся, по крайней мере, я ее следов в регионах не видел*) с индексом коммуникативной релевантности 0,7%, «ожидать» (*Что бы вы*

¹² Все примеры почерпнуты из Национального корпуса русского языка и Британского национального корпуса

хотели видеть от партии, которая отражает ваши интересы?) с индексом коммуникативной релевантности 0,1%.

Примером лексемы английского языка, семема Д2 которой является наиболее коммуникативно востребованной, может служить лексема **hear**, содержащая 11 семем: семему Д1 «обладать слухом» (*I can't really hear properly*) с индексом коммуникативной релевантности 3,3%, 5 семем Д2 «услышать что-л.» (*Loretta could hear doors opening and closing*) с индексом коммуникативной релевантности **38,7%**, «слушать, внимать» (*Geneva will hear all his piano concertos in seven concerts*) с индексом коммуникативной релевантности 4,1%, «быть регулярным слушателем» (*On weekdays, they listened to lectures in local churches, and on market days travelled to hear sermons in nearby towns*) с индексом коммуникативной релевантности 1,6%, «заслушать официально, публично» (*That great audience assembled to hear a speaker quite unknown in the political world*) с индексом коммуникативной релевантности 1,9%, «разбирать дело на судебном заседании» (*The courts hear about 40–45 cases a day*) с индексом коммуникативной релевантности 3%, 5 семем К1 «услышать, узнать» (*The Queen was very interested to hear about the incident*) с индексом коммуникативной релевантности 36,8%, «получать известие, сообщение» (*The Coastguard will be too pleased to hear from you*) с индексом коммуникативной релевантности 4,1%, «согласиться» (*I would hear a teacher's viewpoint*) с индексом коммуникативной релевантности 0,7%, «заметить (о чувствах, эмоциях)» (*I didn't want him to hear the reluctance in my voice*) с индексом коммуникативной релевантности 2,1%, «понять» (*They only hear half of what God has been saying*) с индексом коммуникативной релевантности 3,7%.

В качестве примера глагольной лексемы русского языка, у которой семема К1 оказывается наиболее коммуникативно релевантной, приведем лексему **вести**, насчитывающую 11 семем: семему Д1 «идя вместе, направлять движение или заставлять идти с собой» (*Он вел на поводке пекинеса, исполненного чувства достоинства*) с индексом коммуникативной релевантности 16,2%, семему Д2 «управлять движением транспортного средства» (*Он вёл машину стремительными и точными движениями*) с индексом коммуникативной релевантности 2,8%, 9 семем К1 «взглавлять» (*Флотилию вел флагманский корабль "Тринидад"*) с индексом коммуникативной релевантности 3%, «двигать» (*Менухин вскоре перестал играть вовсе, он не мог ровно вести мышечок*) с индексом коммуникативной релевантности 0,6%, «прокладывать» (*Вот сейчас нынешний президент России В.В.Путин собирается вести железную дорогу в Туву*) с индексом коммуникативной релевантности 0,3%, «служить путем куда-л.» (*От дома дорога ведёт к Богоявленской церкви*) с индексом коммуникативной релевантности 17,1%, «говоря или делая, преследовать какую-л. цель» (*Ты понимаешь, к чему она ведет?*) с

индексом коммуникативной релевантности 0,3%, «влечь за собой; иметь своим следствием» (*Саморегулирующийся рынок к модернизации страны не ведёт*) с индексом коммуникативной релевантности 3,2%, «производить, осуществлять» (*Беседу на конфиденциальные темы вёл Дмитрий Лысак.*) с индексом коммуникативной релевантности **47,3%**, «опережать по результатам игры» (*Даже когда россияне ведут с разницей в две шайбы, победа ещё не гарантирована*) с индексом коммуникативной релевантности 1%, «руководить» (*У неё доставало сил вести этот большой дом*) с индексом коммуникативной релевантности 8,2%.

Примером английской лексемы, индекс коммуникативной релевантности которой преобладает по семеме К1, может служить лексема *bring*, содержащая 11 семем: семему Д1 «приносить, доставлять» (*I'll bring my luggage in from the car*) с индексом коммуникативной релевантности 23,5%, семему Д2 «приводить» (*Can I bring Linda home from school?*) с индексом коммуникативной релевантности 13,1%, 9 семем К1 «вызывать, влечь за собой» (*It was unlikely to bring any worthwhile results*) с индексом коммуникативной релевантности 18,3%, «доводить до чего-л.» (*Bring it to the boil, stirring constantly until thickened and then remove from the heat*) с индексом коммуникативной релевантности **29,3%**, «вводить» (*Changes to the secondary VAT legislation are now necessary to bring the new regime into effect*) с индексом коммуникативной релевантности 2,1%, «приносить доход» (*Museums bring revenues to the city*) с индексом коммуникативной релевантности 2%, «привносить, обеспечивать» (*You will bring your undoubted talent as well as your customers to the business*) с индексом коммуникативной релевантности 2,9%, «возбуждать дело» (*The law of England must be radically changed in order to bring a prosecution against them*) с индексом коммуникативной релевантности 1,5%, «вынуждать кого-, что-л. двигаться» (*Take needle behind work and bring to the right side through loops at left, four rows higher*) с индексом коммуникативной релевантности 3,6%, «заставлять» (*He could not bring himself to look at her*) с индексом коммуникативной релевантности 3,1%, «доводить до какого-л. количества» (*Bring our total investment in premises and equipment for LTS to £1.5 million*) с индексом коммуникативной релевантности 0,6%.

Как уже отмечалось, не у всех наиболее частотных гиперсеменных глагольных лексем русского и английского языков индекс коммуникативной релевантности семемы Д1 оказывается наивысшим, во многих случаях коммуникативно более релевантными оказываются семемы Д2 и К1. Для выявления национально-специфических различий коммуникативной релевантности семем русского и английского языков представилось целесообразным ввести **индекс коммуникативного превалирования семем**, под которым мы понимаем отношение количества лексем с наибольшей коммуникативной релевантностью семемы данного типа (Д1, Д2, К1) к общему количеству рассмотренных

лексем данной группы. В группе наиболее частотных гиперсемемных глагольных лексем русского языка **индекс коммуникативного превалирования семемы Д1** составил 50%, **семем Д2 - 23 %, семем К1 – 27 %.** В аналогичной группе английского языка **индекс коммуникативного превалирования семемы Д1** насчитывает 75%, **семем Д2 – 5%, семем К1 – 20%.** Как видно из приведенных значений, индекс коммуникативного превалирования семем Д2 и К1 оказался выше в группе русских глагольных лексем, а индекс коммуникативного превалирования семемы Д1 – в английской группе.

Для дальнейшего исследования нами была использована шкала оценки степени проявления национальной специфики (Колтакова 2008). Согласно данной шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **существенные, заметные, видимые и несущественные.**

Использование данной шкалы показало, что по двум параметрам – **индексам коммуникативного превалирования семемы Д1 и семемы Д2** в русском и английском языках замечены **существенные расхождения** (разница между показателями составляет 25% и 18%). По такому параметру как **индекс коммуникативного превалирования семемы К1** расхождения классифицируются как **заметные** (7%).

Литература

1. Баранова / Кривенко/ Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. Вып. 21. – Воронеж, 2009. – С.50-52.
2. Британский национальный корпус – <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
3. Колтакова С.В Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. фил. наук – Воронеж, 2008.
4. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
5. Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru
6. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
7. Частотный словарь С.А.Шарова – www.artint.ru/projects/frqlist.asp

Н.А. Портнихина

Описание национальной специфики семантического развития лексем с помощью сопоставительно-параметрического метода

Данная статья посвящена описанию семантического развития лексем *мороз* и *frost* в русском и английском языках с помощью сопоставительно-

параметрического метода (Стернина, Стернин 2011). Исследование семантического развития отмеченных лексем проводилось на трех уровнях: семенном, словообразовательном и фразеологическом.

Семантина лексемы *мороз* в русском языке состоит из четырех семем: семемы Д1п¹³ «сильный холод, стужа (*Сибирский мороз легко переносится, потому что он сухой.*)» и трех семем Д2п: «температура воздуха ниже ноля (*На улице мороз за сорок.*)», «открытый воздух, помещение, где низкая температура, где очень холодно (*В квартире мороз. Топить нечем.*)», «холодная зимняя погода (*крещенские морозы*)».

В процессе исследования нами были выделены семантические признаки, релевантные для развития производных семантических единиц (Портнихина 2011, с.46).

Семантическими признаками, релевантными для развития значений в семантиме, являются: *природное явление* (семемы Д2п «температура воздуха ниже ноля», «открытый воздух, помещение, где низкая температура, где очень холодно»), *природное явление и время проявления природного явления* (семема Д2п «холодная зимняя погода»).

Лексема *мороз* входит в словообразовательное гнездо, насчитывающее 36 лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, являются следующие: *природное явление* (**заморозки** – легкий утренний мороз весной или осенью, **изморозь** – похожий на иней снегообразный осадок, образующийся в туманную морозную погоду на ветвях деревьев, **морозно** – с морозом, **морозный** – очень холодный, **неморозный** – без мороза, **неморозно** – о неморозной погоде), *воздействие природного явления* (**проморозить(ся)** – полностью заморозить(ся), **промораживание** – полное замораживание, **подмороженный** – замороженный, **поморозить** – быть морозу некоторое время, **подморозить** – подвергнуться морозу), *благоприятное воздействие природного явления* (**морозилка** – камера холодильника, **морозильник** – замораживающее устройство, **морозильный** – предназначенный для замораживания, **морозить** – подвергать действию холода с целью хранения, **заморозить** – подвергать действию холода с целью хранения, **замораживание** – подвергание действию холода с целью хранения, **замороженный** – подверженный действию холода, **разморозить** – дать возможность оттаивать чему-либо замороженному, **размораживание** – оттаивание чего-либо замороженного, **размороженный** – оттаявший, **мороженое** – замороженное сладкое кушанье из сливок, молока, **мороженица** – прибор для приготовления мороженого, **мороженый** – подвергающийся замораживанию), *неблагоприятное воздействие природного явления* (**морозиться** – быть

¹³ Используется терминология М.М.Копыленко и З.Д.Поповой (Копыленко, Попова 1989)

на морозе, **обмороженный** – пострадавший от мороза, **обморозить** – пострадать от действия мороза, **морозобойна** – вред, нанесенный морозом, **морозобойный** – поврежденный морозом), **защита от природного явления** (**морозостойкий** – способный противостоять морозам, **морозостойкость** – способность противостоять морозам, **морозоупорность** – способность противостоять морозам, **морозоупорный** – способный противостоять морозам, **морозоустойчивость** – способность противостоять морозам, **морозоустойчивый** – способный противостоять морозам), **время проявления природного явления** (**морозник** – растение рода семейства лютиковых (цветет зимой)).

Лексема **мороз** входит в состав пяти фразеологических единиц. Семантическими признаками, лежащими в основе образования фразеологизмов с данной лексемой, оказались: **природное явление** (Дед **Мороз** – фантастическое изображение мороза в виде деда с длинной бородой, в шубе и шапке, осыпанного снегом и инеем), **интенсивность проявления природного явления** (трещит **мороз** – о сильном холода), **неблагоприятное воздействие природного явления** (**мороз по коже (по спине) подирает** (дерет, пробегает) – о неприятном ощущении от холода или внезапного страха, ужаса, **мороз пробирает до костей** – о неприятном ощущении от холода, **мороз кусается** – о неприятном ощущении от холода).

Анализ показал, что семантическое развитие лексемы **мороз** происходит на трех уровнях семантического развития слова. Для определения репрезентативности каждого из этих уровней в развитии семантики слова нами был использован такой формализованный параметр, как индекс представленности уровня семантического развития слова (Портнихина 2011, с.46). Индекс представленности семенного уровня семантического развития слова для лексемы **мороз** оказался равным 6,8%, индекс представленности словообразовательного уровня – 81,8%, а индекс представленности фразеологического уровня – 11,4%. Обращает внимание тот факт, что семантическое развитие рассматриваемой лексемы происходит преимущественно на словообразовательном уровне.

Как видно из проведенного исследования, семантический признак **природное явление** мотивирует развитие семантики данной лексемы на всех трех уровнях, семантический признак **время проявления природного явления** релевантен для семенного и словообразовательного уровней семантического развития слова, семантический признак **неблагоприятное воздействие природного явления** релевантен для словообразовательного и фразеологического уровней, семантические признаки **воздействие природного явления, благоприятное воздействие природного явления, защита от природного явления** – только для развития словообразовательного гнезда, а семантический признак **интенсивность**

проявления природного явления – только для образования фразеологизмов с рассматриваемой лексемой.

Для определения важности семантического признака в развитии семантики слова представилось целесообразным применить такой параметр, как индекс продуктивности семантического признака (Портнихина 2011, с.47). Индексы продуктивности перечисленных семантических признаков оказались следующие: **благоприятное воздействие природного явления** – 29,5%, **природное явление** – 22,7%, **неблагоприятное воздействие природного явления** – 18,2%, **защита от природного явления** – 13,6%, **воздействие природного явления** – 11,4%, **время проявления природного явления** – 4,5%, **интенсивность проявления природного явления** – 2,3%.

Семантическое развитие лексемы *frost* также прослеживается на трех уровнях. Семантема лексемы *frost* в английском языке включает 12 семем: семему Д1n/v «сильный холод, стужа (*When the rain stopped, there was a severe frost and eventually it snowed*)/морозить», семему Д2n/v «иней (*All flight surfaces, fuselage were cleared of frost or snow*)/покрываться инеем», семему Д2n «заморозки (*the late spring frost*)», две семемы Д2v: «подвергать быстрому замораживанию (о продуктах) (*Frost persimmons, they will be sweeter.*)», «побивать морозом (о растениях) (*My apple tree was frosted.*)», две семемы К1n: «суворость, холодность в отношениях (*There was such a frost between them.*)», «провал (какого-либо мероприятия, особенно театральной постановки) (*their repertoire was a frost...*)», пять семем К1v: «покрывать глазурью (*the pudding was frosted*)», «делать стекло матовым (*frosted glass*)», «расхолаживать», «мелировать (о волосах) (*She had her hair frosted.*)», «подковывать лошадь шипованными подковами».

Семантическими признаками, релевантными для развития значений в семантеме, являются: **природное явление** (семема Д2n «заморозки»), **воздействие природного явления** (семема Д2n/v «иней/ покрываться инеем»), **благоприятное воздействие природного явления** (семема Д2v «подвергать быстрому замораживанию (о продуктах)»), **неблагоприятное воздействие природного явления** (семема Д2v «побивать морозом (о растениях)»), семемы К1n «суворость, холодность в отношениях», «провал (какого-либо мероприятия, особенно театральной постановки)», семема К1v «расхолаживать»), **цвет природного явления** (семемы К1v «покрывать глазурью», «делать стекло матовым», «мелировать (о волосах)»), **защита от природного явления** (семема К1v «подковывать лошадь шипованными подковами»).

Лексема *frost* является основой словообразовательного гнезда, насчитывающего 11 лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, оказались следующие: **воздействие природного явления** (*hoarfrost* – иней), **неблагоприятное воздействие природного явления** (*frosted* – тронутый морозом, *frost-*

bound – скованный морозом, **frost-cleft** – морозобойна, **frost-crack** – поражение морозом, **frost-bitten** – подбитый морозом), **благоприятное воздействие природного явления** (**defrost** – размораживать), **цвет природного явления** (**frosting** – глазурь), **защита от природного явления** (**frost-hardy** – морозостойкий, **frost-resistant** – морозостойкий, **frost-resistance** – морозостойкость).

Лексема **frost** входит в состав одной фразеологической единицы. Семантическим признаком, лежащим в основе образования фразеологизма с данной лексемой, является **время проявления природного явления** (**Jack Frost** – матушка зима).

Анализ показал, что индексы представленности семемного и словообразовательного уровней семантического развития слова совпали и оказались равны 47,8%, а индекс представленности фразеологического уровня слова – 4,4%. Таким образом, семантическое развитие лексемы **frost** происходит преимущественно на семемном и словообразовательном уровнях.

Согласно нашему исследованию, пять семантических признаков – **воздействие природного явления**, **благоприятное воздействие природного явления**, **неблагоприятное воздействие природного явления**, **цвет природного явления**, **защита от природного явления** – релевантны для семемного и словообразовательных уровней семантического развития слова, семантический признак **природное явление** релевантен только для семемного уровня, а семантический признак **время проявления природного явления** – только для фразеологического уровня.

Индексы продуктивности перечисленных семантических признаков оказались следующие: **неблагоприятное воздействие природного явления** – 39,1%, **цвет природного явления** – 17,4%, **защита от природного явления** – 17,4%, **воздействие природного явления** – 8,7%, **благоприятное воздействие природного явления** – 8,7%, **природное явление** – 4,3%, **время проявления природного явления** – 4,3%.

Как показало исследование, семантическое развитие лексем **мороз** и **frost** мотивируют шесть одноименных семантических признаков: **благоприятное воздействие природного явления**, **воздействие природного явления**, **время проявления природного явления**, **защита от природного явления**, **неблагоприятное воздействие природного явления** и **природное явление**. Данные о значениях индексов семантической продуктивности этих признаков в семантическом развитии каждой лексемы представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Лексема	<i>мороз</i>	<i>frost</i>
Семантический признак		
<i>Благоприятное воздействие природного явления</i>	29,5%	8,7%
<i>Воздействие природного явления</i>	11,4%	8,7%
<i>Время проявления природного явления</i>	4,5%	4,3%
<i>Защита от природного явления</i>	13,6%	17,4%
<i>Неблагоприятное воздействие природного явления</i>	18,2%	39,1%
<i>Природное явление</i>	22,7%	4,3%

Для характеристики степени проявления национальной специфики семантического развития сравниваемых лексем с точки зрения продуктивности одинаковых семантических признаков представилось целесообразным ввести и использовать такой параметр, как *совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков* (Портнихина 2011, с.47). Для лексемы *мороз* этот индекс оказался равен 99,9%, для лексемы *frost* – 82,5%.

Отметим, что в семантическом развитии обеих лексем выявлены эндемичные семантические признаки. Так, в семантическом развитии русской лексемы эндемичным оказался признак *интенсивность проявления природного явления*, а в семантическом развитии английской лексемы – признак *цвет природного явления*. Для оценки продуктивности эндемичных семантических признаков нами был введен *совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* (Портнихина 2011, с.47).

Основные результаты проведенного исследования рассматриваемых лексем по используемым нами параметрам представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Параметры	Лексема	<i>мороз</i>	<i>frost</i>	Разница в показателях параметров
Индекс представленности семемного уровня семантического развития слова		6,8%	47,8%	41%
Индекс представленности словообразовательного уровня семантического развития слова		81,8%	47,8%	34%
Индекс представленности фразеологического уровня семантического развития слова		11,4%	4,4%	7%
Совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков		99,9%	82,5%	17,4%
Совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков		2,3%	17,4%	15,1%

Чтобы сделать окончательный вывод о степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем русского и английского языков, нами был введен еще один формализованный показатель – *интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем*, определяемый как среднее арифметическое представлений в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения национальной специфики семантического развития сравниваемых слов (Портнихина 2011, с.47). Для лексем *мороз* и *frost* значение этого индекса оказалось равным 22,9%.

Согласно шкале степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем (Портнихина 2011, с.198-199), различия в семантическом развитии рассмотренных лексем признаются **яркими**.

Таким образом, с помощью сопоставительно-параметрического метода и введенных в его рамках новых формализованных параметров оказалось возможным сделать обоснованные выводы о степени проявления национальной специфики семантического развития лексем русского и

английского языков. Представляется, что применение описанной методики будет продуктивно при рассмотрении семантического развития любых пар сопоставимых наименований разных языков.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
2. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
3. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С. 3-18.

З.Н. Сиразиева

Семантические особенности слов **Врач**, **Physician** и **Healer** в русском и английских вариантах клятвы Гиппократа

Нравственные принципы медицинской профессии возникли одновременно с врачеванием тысячелетия назад. Во многих древнейших письменных источниках по медицине наряду с советами по сохранению здоровья и лечению болезней излагаются и правила поведения врача. Одним из таких правил является «Клятва Гиппократа» (Петров 1990, с. 33).

«Клятва Гиппократа» – врачебная клятва, выражающая основополагающие морально-этические принципы поведения врача. «Клятва Гиппократа» переводилась и переводится на разные языки в течение многих веков. Она переведена на латинский, английский, русский, французский и многие другие языки.

Рассмотрим русские и английские варианты перевода Клятвы Гиппократа: перевод «Клятвы» профессора В.И. Руднева – 1936 г., перевод лингвиста У.Х.С. Джонса (W.H.S. Jones) – 1924 г., перевод филолога и историка медицины Людвига Эдельштейна (Ludwig Edelstein) – 1943 г., а также перевод британского лингвиста, специалиста по древнегреческому языку Джона Чедвика (J. Chadwick) и британского врача Уильяма Невилла Манна (W.N. Mann) – 1950 г.

Рассмотрим русские и английские варианты перевода Клятвы Гиппократа. В ходе исследования проанализируем переводы древнегреческого слова Ἱητρὸν на русский и английский языки. Данное слово в русском варианте переводится как **врач**, в английских вариантах 1924 и 1943 годов – как **physician**, а в варианте 1950 года – как **healer**.

Слово **врач**, в русском варианте выступающее в качестве приложения, имеет эквивалентом в английском варианте слово **Physician** («Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигией и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим

силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство... (см. Карпов 1994, с. 127) – *I swear by Apollo Physician, by Asclepius, by Health, by Heal-all, and by all the gods and goddesses, making them witnesses, that I will carry out, according to my ability and judgment, this oath and this indenture...»*). Очевидно, что статус Аполлона в двух вариантах текста Клятвы различен за счет набора сем в структуре значения слов **врач** и **Physician**: лексема **врач** в русском языке подразумевает ‘лицо, получившее высшее медицинское образование по соответствующей специальности и посвящающее свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека’ [МАС¹⁴]. В английском языке лексема **Physician** используется главным образом в официальном стиле и трактуется как ‘*a medical doctor, especially one who has general skill and is not a surgeon*’ (‘доктор (лицо с высшим медицинским образованием), обладающий основными медицинскими навыками, но не являющийся хирургом’[CAD¹⁵]). Как видим, значение лексемы **Physician** содержит дополнительный семный конкретизатор, вводя новые знания о референте: *не являющийся хирургом*. В британском варианте английского языка лексема **Physician** подразумевает сему ‘специалист по внутренним болезням (терапия)’ [CAD]. Несмотря на это, слово **Physician** полностью соответствует тексту обязательств клятвы («*I will not use the knife either on sufferers from stone, but I will give place to such as are craftsmen therein [surgeon]* (Jones 1924). Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом [хирург] [вставка моя – З.С.]»). В современном русском языке лексема **врач** означает ‘лицо с высшим медицинским образованием по различным специальностям: терапия, хирургия, стоматология и др.’, т.е. русский вариант семантически шире. Следовательно, употребление слова **врач** не соответствует оригиналу текста «Клятвы». В данном контексте более уместно употребление слова **терапевт**.

Отметим, что в Древней Греции (перевод всех вариантов перевода был сделан именно с греческого языка) врачами считались только терапевты, а хирурги не имели статус врачей. Однако в некоторых английских источниках можно найти следующее определение слова *surgeon*: ‘*physicians who worked with their hands are called surgeons*’ (Bailey). В данном случае имеет место совпадение семного объема слова и оригинала текста «Клятвы».

В Британском переводе Клятвы 1950 г. используется лексема **healer**. В английском языке эта лексема содержит сему ‘лицо, обладающее силой исцеления людей, не касаясь методов традиционной медицины’.

¹⁴ МАС – Малый академический словарь - Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой.

¹⁵ CAD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary, здесь и далее перевод словарных статей CAD мой – З.С.

Семантически **врач** и **healer** могут выступать в качестве антонимов: *лицо, занимающееся традиционной медициной* (врач, physician) – *лицо, занимающееся нетрадиционной медициной* (healer), поэтому последняя лексема не может быть признана соответствующей тексту Клятвы.

В целом проведенное исследование показало, что семантика слово **врач** в русском варианте перевода «Клятвы Гиппократа» покрывает более широкую семантическую область в отличие от английских лексем **Physician** и **healer**.

Литература

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge University Press 2009 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british>, свободный.
2. Chadwick J., Mann W. N. Hippocratic writings. – Penguin Books, 1950.
3. Edelstein L. The Hippocratic Oath: Text, Translation, and Interpretation. – Baltimor, 1943.
4. Jones W.H.S. The Doctor's Oath. Cambridge: Cambridge UP, 1924 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/phrm/oaths/oath1.html>, свободный.
5. Гиппократ. Избранные книги. Перевод с греческого В.И. Руднева. – М., 1936
6. Карпов В.П. Гиппократ. Избранные книги. – М., 1994.
7. Петров Б. Д. От Гиппократа до Семашко. – М., 1990.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М., 1985. – 1988.

О.В. Суханова

Тематическая группа русско-английских глагольных лакун «Действия человека»

В ходе исследования русско-английских глагольных лакун, полученных методом сплошной выборки из Нового Большого англо-русского словаря под редакцией Ю.Д. Апресяна, нами было выделено 3720 русско-английских глагольных лакун. Как показал анализ, данные лакуны могут быть классифицированы как типологически, так и по тематическому принципу, что позволяет выявить распространение явления лакунарности в различных тематических сферах, определить его универсальность и выявить национально-культурные различия русского и английского языков.

В случае с глагольными лакунами проведение тематической классификации оказалось возможным для всех типов лакун (обобщающих, конкретизирующих, обобщающе-конкретизирующих). При описания тематических групп, мы, вслед за Махониной А.А. (Махонина 2006, с.78), используем понятие *номинативная непредставленность*, под которой

понимается количество лакунарных смыслов, отмеченных в тематической группе, описывающей определённую сферу действительности.

Проведенная тематическая классификация позволила выделить 13 тематических групп русско-английских глагольных лакун, при этом самой крупной с точки зрения номинативной непредставленности является тематическая группа «Действия человека». Данная группа включает в себя 1028 лакун и имеет сложную структуру.

Рассмотрим структурные единицы этой группы, представленные по мере убывания их номинативной непредставленности:

1. действия человека в быту: сузить на солнце – *ср. sun*; мыть, чистить, вытираять губкой – *ср. sponge* и др.

2. вербальные действия человека: случайно проговориться – *ср. betray*; обильно употреблять в разговоре жаргонные слова и маловразумительные выражения – *ср. jargonize* и др.

3. действия человека, связанные с развлечениями и отдыхом: торжественно отмечать юбилей – *ср. jubilate*; играть в лошадки – *ср. horse* и др.

4. действия человека, связанные со здоровьем и с физиологическими процессами: вывихнуть или повредить бедро – *ср. hip*; выделять слизь, гной – *ср. gleet* и др.

5. действия человека, связанные с проживанием: переселять в новые дома – *ср. rehouse*; предоставлять жильё, размещать в бараках и т. п., жить в бараках – *ср. hut* и др.

6. действия человека, производимые частями тела: касаться или ударять носком – *ср. toe* и др.

7. действия человека, связанные повседневной жизнью: завалиться спать – *ср. flop*; смотреться в зеркало – *ср. glass* и др.

8. действия человека, связанные с его перемещением: садиться на скамейку – *ср. bench* и др.

9. действия человека, связанные с приготовлением и приёмом пищи: поить чаем – *ср. tea*; приправлять хмелем пиво – *ср. hop* и др.

10. действия человека, направленные на разрушение: стирать магнитофонную запись – *ср. shave*; вносить разлад в чьи-либо отношения – *ср. jaundice* и др.

11. действия человека, связанные с исполнением наказания и рукоприкладством: сечь розгой – *ср. birch*; отшлёпывать туфлей – *ср. slipper* и др.

12. действия человека, связанные с ношением одежды: быстро натянутъ на себя одежду – *ср. climb*; закалывать брюки вокруг щиколотки – *ср. amer. разг. reg* и др.

13. действия человека, характеризующие его умения и навыки: ощупью находить дорогу – *ср. plough around* и др.

14. действия человека, характеризующие его противоправную деятельность: подмешивать наркотики – *ср. hocus*; провозить контрабандой – *ср. rup* и др.

15. действия человека, характеризующие его характер и поведение: проявлять предусмотрительность – *ср. look ahead*; жить безалаберно, не думая о завтрашнем дне – *rig* и др.

16. действия человека, связанные с умственной деятельностью: критически исследовать, тщательно изучать – *ср. scrutinize* и др.

17. действия человека, связанные со зрительной деятельностью: бросать косой взгляд – *ср. sken*; увидеть мельком – *ср. glimpse* и др.

18. действия человека, характеризующие его отношение к выполняемому делу: только присутствовать и ничего не делать – *ср. assist*; тщательно проверять, осматривать – *ср. overhaul* и др.

19. действия человека, характеризующие его эмоциональное состояние: сильно волноваться, расстраиваться – *ср. take on*; бурно проявлять восторг – *ср. exuberate* и др.

20. действия человека, связанные с выражением чувств и интеллектуальных состояний: выражать презрение – *ср. flout*; оказывать уважение – *ср. tender*; выражать сомнение – *ср. quegy* и др.

21. действия человека, характеризующие взаимодействие с другими людьми: держать связь – *ср. liaison*; оставлять в затруднительном положении без средств – *ср. strand* и др.

22. действия человека, характеризующие неудачную деятельность: потерпеть неудачу – *ср. fluke* и др.

23. действия человека, характеризующие его попытки: пытаться преодолеть или разрешить – *ср. grapple*; пытаться дать объяснение (часто не соответствующее истине) – *ср. rationalize* и др.

24. действия человека, связанные с асоциальной деятельностью: мусорить, сорить в общественном месте – *ср. amer. litterbug*; непристойно обнажаться (о мужчинах) – *ср. flash* и др.

25. действия человека, связанные с обращением с оружием: натягивать тетиву – *ср. nock*; быстро выхватывать револьвер и т. п. – *pif out* и др.

Необходимо отметить, что самыми крупными подгруппами по степени номинативной непредставленности являются: *действия человека в быту* (357 лакун), *вербальные действия человека* (157 лакун) и *действия человека, связанные с развлечениями и отдыхом* (124 лакуны).

Самой немногочисленной является подгруппа *действия человека, связанные с обращением с оружием* (9 лакун).

Отметим, что в рассматриваемой тематической группе выделяются лакуны-синонимы, выявляющиеся одновременно на фоне двух синонимов фонового языка. Например: *сидеть на kortochkach* – *ср. hunker*, *сидеть на kortochkach* – *ср. squat*; *неожиданно появиться* – *ср. bob up*, *неожиданно*

появиться – ср. leap; ложиться спать – ср. bunk, ложиться спать – ср. retire.

Как показывает проведённое исследование, в русском языке отсутствуют наименования в виде отдельной лексемы или устойчивого словосочетания для действий человека по целому ряду существенных для носителей языка признаков.

Литература

1. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ...канд. фил. наук – Воронеж, 2006.
2. Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Около 250 000 слов.– М. , 1993.

С.Н. Черникова

Фразеологизмы, включающие компоненты *камень* и *stone* в русском и английском языках

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) русского и английского языков, компонентами которых являются лексемы **камень** и **stone**.

Лексема **камень** входит в состав 15 фразеологических единиц. Проведенный сематический анализ показал, что семантическими признаками, которые легли в основу фразеологического переноса в русском языке, являются следующие:

1. *Препятствие, затруднение* – данный семантический признак лег в основу фразеологического переноса в пяти ФЕ: **камня на камне не оставить, не оставлять** – "разрушить все до основания, уничтожить". (*Ведь против первоначального текста – камня на камне не оставил. /М. И. Цветаева/*), **камень преткновения** – "помеха, затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо деле, занятии и т.п.". Под камнем преткновения понимается символический камень, установленный в Сионе, о который спотыкались все неверующие и не соблюдающие законы. (*Поэтому вот эта операция для них — камень преткновения. /Ю. Бондарев/*), **нашла коса на камень** – "столкнулись в непримиримом противоречии взгляды, интересы, характеры и т.п. " (*Не даст винтовки — сам достану, — сказал он Синцову, и Синцов понял, что тут нашла коса на камень. /К. Симонов/*), **подводные камни** – "скрытые опасности, препятствия, затруднения" (*Ну, может быть, не совсем трусостью называется чувство, которое вело его по жизни, позволяя, как подводные камни, обходить все, что он обозначал словами: «Не хочу».* /А. Берсенева/), **бросать камень в чей-либо огород** – "намекать на кого-либо в разговоре, в письме и т.п.,

отзываясь о нем неодобрительно, насмешливо, иронически". Это выражение родом из Франции, где в старину был обычай бросать камни в огород человека, к которому были враждебно настроены, с целью сделать его землю менее плодородной. (*Молодой князь говорил так, чтобы все слышали его. Это был камень в огород Всеволода. /А. П. Ладинский/*).

2. *Груз* – данный признак является основой фразеологического переноса в четырех ФЕ: *упасть, ринуться, свалиться, нырнуть и т.п.* **камнем** – "упасть, ринуться, нырнуть с быстротой падающего камня" (*Ну и упал камнем с проломленной грудью, а те два улетели, – закончил отец. /В. Токарева/*), **лечь, опуститься камнем** - "о тяжелых чувствах" (*Камнем на душе опустилась грусть. /И. Тургенев/*); **камень на душе, на сердце** – "кто-либо испытывает тяжелое, гнетущее чувство" (*Вот не было от тебя писем, и прямо камень на сердце. /Г. Я. Бакланов/*), **камень свалился, упал; камень сняли с души, сердца** – "о наступившем душевном облегчении, избавлении от чего-либо гнетущего, тягостного, неприятного" (*Будто камень упал с души. Будто только что могло, но так и не свершилось нечто тусклое, постыдное, чуть не омрачившее нашу память об этом удивительном, тяжелом и все же таком добром дне! /К. Серафимов/*).

3. *Украшение* – данный признак является основой фразеологического переноса в двух ФЕ: **драгоценный камень** – "ценный и красивый минерал, употребляющийся для украшения – обычно в ювелирных изделиях" (*На борту великолепнейшего пиджака, как глаз, торчал драгоценный камень. /М. А. Булгаков/*), **дорогие камни, каменья** – "то же, что драгоценные камни" (*Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. /П. П. Бажов/*).

4. *Основание* - данный семантический признак лег в основу фразеологического переноса в одной ФЕ: **краеугольный камень** – "основа, важнейшая, существеннейшая часть, главная идея" (*Но отрицание пронизывающего жизнь и историю мистицизма само по себе есть очень тонкая и опасная форма мистики – тонкая потому, что становится невидимым краеугольный камень общественного устройства.... /Виктор Пелевин/*.)

5. *Опасность* - данный признак является основой фразеологического переноса в одной фразеологической единице: **держать (иметь) камень за пазухой** – "таить злобу против кого-либо, быть готовым отомстить, сделать пакость, гадость кому-либо". Версий происхождения данного выражения много, но большинство историков склоняются все же к одной, связанной с политической ситуацией 1610 года и сложными отношениями с поляками. В Москве организован пир на высшем уровне с присутствием высокопоставленных гостей из Польши. Сидя с московитами за одним столом, гости решили

подстраховаться: каждый из них держал за пазухой своей одежды — так, на всякий случай, — булыжные камни. (*И сам Петр, не слишком осторожный со своими «птенцами», полагал, что «когда имеешь дело с Толстым, надо держать камень за пазухой».* /Д. С. Мережковский/).

6. *Орудие наказания* - данный семантический признак лег в основу фразеологического переноса в одной ФЕ: *бросать, бросить, кинуть и т.п. в кого-либо камень, камнем; поднять на кого-либо камень* – "осудить, обвинить кого-либо, чернить кого-либо, порочить кого-либо". (*И люди постыдились кинуть камень, вспомнив собственные грехи.* /Ф. Искандер/).

7. *Мера чего-либо* - семантический признак является основой фразеологического переноса в одной ФЕ: *пробный камень* – "то, что выявляет свойства, качества, сущность чего-либо или кого-либо". (*Есть такие дети, отродясь все знающие. Пробный камень на фальшив. Мы очень разные, и он меня видит из меня, не из себя.* /М. И. Цветаева/).

Для оценки важности того или иного семантического признака мы использовали введенный Н.А. Портнихиной (Портнихина 2008, с.48) **индекс продуктивности семантического признака**, под которым понимается отношение количества производных семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от семемы Д1 данной лексемы. Для рассмотренной лексемы *камень* в русском языке эти показатели следующие: *препятствие, затруднение* – 33.4%, *груз* – 26.7%, *украшение* – 13.3%; *основание* – 6.7%, *опасность* – 6.7%, *орудие наказания* – 6.7%, *мера чего-л.* – 6.7%.

Лексема *stone* входит в состав 11 фразеологических единиц в английском языке. Проведенный семантический анализ показал, что семантическими признаками, которые легли в основу фразеологического переноса, являются следующие:

1. *Груз* – данный признак является основой трех фразеологических переносов в ФЕ: *rolling stone* – "перекати-поле" (о человеке) ("*You've been somewhat of a rolling stone hitherto,*" I commented. Jerome K. Jerome/), *sink like a stone* – "камнем пойти ко дну" (*Then, just as Falk was ready to put his hand on him, the man let go his hold and sank like a stone.* /J. Conrad/), *a stone's throw away / (within) a stone's throw* – "поблизости от, рукой подать" (*The Vicar of Surle, a tiny hamlet by the sea, was to be seen every evening in the public house a stone's throw from his vicarage.../S. Maugham/*).

2. *Препятствие, затруднение* – семантический признак является основой фразеологического переноса в двух ФЕ: *break stones* – "выполнять тяжелую работу, зарабатывать на жизнь тяжелым трудом" (*With the curate's wedding the old pauper's brief career of prosperity ended. They packed him off to the workhouse after that and made him break stones.*

/Jerome K. Jerome/), *leave no stone unturned* – "сделать все возможное, испробовать все средства, пустить все в ход, приложить все старания, ни перед чем не останавливаться" (*They had that interest, as well as other interests, in ensuring their impunity from exposure, and they would leave no stone unturned, and sacrifice unattempted, to discover the place in which their victim was concealed... /W. Collins/*).

3. *Магическое средство* - данный семантический признак лег в основу фразеологического переноса в двух ФЕ: *the blarney stone* – "Камень Красноречия – камень, вмонтированный в стену замка Бларни в Ирландии, по легенде – часть Скунского камня, дающая поцеловавшему её дар красноречия". ('*And didn't we all know you kissed the blarney stone?' she whispered back. /E. Richmond/*), *the philosopher's stone* – "философский камень, универсальное средство" (*The problem is that everyone else wants us to certain of ourselves – as if we carried the philosopher's stone in our pockets! /M. West/*).

4. *Орудие наказания* – семантический признак является основой фразеологического переноса в одной ФЕ: *cast (или throw) a stone (или stones) at somebody* – "бросить камень в кого-либо, порочить, обвинять, осуждать, хулить кого-либо" (*My client, an innately bashful man, would be the last man in the world to do anything ungentlemanly which injured modesty could object to or cast a stone at a girl who took the wrong turning when some dastard, responsible for her condition, had worked his own sweet will on her. /J. Joyce/*).

5. *Опасность* - семантический признак является основой фразеологического переноса в одной ФЕ: *set a stone rolling* – "вступить на опасный путь".

6. *Основание* – данный семантический признак лег в основу фразеологического переноса в одной фразеологической единице: *the corner (или the first) stone* – "основа чего-либо" (*Mr. Lamont's formula of low interest rates, business incentives coupled with tight public spending and a pay squeeze forms the corner stone of the Government's new economic policy. /Independent/*).

7. *Неподвижность* - данный признак является основой одного фразеологического переноса в ФЕ *turn to stone* – "словно окаменеть, замереть, застыть" (*He silently looked back at us, like a man turned to stone . . . /W. Collins/; Their hearts turned to stone - those which did not break – and they became beasts, the men on the Dead Horse Trail. /J. London/*).

Индексы продуктивности указанных выше семантических признаков для лексемы *stone* следующие: *груз* – 27.8%, *препятствие, затруднение* – 18.2 %, *магическое средство* – 18.2%; *орудие наказания* – 9.1%, *опасность* – 9.1%, *основание* – 9.1%, *неподвижность* – 9.1%.

Результаты сопоставления индексов продуктивности выделенных семантических признаков в русском и английском языках могут быть представлены следующим образом:

Семантические признаки	Индекс продуктивности	
	в русском языке	в английском языке
1. груз	26.7 %	27.8%
2. препятствие, затруднение	33.4%	18.2%
3. украшение	13.3%	
4. основание	6.7%	9.1%
5. опасность	6.7%	9.1 %
6. орудие наказания	6.7%	9.1%
7. мера чего-л.	6.7%	
8. магическое средство		18.2%
9. неподвижность		9.1%

Как мы видим из сводной таблицы, сравнение семантических признаков, которые легли в основу фразеологического переноса от лексем *камень* и *stone* в русском и английском языках, показало наличие пяти общих признаков: *груз*; *препятствие*, *затруднение*; *основание*; *опасность*; *орудие наказания*. Отметим, что индексы продуктивности четырех семантических признаков, а именно: *груз*; *основание*; *опасность*; *орудие наказания* имеют приблизительно одинаковые показатели. В то же время наиболее продуктивный в русском языке семантический признак *препятствие*, *затруднение* имеет индекс продуктивности почти в два раза больше, чем подобный семантический признак в английском языке.

В результате исследования нами были выявлены также национально-специфические семантические признаки, которые легли в основу фразеологического переноса. К национально-специфическим признакам в русском языке относятся *украшение* (индекс продуктивности – 13.3%) и *мера ч.-л.* (индекс продуктивности – 6.7%), а в английском языке – семантические признаки *магическое средство* (индекс продуктивности – 18.2%) и *неподвижность* (индекс продуктивности – 9.1%). Таким образом, проведенное сопоставление продемонстрировало национальную специфику восприятия *камня* как элемента ландшафта русско- и англоговорящими.

Литература

- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь.- 4-е изд.- М., 1984.
- Портнихина Н.А. Сравнительный анализ семантического развития лексем rain и дождь в русском и английском языках / Сопоставительные

- исследования 2008. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2008. – С. 48–53.
3. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М., 2008.
 4. Данные Национального Корпуса русского языка: <http://www.ruscorp.org.ru>
 5. Данные Британского Национального Корпуса: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

И.В. Чеханова, С.А. Скрипкина

**Лексические новообразования
в сфере электронной коммуникации
(на материале русского и английского языков)**

Проблемами неологии занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты. Изучая неологизмы, ученые нередко расходились во мнениях, выявляя наиболее важные, по их мнению, аспекты изучения новой лексики. Так, например, Н.З. Котелова ввела «параметры-конкретизаторы» неологизмов, с точки зрения которых неологизм рассматривается как нечто абсолютно новое в языке (Котелова 1978, с. 14), А.В. Калинин выделяет ведущим критерием для определения неологизма только новизну слова, причем в свете ее так называемой ощутимости или неощутимости носителями языка: «Единственный критерий, видимо, ощущение необычности, свежести слова всеми говорящими» (Калинин 1978, с. 117). Е.В. Маринова утверждает, что новым для носителей языка может быть только план выражения или только план содержания, однако, являясь двусторонней единицей языка, слово также может обладать и двусторонней новизной. Такие слова Маринова называет собственно неологизмами (Маринова 2006, с. 105).

Мы будем понимать неологизм, как новую для данного исторического периода лексическую единицу (займствованную из других языков, а также образованную из имеющегося в данном языке словообразовательного материала по существующим моделям) или новое значение старых слов, появляющееся в языке в связи с возникновением новых реалий и понятий, соглашаясь с мнением М. Радченко (Радченко 2009, с. 140).

В работе анализируются лексические новообразования в русском и английском языках в сфере электронных коммуникаций. Считая эту тему актуальной, мы обращаем внимание на то, что процесс глобализации нашел свое воплощение в сфере компьютерных и интернет-технологий, которые по существу являются источниками взаимопроникновения культур, а, следовательно и языков, порождая тем самым огромное количество всевозможных неологизмов. По словам И.О. Наумовой, процесс глобализации на современном этапе развития обладает огромной скоростью, и логично было бы предположить, что количество новых лексических единиц в составе того или иного языка увеличилось в разы в

последнее десятилетие (Наумова 2008, с. 20). Следовательно, возникает потребность в адаптации языковой личности к специфике виртуального мира и новых технологий, вследствие чего происходят сдвиги в национальных культурно-языковых системах, что опять же приводит к возникновению множества новообразований.

Компьютерное общение на русском языке отличается рядом особенностей: 1) активным вторжением (инкрустацией) терминов; 2) использованием транслитерации и транскрипции; 3) использованием словообразовательных и семантических калек; 4) обыгрыванием английских слов с использованием русских; 5) придумыванием слов на чужой основе (Галичкина, 2001, с. 13). Что касается английского языка, то здесь ситуация в корне другая, так как английский язык, являясь интернациональным языком и языком инновационных технологий, не вбирает в себя такое количество новых лексических единиц из других языков, как русский и в основном использует собственные ресурсы. Это объясняется тем, что в век информационных технологий английский язык является ведущим. Тем не менее, его лексический состав все же претерпевает некоторые изменения под влиянием электронной коммуникации. Необходимо отметить, что появление новообразований в лексическом составе языка в условиях электронной коммуникации происходит с помощью таких традиционных способов как 1) словосложение; 2) словоизделие (аффиксация); 3) бленд (срощение); 4) конверсия; 5) лексико-семантический способ; 6) обратное словообразование; 7) чередование звуков; 8) перенос ударения в слове. Наряду с перечисленными способами большую популярность также приобрела аббревиатура. Это связано с тем, что характерной чертой электронной коммуникации является скорость передачи информации, что одновременно является и ее основным преимуществом. В погоне за скоростью и стремлением передать как можно больше смысла в ограниченном количестве языковых знаков, другими словами – стремлением к языковой экономии, среди прочих способов образования неологизмов аббревиатуры и акронимы приобрели наибольшее распространение.

В ходе анализа содержания англоязычных интернет-блогов, чатов, различных форумов и социальных сетей, было выявлено большое количество акронимов и аббревиатур: FAQ (Frequently Asked Questions), FAQL (Frequently Asked Questions List), AKA (Also Known As), AFAIR (As far as I Remember) IMHO, (In My Humble/Honest Opinion), BTW (By the way), BF (BoyFriend), GF (GirlFriend), WYSIWYG (What You See Is What You Get) и др. Интересными случаями образования акронимов и аббревиатур можно считать использование цифр как замены предлога или части слова или обозначение одним символом целого слова, например: F2F (Face to Face), 4GET (Forget), L8R (Later), GR8 (Great), U2 (You too), 4U (for

You) и другие. Эти случаи мы считаем особенно любопытными для детального изучения, так как они наиболее ярко выражают стремление к эффективности, экономии языковых средств и времени, что связано со скоростью использования Интернет-коммуникаций.

В русском же языке основное место в ряду новообразований в сфере электронной коммуникации среди прочих занимает словообразование, где один из компонентов слова является заимствованным, а также транскрипция с транслитерацией, где иноязычное слово переходит в русский язык посредством передачи графического или звукового образа. Данную точку зрения относительно транслитерации можно проиллюстрировать таким примерами, как: *спам* (от spam – нерелевантные сообщения Internet, посылаемые большому числу людей; «мусорное» сообщение), *оффтоп/оффтопик* (от off topic - любое сетевое сообщение, выходящее за рамки заранее установленной темы общения), *форум* (от forum – место для обсуждения), *сервер* (от server - центральный компьютер сети) и другие. Примерами транскрипции могут служить слова: *юзер* (от user – пользователь), *крак/крак* (от crack - программа для взлома защиты какого-либо лицензионного программного обеспечения), *гугл* (от google – крупнейшая поисковая система), *онлайн/оффлайн* (от online/offline – в сети (подключен)/не в сети (отключен)), *смайл* (от smile – улыбка), *мессидж/мессэдж* (от message – сообщение), *клик* (от click – щелкать), *коннекшн* (от connection – подключение) и другие. Многие из слов, образованных таким способом, уже имеют производные и свои парадигмы, например *смайл* – *смайлик*; *гугл* – *гуглить*, *загуглить*, *погуглить*; *коннекшн* – *коннектить*, *коннектиться*, *законнектить*, *не коннектиться*, *дисконнект* и прочие. Такое обилие производных образований говорит о высокой их производительности, а, следовательно, и о высокой частотности их употребления, что неудивительно, ведь сеть Интернет объединяет сферы культурного влияния всего мира, а явления, которые обозначают эти новообразования для русского языка, являются общими для всей сети. Таким образом, можно утверждать, что транслитерация и транскрипция являются показателем значительного обогащения лексики русского языка в сфере электронной коммуникации.

Однако следует подчеркнуть, что такие лексические единицы практически не выходят за рамки сферы их употребления. Возникновение новых программ, устройств, явлений и пр. требует определенной номинации, которая потом остается в языке-реципиенте, но такие новообразования не могут соответствовать явлениям из другой сферы, то есть, здесь наблюдается так называемое непроникновение специальных терминов Интернет-коммуникаций в другие области.

Суммируя все вышесказанное необходимо отметить, что сфера электронной коммуникации на данный момент представляет собой широкое поле для лингвистических изучений. Разные языки

предоставляют разный набор лексических новообразований в данной сфере. Так, в английском языке одним из наиболее продуктивных и частотных способов образования новых единиц является аббревиация, а в русском – транслитерация и транскрипция. В дополнение, подчеркнем, что, в отличие от русского, английский язык в большинстве случаев использует собственные ресурсы. Все эти различия являются следствием интернациональности английского языка.

Литература

1. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: на материале жанра компьютерных конференций [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2001.
2. Калинин А. В. Лексика русского языка. – М., 1978.
3. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1978.
4. Маринова Е. В. Проблема системного описания неологической лексики современного русского языка // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): материалы Международной конференции. – СПб., 2006. – С. 105.
5. Наумова И. О. Виртуальная игра на языковой клавиатуре (на материале английского и русского языков) // Монография 2007/1. – Харьков, 2008.
6. Радченко М. Словообразовательные неологизмы в современном русском и хорватском языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 (10): Языкознание, 2009. – С. 140-144.

Е.В. Шастина

Взаимовлияние субстрата и суперстрата в австралийском Криоле

Креольские языки существовали во все эпохи, однако XX век стал свидетелем их необыкновенного подъема и расцвета. В настоящее время в мире насчитывается более шестидесяти креольских языков, имеющих около 30 миллионов носителей. Креольские языки представляют особый интерес для современной сопоставительной лингвистики, поскольку позволяют проводить контрастивные исследования в рамках одного языка.

Подобные исследования возможны благодаря тому факту, что креольский язык является продуктом взаимодействия двух и более языков, которые в результате тесного контакта сливаются в единый язык. Язык, наславшающийся на язык коренного населения и растворяющийся в нем с течением времени, называется языком-суперстратом. Язык, который растворяется в наслонившемся на нем языке, называется языком-субстратом (Звегинцев 2009, с. 204).

Австралийский Криол является креольским языком, на котором говорят более 30 тысяч человек на территории северной и северо-западной

Австралии (<http://www.kriol.info/>). Австралийский Криол появился в результате тесных языковых контактов между британскими колонизаторами и коренным населением. Таким образом, английский является языком-суперстратом, а восемь местных аборигенских языков, попавших в ситуацию тесного контакта с английским, выступают в качестве субстратов (Harris 1993, с.147-149). В течение многих лет Криол считался примитивной формой английского языка, и лишь в начале XXI века после перевода Библии на Криол этот язык был признан официально.

В ходе тесных языковых контактов язык-суперстрат подвергся значительным изменениям, благодаря которым австралийский Криол считается самостоятельным языком, а не контаминированной формой английского. Анализ словарного состава австралийского Криола позволяет изучить процессы, происходящие с языком-суперстратом и языком-субстратом при их слиянии в единый креольский язык. Прежде всего, рассмотрим изменения, произошедшие с английским как языком-суперстратом.

Поскольку английский язык является языком-лексификатором, основная часть лексического состава происходит из английского языка. Главным образом, это лексемы общей семантики, претерпевшие ряд фонологических изменений под влиянием аборигенских языков-субстратов: *taim* (*time*), *binana* (*banana*), *eksadint* (*accident*), *Meriken* (*American*), *binnga* (*finger*), *cleba* (*clever*). В приведенных примерах изменениям подверглась лишь форма исходной лексемы, значение же осталось прежним. Однако при сопоставительном анализе лексем языка-суперстрата и соответствующих лексем австралийского Криола были выявлены определенные изменения в значении английских лексем, которые можно разделить на три основные группы: появление дополнительного значения, модификация первоначального значения в сторону сужения либо расширения, полное изменение исходного значения.

Так, ряд английских лексем в австралийском Криоле развили дополнительное значение, не свойственное языку-лексификатору. Например, лексема *medisin* имеет два значения: первое совпадает с основным значением лексемы в английском - '*medicine*' (Kriol-English Dictionary); дополнительное же значение совершенно отлично - '*household cleaning liquids*' и даже '*poison*' (Kriol-English Dictionary). Последнее значение, вероятно, отражает недоверие аборигенов к западной медицине и фармакологии и предпочтение традиционных методов лечения, подтвержденное низкой статистикой обращения коренного населения в больницы Австралии (www.maningrida.com). Лексема *buildimap* (от англ. *build up*), помимо значения, совпадающего со значением лексемы в языке-суперстрате, - '*build*', имеет два дополнительных значения – '*help*' и '*save*' (Kriol-English Dictionary), что может быть связано с традиционным

образом жизниaborигенов, когда постройка укрытий была особенно важна для выживания в суровых природных условиях.

В процессе развития креольского языка значение лексемы языка-суперстрата может быть генерализировано либо специфицировано. Например, слово *lisid* имеет более узкое значение в Криоле, чем в английском языке – ‘*inedible lizard*’ (Kriol-English Dictionary). Съедобные ящерицы имеют отдельные названия, преимущественно аборигенские (Kriol-English Dictionary). Возможно, это объясняется тем, что ящерицы являлись составным компонентом питания коренного населения, поэтому важно было различать только съедобных ящериц. Так значение английской единицы стало более узким. Распространенным случаем является обратная трансформация значения – расширение. Например, лексема *biya* (от англ. beer), помимо пива может означать любой алкогольный напиток (Kriol-English Dictionary). При этом, согласно статистике, пиво является самым распространенным алкогольным напитком среди коренного населения (www.abs.gov.au). В.И.Беликов и Л.П.Крысин отмечают, что «видимому, существуют универсалии расширения семантики при пиджинизации» (Беликов, Крысин 2001, с. 86).

Некоторые лексемы английского языка в процессе инкорпорирования в Криол развили совершенно новое значение, не характерное для суперстрата. Так, например, криольская лексема *perrish*, в отличие от суперстратной лексемы, не имеет значения «умирать». Значения данной лексемы ‘*be thirsty; be famished*’ (Kriol-English Dictionary), что, вероятно, являлось наиболее распространенными причинами смерти коренных жителей. Криольская лексема *kapardi*, образованная от английского словосочетания *cup of tea*, означает любой перерыв в работе, независимо от того, пьют в это время чай или нет (Kriol-English Dictionary). В представленных примерах значение криольской лексемы лишь ассоциативно связано со значением лексемы суперстрата.

Можно предположить, что все перечисленные выше изменения значений лексем языка-суперстрата произошли под влиянием индигенной картины мира, отражающей культурные особенности носителей Криола, в абсолютном большинстве принадлежащих к коренному населению Австралии. Как отмечает О.А. Корнилов, семантически организованный лексический состав языка представляет собой словарное воплощение модели мира, существующее в коллективном сознании данного народа (Корнилов 2003, с. 96). В случае изучаемого креольского языка модель мира, заключенная в английском языке, сталкивается с иной моделью мира, существующей в коллективном сознании австралийских аборигенов. В результате такого столкновения образуется совершенно новая модель мира, которая, в свою очередь, адаптирует язык под себя, вызывая языковые изменения, в данном случае – в значении лексических единиц языка-суперстрата.

Язык-субстрат является вторым по важности источником словарного состава креольского языка. В случае австралийского Криола индигенные языки-субстраты нашли отражение в языке в виде вокабуляра, связанного с традиционным образом жизни австралийских аборигенов. Семантически субстратные лексемы можно разделить на следующие группы:

1. родственные отношения (*abijaja* mother's father; *banji* in-law or person of that category, *gaggag* mother's mother; etc);
2. социальная принадлежность (*munanga* European; *mijij* European woman; *lubra* Aboriginal woman; etc);
3. растительные и животные виды (*doldol* cucumber; *jinma* shark; *kumirr* blackberry; etc);
4. природные и созданные человеком предметы (*gilgai* surface water; *lama* shovel-nosed spear; *iliman* shield; etc);
5. вкусы, чувства, характеристики (*jenyo* sour; *ngatju* generous; *maiama* mad; etc);
6. части тела (*burlburl* lungs; *murnda* muscle; *ngarlmarr* armpit; etc);
7. здоровье (*gululu* upset stomach; *purduga* kind of bush medicine; *kuyiya* plant used to treat diarrhea);
8. ритуалы и верования (*jandi* ceremony; *fans* dream that a dog has; *waral* spirit) (Kriol-English Dictionary).

Также, к единицам аборигенского происхождения, как правило, относятся междометия как способ выражения чувств и эмоций (*mainmak* interj. good; *gaja* interj. ah! (expresses surprise or disbelief); *ngangi* interj. what's this? is it?) (Kriol-English Dictionary). Поскольку Криол является, прежде всего, языком национальной идентичности австралийских аборигенов (Hudson 1983, с. 15), естественно, что наиболее значимые сферы жизни обслуживаются вокабуляром индигенных языков-субстратов. К сожалению, отследить какие-либо семантические изменения языков-субстратов в процессе формирования креольского языка представляется практически невозможным ввиду отсутствия точной информации, какие именно восемь племен участвовали в нативизации пиджина, не говоря об отсутствии зафиксированных письменных источников для абсолютного большинства местных языков.

Говоря о соотношении субстрата и суперстрата в словарном составе австралийского Криола, особенно важно отметить их значительное взаимодействие и взаимовлияние. Интересно, что Криол содержит устойчивые выражения, сформированные с использованием лексем английского языка, но при этом отражающие индигенное мировосприятие: так, словосочетание «летать на самолете» в Криоле передается идиомой *bastimap klaud*, которая дословно означает ‘to break a cloud’ (Kriol-English Dictionary). Идиома имеет английскую этимологию в плане выражения, но явно аборигенское происхождение в плане содержания. Также, характерной чертой Криола является смешанное использование лексем

субстрата и суперстрата. Например, понятие ‘*altar*’ представлено соединением субстратной лексемы *nyukurr* (священный) и суперстратной лексемы *teibul* (от англ. *table*). Другой интересный пример –глагол *nogudbinji*, состоящий из двух частей. Первая часть *nogud* (от англ. *no good*) отражает универсальную особенность лексики пиджинов и креольских языков образовывать антонимичные прилагательные при помощи отрицания (Беликов, Крысин 2001, с. 86). Вторая часть глагола представлена субстратной лексемой *binji* (живот, желудок). При этом значение глагола передает не физические страдания, связанные с болезнью, а моральные - ‘*to be sad or unhappy*’ (Kriol-English Dictionary). Таким образом, использование лексем суперстрата для отображения индигенного мировосприятия и возможность смешанного использования лексем субстрата и суперстрата показывают тесное взаимодействие этих двух компонентов в составе креольского языка.

В заключение отметим, что в формировании лексического состава креольского языка ведущую роль играет язык-суперстрат, однако под влиянием индigenной картины мира лексемы языка-суперстрата, помимо внешних фонологических изменений, подвергаются значительным изменениям плана содержания вплоть до образования совершенно нового значения. Сравнительный анализ показывает, что язык-суперстрат стал источником лексем общей семантики, а субстратные лексемы отражают ключевые понятия для коренного населения, связанные с традиционным образом жизни. Характерной особенностью креольского языка является взаимопроникновение и взаимовлияние субстратных и суперстратных элементов, в результате которого и рождается новый язык, отличный от языков, лежащих в его основе.

Литература

1. Harris J. Losing and Gaining a Language: the Story of Kriol in the Northern Territory // *Language and Culture in Aboriginal Australia*, 1993.
2. Hudson J. Grammatical and Semantic Aspects of Fitzroy Valley Kriol, 1983.
3. Kriol-English Dictionary // edited by Jason Lee, 2004. URL: <http://www1.aiatsis.gov.au/ASEDA/docs/0739-Kriol/index.1.html>
4. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: Учебник для вузов. – М., 2001.
5. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М., 2009.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области концептосфер, лингвокультурологии и дискурса

И.А. Барабушка

Город-организм в русской и английской лингвокультурах

Проблема образа города заключает в себе множество возможных ракурсов ее рассмотрения в рамках различных областей знания. Эта тема позволяет исследователю через изучение специфики восприятия городской среды и культуры индивидами понять особенности устройства их жизни, получить представление об ином взгляде на мир, иной ментальности. Ведь Город – это не только бетон и стекло, это форма организации материального и духовного пространства человека.

Храмы, стены, площади, улицы – это материальные воплощения культурной формы, символы и образы духовной личностной организации. Познавать, постигать бытие – значит собирать себя в точку через единство мира. Точной мира, его средоточием и становится Город (Смирнов 1999).

В основе такого понимания лежит идея органопроекции, которую пытался развить П. Флоренский (Флоренский 1992). Идея заключается в том, что орудия, вещи, которые создает человек, создаются по его образу и подобию. Они антропоморфны и фактически являются продолжением человеческого тела. Мир состоит из символов, понятий, образов, чисел, орудий, которые суть – органы человеческого, символического тела, тела неорганического (Смирнов 1999). Это части культурного тела-органона, т.е. город есть огромный увеличенный органон человека.

В связи с этим в рамках исследования тематической группы «урбанистические реалии» были рассмотрены 2580 примеров, взятых из The British National Corpus, в которых встречается лексема «city», и 2800 примеров, взятых из Национального корпуса русского языка, в которых встречается лексема «город». Приводимые ниже данные представляют собой результат анализа случаев, в которых авторы обращаются к одному из 4 самых типичных мифообразов города: город как организм (Вагин 2009).

И как органическое тело человека является системой его отдельных органов, так и город рассматривается как символическое тело человека, его органопроекция. Подтверждением этому является тот факт, что в большинстве случаев в исследованных лингвокультурах город-организм объективируется через его части/органы, как то:

- Сердце

The canal route was dark and it was deep and it was a secret vein that ran through the heart of the city, and only the scum dropped down here after hours and expected to survive.

Still as a great dumb necropolis at the heart of the teeming city, the ancient empty bunkers and barren silos shuffle their enormous overlapping shadows across the stone streets and the slick canals.

- Внутренности

Here are tunnels where the trains once ran. The city has flowered upon its own offal.

- Конечности

'And understand what you hear!' He heard the city's limbs, sucking and gliding hydraulically.

...Мне город протянул ладони площадей, желтеет над бульварами листва... Как много я хотел сказать тебе, но кто подскажет лучшие слова?!..

- Лицо

Физиономии у города почти не было, но была прелесть каменных его закоулков с маленькими шумными пивными, ресторанчиками, пекарнями.

Там никогда не смолкает стрельба, там постоянно рвутся снаряды, и именно оттуда, если верить очевидцам, а оснований не доверять им у нас нет, время от времени вылетают термитные ядра, от которых изрядно уже пострадало лицо города.

- Щеки

The city turns a seamed cheek upward

- Рот

The mist clears and the cavities Glow black in the rubbed city's Broken mouth.

- Глаза

В городе, где Юрасов родился и вырос, у домов и улиц есть глаза, и они смотрят ими на людей, одни враждебно и зло, другие ласково, — а здесь никто не смотрит на него и не знает о нём.

- Плоть

*Быть может, память меня подводит, но, кажется, именно в ту пору началось разорение Арбата и строительство того, что называется теперь Арбатом Новым, который, съев Собачью Площадку, **вгрызся в плоть неповторимого ампира старой дворянской Москвы** и расчленил единый некогда «особый город» ...*

- Нервная система

Белосельцев взглядался в открывающуюся панораму, различая нервные волокна и линии, упругие опоры, соединяющие город.

- Система кровообращения

He was like some vital cell in the bloodstream of the city; tiny but important; a message bearer, a point of growth and change.

Новостройки обладали другой **кровеносной системой** и потому не были Городом.

- **Кости, кожа и др.**

Techs and robots were bracing and splinting Vasilariov's terrible urban wounds, the city's ripped skin, its splintered bones, injured organs, torn arteries.

То, что этот странный организм все же живой, доказывает тот факт, что, как и любое живое существо, он подвержен болезням:

The city was just recovering from one of the usual bouts of plague which come in late winter; (...)

'Say it isn't so!' 'The City 's in just as bad a shape as it always was'

Изнемогший от долгой, изнурающей зимы Китай-город дождался апреля.

Состояние здоровья города-организма можно описать при помощи медицинской терминологии:

*Раз на раз не приходится – в сущности Толик и Город жили в унисон своими сногсшибательными **перепадами давлений и температур**, и, наверное, окажись этот взбалмошный городской пассионарий столь же долгожительным, что и текущая цивилизация, – по его всевозможным **кардиограммам или томографиям** можно было бы предсказать последний день этих «Помпей»...*

Город может страдать и истекать кровью (*The City bled and burned.*), и на его коже остаются следы (раны, шрамы):

Ни проблеска, ни огонька внизу, всё непроглядно и глухо, только две розовые шевелящиеся раны в этой черноте - пожары в Замоскворечье.

The small convoy made its way to the fortified barracks, where the Range Rover went through the gates on its own, the armoured escort returning to duty in the scarred city.

В рамках физиологических процессов/состояний, приписываемых городу-организму, можно выделить 4 базовые категории:

- **Питание**

Even if he had been gulped down by the City, Tunney should be making some difference, feeding in his own amendments.

Этот город, над которым были подняты ангелы, похожие на распятия, сожрал меня.

- **Дыхание**

The city breathes, and flows into my room.

Но сейчас, спустя много лет, город дышит покоем.

- **Сон**

I got up and, sitting at my window, looked out over the still-sleeping city, and wrote my first poem to this unknown god.

Встало солнце, и хотя люди ещё спали за замками, ставнями, болтами и решётками – город уже проснулся.

• **Смерть**

*And Zacco will walk into his own very **dead city**.*

*Здесь тоже кипела жизнь, над этим **мертвым**, безмолвным городом.*

Следует отметить, что отличительной чертой русской литературы является не просто одушевление, а «очеловечивание» города. Рассматривая признаки образа города, присущие человеку, мы можем выделить в рамках данной категории несколько групп:

1. Внешний вид, стиль, образ

*Но попадали в сети мирной провинциальной начинки **изящного города** — в бесконечность дворового быта и вопросиков о времени, о себе, предложений «по полташке?»*

Этот строгий и величавый город, дышащий морем, (...) навсегда останется славой нашей страны и неиссякающим источником вдохновения для поэтов.

Время существования города сравнивается с **возрастом** человека:

Постепенно, исподволь завладело им чувство Города. То не было восхищение гармоническим согласием северного пространства с западной регулярностью, а было печальное осознание дряхлости Города.

Они радостно приветствовали вторую молодость своего города, так счастливо совпавшую с их молодостью.

2. Черты характера

*Знаю, я не один такой в этом **взбалмошном**, разбросанном городе.*

*Импресарио, коллекционер, маршал, игрок, шулер — город, если разобраться, не менее **талантлив**, чем честолюбивые провинциальные юноши, возведенные им, многие посмертно, в ранг super star.*

3. Состояние человека

a. Психологическое

*Сквозь затемненные стекла город выглядел по-вечернему **умиротворенным**.*

*Странная сказка: **недовольный** зябкий город кружится на карусельных цепях, бренные тела встрихиваются, как микстура перед употреблением, невеста и жених медленно и торжественно плывут на чертовом колесе в сумерках окраин (...).*

b. Физиологическое

Он сильнее сжал плечи Галины — такие же худенькие, как и тридцать лет назад, когда Журковский долгими летними ночами гулял с Галей Петровской, студенткой-первокурсницей, когда целовал ее губы, находя их на ощупь в жаркой темноте подворотен, когда шорох их шагов тонул в вязкой тишине уставшего за день Города.

День постепенно клонился к вечеру; раскаленный, насыщенный выхлопными газами и ядовитыми испарениями горячего асфальта город изнемогал от невыносимой жары.

4. Нравственные характеристики.

Город порочен и испорчен, он обладает многими недостатками, присущими человеку:

Собрались, прикинули, чего не видели в этом ушлом, повидавшем все и всех городе, и пришли к выводу, что не было здесь, пожалуй, разве что королей да дворцов.

Он был страшен в гневе, посыпал проклятия провинившемуся, погрязшему в блуде городу.

В целом анализ языковых средств, объективирующих мифообраз города-организма в русской и английской лингвокультурах, показал, что город в английской литературе не олицетворяется, и, как следствие, авторы описывают преимущественно его физиологическую составляющую при помощи структурно-функционального подхода. Русской же литературе свойственна более высокая степень метафоризации и персонификации образа города, в большей степени акцентируется интеллектуальный и нравственный аспекты его существования, что является национально специфичным для данной культуры.

Литература

1. The British National Corpus. – <http://bncweb.lancs.ac.uk>
2. Вагин В. Социология города. Тема 2. Города как сложные комплексы изучения, 2009 – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/02.php
3. Национальный корпус русского языка. – <http://www.ruscorpora.ru>
4. Смирнов С.А. Антропология города, или о судьбах философии урбанизма в России, 1999 – http://anthropology.ru/ru/texts/smirseal_ancity_0.html
5. Флоренский П. У водоразделов мысли. Органопроекция // «Символ». – Т. 28. – Париж, 1992.

Л.М. Борисова

Способы реализации текстоорганизующего речевого действия *коррекция* в художественном дискурсе в русском и немецком языках

Целью текстоорганизующих речевых действий (парафразирования, уточнения, коррекций) является устранение уже наступившего, или предотвращение на базе речевой антиципации возможного нарушения коммуникативного акта (Firle 1987). Данные речевые действия имеют место при повторном формулировании, если течение речевой деятельности не совпадает с ожиданием или если обнаруживается отклонение от

интенции говорящего. Специфические условия реализации текстоорганизующего речевого действия *коррекция* определяются относительно двух видов коррекции. Следует различать между процессами, связанными с коррекцией высказывания в ходе реализации коммуникативной программы, и коррекциями, обусловленными тем, что говорящий предполагает возможность неверной интерпретации, ошибку в программе ожидания партнера по коммуникации (Prokopsik 1985). Предметом внимания в данной статье является текстоорганизующее речевое действие *коррекция* в художественном дискурсе. Исследование практического материала из художественных русскоязычных произведений и их переводов на немецкий язык показало, что наряду с pragматическими функциями данного текстоорганизующего речевого действия, релевантными и для непоэтической коммуникации, выделяются и функции, специфические лишь для художественного дискурса. В данной статье анализируются способы вербализации речевых усилий фиктивного повествователя, репрезентирующих коррекцию, а также функциональный потенциал данного речевого действия в русскоязычном и немецкоязычном художественном дискурсе. При этом принимаем во внимание, что все речевые усилия, характерные и для устной, спонтанной коммуникации, в художественном дискурсе трансформированы, стилизованы, подчинены той художественной задаче, которую ставит перед собой автор произведения (Кожевникова 1971, с. 56). Сопоставительный анализ ниже приведенных фрагментов в тексте оригинала и тексте перевода позволяет выявить определенные различия как на функциональном, коннотативном уровне, так и на семантическом и синтаксическом уровнях:

1. Так что, хотя, поступив в университет, Лева вроде бы и приблизился к своей детской мечте о науке, но тут же ему стало не до этого. Не то чтобы он объявил это благоговение ложным или наивным (Лева еще не был критичен), – просто стало лень (Битов, с.30).

So dass Ljowa, nun an der Universität, zwar seinem Kindertraum von der Wissenschaft quasi nähergerückt war, doch schon hatte er anderes im Kopf. Nicht, dass er jene Ehrfurcht für falsch oder naiv erklärt hätte (Ljowa war noch nicht kritisch), es wurde ihm einfach zu mühsam (Bitow, S.36).

2. Лицо... Лева уже влюбился в дядю Диккенса. Он был необыкновенно чист, дядя Диккенс. **И не то чтобы он «отмылся»: такое сразу видно, – он был всегда чист, зрячее отсутствие любого запаха...** что странно, если учесть, откуда он вернулся. (Битов, с. 32-33).

Und das Gesicht... Ljowa hatte sich bereits in Onkel Dickens verliebt. Er war ungewöhnlich rein, Onkel Dickens. **Nicht, dass er sich «saubergewaschen» hätte; so etwas sieht man gleich, er war immer rein, die sichtbare Abwesenheit jeglichen Geruchs-** was seltsam ist, bedenkt man, woher er zurückkehrte. (Bitow, S.40)

В примере 1 имеет место коррекция повествователя при описании объективной действительности, причем ревизии подлежит не выполненное уже речевое действие, а предвосхищается возможное неверное толкование потенциальным читателем, в результате чего выполняемая на уровне повествования история коррекция приобретает дополнительный характер толкования/объяснения речевого действия: но тут же ему стало не до этого. Обращает на себя внимание расхождение на уровне репрезентации синтаксической структуры коррекции в тексте перевода: реализация коррекции в форме придаточного предложения, соотносимого с отрицанием nicht, а также различия в семантическом потенциале лексем лень и *zu mühsam* (*слишком обременительно*). Аналогичное по своему pragmatischemu потенциалу, а также по синтаксическому оформлению речевое действие коррекции предпринимает повествователь и в примере 2.

В примере 3 предпринимаемая повествователем коррекция, в отличие от двух предыдущих, предвосхищает последующую формулировку (относительно которой собственно и предпринимается коррекция), усиливая эмоциональную насыщенность субъективной оценки предпринимаемой формулировки (сравнения):

3. ... а глаза – миндалевые, широко брошенные, огромные, хотя и монгольские, – были, иначе не скажешь, как у коня, хрюнящего и коящего... К этой громоздкости портрета следует прибавить, что сам дядя Диккенс был высущен и миниатюрен, а маленьким назвать его было нельзя... (Битов, с.33).

...die Augen jedoch, mandelförmige, weit auseinanderliegende, riesige, wenngleich mongolische Augen, sahen aus, anders lässt es sich nicht sagen, wie die eines schnaubenden, schielenden Pferdes ... Dem sperrigen Porträt wäre anzufügen, dass Onkel Dickens selbst ausgedörrt war, eine Miniaturgestalt, doch klein konnte man ihn nicht nennen. (Bitow, S.40).

В тексте перевода коррекция оформлена с помощью модальной конструкции *sich lassen+Infinitiv*.

Расширенное толкование предпринятой коррекции в примере 4, не соотнесенное непосредственно с формулировкой типа: *говорил нечто особенное*, позволяет говорить об особом смысловом акценте коррекции, выполняемой на уровне повествования, и повышающей интерес читателя к последующему толкованию манеры поведения персонажа и его видения мира. В данном случае коррекция прерывает актуальное повествование рассказчика, так как за ней следует мотивирующее данное речевое действие размышление.

4.И не то чтобы дядя Митя что-нибудь особенное говорил. Был он хорош, пьянея, все большей определенностью и трезвостью к миру. (Битов, с. 35).

Nicht, dass Onkel Mitja etwas Besonderes gesagt hätte. Je beschwipster er war, desto bestimmter und nüchterner wurde sein Blick auf die Welt, und das stand ihm. (Bitow, S.44).

В тексте перевода коррекция оформлена придаточным предложением со сказуемым в форме Конјunktiv II.

Тематическое и логическое развитие имеет коррекция в примере 5. Налицо каскадное выполнение коррекции с усилением степени отрицания, а именно, тотальным отрицанием предварительно предложенной формулировки, что усиливает значимость социально детерминированных лексем, произносимых персонажем. Следует обратить внимание на то, что если в тексте оригинала контраст последующей коррекции ничего он не рассказывал с предыдущей коррекцией достигается за счет экспрессивного порядка слов, то в тексте перевода используется усилительная модальная лексема überhaupt (вообще). К тому же переводчик прибегает к дополнительному толкованию лексемы Кресты, включая в толкование лексему Gefängnis (тюрьма).

5. И нельзя сказать, чтобы дядя Митя много рассказывал – ничего он не рассказывал (не из осторожности, а потому что стало «можно»), но странное дело, стоило дяде Мите употребить слово «Гражданская», или «Отечественная», «Кресты», – так это уж была действительно «Гражданская», «Отечественная», «Кресты», – и будто сам Лева там дядю Митю видел. (Битов, с.39)

Nicht, dass Onkel Mitja viel erzählt hätte, er erzählte überhaupt nichts (und das nicht aus Vorsicht, sondern weil man nun „durfte“); aber es war seltsam, Onkel Mitja brauchte nur ein Wort wie „Bürgerkrieg“ oder „Vaterländischer Krieg“ oder „Kresty“ zu verwenden, so war das tatsächlich der Bürgerkrieg, der Zweite Weltkrieg, das Kresty-Gefängnis und – als würde Ljowa Onkel Mitja dort sehen. (Bitow, S.48).

Оценивается повествователем как требующая дополнительного оценочного комментария на метакоммуникативном уровне формулировка в примере 6. В данном случае повествователь предлагает изначально не соответствующую объективной действительности формулировку, с которой соотносится последующая, носящая оценочный характер коррекция. С помощью данного речевого действия повествователь меняет план повествования. Из мира повествования он переключается в актуальную повествовательную ситуацию с помощью метакоммуникативного речевого действия. В данном случае не производится коррекция неадекватного интенции рассказчика выражения. Рассказчик предварительно сообщает читателю, что он предлагает ему не совсем адекватную его интенции формулировку. И в то время, как он эксплицитно указывает на ошибочный, по его мнению вариант, он тем самым призывает читателя участвовать вместе с ним в поиске и выборе адекватного его интенции выражения.

6. Последовательное проведение в жизнь, осуществление подобных черт и принципов грозило немедленной гибелью, измена им – была немыслима: это была бы нравственная гибель, – и родился удивительный психологический феномен, позволивший им выжить. **Его можно было бы назвать «абсолютной аполитичностью», и это было бы близко, но не полно.** (Битов, с. 110)

Bei konsequenter Verkörperung, bei der Verwirklichung derartiger Wesenszüge und Prinzipien drohte der sofortige Untergang, während ihnen untreu zu werden undenkbar war, denn das wäre der moralische Untergang gewesen. So kam es zu einem erstaunlichen psychologischen Phänomen, das ihnen das Überleben gestattete. **Man könnte es eine «absolut apolitische Haltung» nennen, und das träfe es fast, aber nicht ganz.** (Bitow, S.134).

Метакоммуникативные коррекции подобного типа, отрицающие последующие, заведомо не соответствующие объективной действительности формулировки, представлены в примерах 7, 8, 9:

7. Лева любил и хотел одну только женщину, тоже почти с детства, и вот хотя она и не полюбила его, но и никуда от него не делась, и он даже получил ее по-своему, хотя и в трехстворчатом виде. **Тут неправильно, конечно, сказать:** сбылась и эта мечта, - но что-то в этом роде произошло: ритм, временами - успокоение. (Битов, с. 126)

Ljowa liebte und begehrte nur eine einzige Frau, auch das fast von klein auf, und obgleich sie ihm nicht liebgewonnen hatte, war sie ihm jedoch nicht entgangen, er hatte sie auf seine Weise sogar bekommen, wenn auch dreigeteilt. **Hier wäre es natürlich nicht richtig zu sagen,** auch dieser Traum habe sich verwirklicht, aber irgendwas in der Art hatte sich ergeben, ein Rhythmus, zeitweilig – eine Befriedigung. (Bitow, S. 153)

8. **Конечно, это неточно, так говорить**, что у зеркала Фаина бывала наедине с Левой, нет, у зеркала, конечно, она была совершенно одна во всем мироздании, как и любая женщина, – но она и не была ни с кем другим – и этого Леве было достаточно, а определенность и последовательность ее движений рождали в нем ощущение устойчивости. **Так же натяжкой было бы говорить**, что Фаина повторяла свой ритуал перед зеркалом всегда одинаково. Эта одинаковость была скорее явлением качественным, но не количественным. (Битов, с. 174)

Natürlich wäre es ungenau, wollte man sagen, vor dem Spiegel sei Faina mit Ljowa allein gewesen, nein, vor dem Spiegel war sie natürlich, wie jede Frau, vollkommen allein auf der Welt, aber sie war auch mit niemand anderem zusammen, das genügte Ljowa, und die Bestimmtheit und Folgerichtigkeit ihrer Bewegungen weckten in ihm ein Gefühl von Beständigkeit. **Genauso wäre es übertrieben, wollte man sagen**, Faina habe ihr Ritual vor dem Spiegel stets auf die gleiche Art wiederholt. Die Gleichartigkeit war eher qualitativer Natur, nicht quantitativer. (Bitow, S.210)

9. Неверно было бы думать, что, когда он поймал ее взгляд, его испугала ревность Фаины, – ревность, если бы она была, могла бы только обрадовать как некое обеспечение и гарантия. (Битов, с. 179)

Nicht richtig wäre der Gedanke, dass ihn, als er ihren Blick auffing, Fainas Eifersucht erschreckte – Eifersucht hätte, wenn es sie denn gab, ihn nur freuen können, als eine Art Sicherheit und Garantie. (Bitow, S.215)

Такого рода усилия рассказчика, отражающие непосредственно процесс формулирования и имеющие оценочный характер, могут быть рассмотрены как своего рода профилактические усилия. Рассказчик осознает в данном случае несоответствие выбранной формулировки реальному положению вещей и необходимость дальнейшей коррекции. Неверный вариант выносится на обсуждение сознательно с тем, чтобы дать возможность партнеру по коммуникации (в данном случае потенциальному читателю) соучаствовать в событиях. При этом предполагается повышенная степень кооперативности партнера по коммуникации. Специфичным для художественного дискурса является в данных случаях создание внутритекстовой ситуации спонтанно-устного коммуникативного общения.

Анализ художественного дискурса показывает, что в пределах одного дискурса возможны коррекции, характеризующиеся структурным разнообразием и различной функционально-коммуникативной и художественной значимостью. Установлены следующие условия реализации коррекции в художественном дискурсе:

- наряду с верным выражением эксплицитно тематизируется возможность выбора ошибочного, неточного выражения, которое также предлагается на обсуждение партнеру по коммуникации и имеет функциональную нагрузку уточнения, конкретизации предложенной изначально формулировки (примеры 1, 2)

- рассказчиком сознательно предлагается неадекватное его интенции выражение на уровне повествовательной структуры, которое затем аннулируется им с целью достижения иронического эффекта (пример 4)

- рассказчиком сознательно предлагается эксплицированная на метакоммуникативном уровне как возможная формулировка, оцениваемая в последующей предпринимаемой повествователем коррекции как не соответствующая действительности (пример 6)

- рассказчиком сознательно предлагается эксплицитно тематизированная на метакоммуникативном уровне и субъективно оцениваемая им как некорректная, неверная, неточная и неадекватная формулировка (ср.: «варианты выражения речевой критики» по терминологии И.Т. Вепревой – Вепрева 2002, с. 82) переходящая в дальнейшее повествование (примеры 5, 7, 8, 9)

- коррекция, отрицающая любую иную, отличную от предлагаемой повествователем формулировку, и тем самым усиливающая

прагматический потенциал предпринимаемого повествователем сравнения (пример 3).

Проведенный анализ позволяет также сделать вывод о том, что способы реализации текстоорганизующего речевого действия *коррекция* в художественном дискурсе в русском и немецком языках в основном совпадают, выявляются, однако, расхождения на уровне синтаксической организации, детерминирующие определенные сдвиги в семантико-прагматическом потенциале коррекций.

Литература

1. Firle M. Erzählen als Sprachhandlung in der poetischen Kommunikation. – Berlin, 1987.
2. Prokopcuk A.A. Vom Sender prognostizierte Empfängererwartungen-Senderreaktionen und ihre sprachliche Realisierung. In: DaF / Herausgeber: Herder- Institut Leipzig/ 2/ 1985. – S. 107-112.
3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург,2002.
4. Кожевникова Н. А. О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. – М., 1971. – С. 97-163.
5. Битов А.Г. Пушкинский дом: Роман. – М., 2007.
6. Bitov A. Das Puschkinhaus. Roman. Deutsch von Rosemarie Tietze. Suhrkamp Verlag. –Frankfurt am Main, 2007.

В.А. Бурдина, В.Б. Гольдберг

Соматизмы как репрезентанты ориентиров в физическом пространстве*

Предметом настоящего исследования являются английские и русские соматизмы как репрезентанты соматических концептов, выполняющих роль ориентиров в процессе познания мира человеком. Соматизмами называют единицы, обозначающие человеческое тело, часть тела или орган. Под соматическим концептом мы понимаем концепт, отражающий знание о человеческом теле, частях тела или органах и репрезентируемый посредством соматической лексики.

Проблема ориентирующей роли знания – одна из ключевых проблем в лингвистике. А.Н. Леонтьев подчеркивал, что «знания – ориентиры в мире, необходимые, чтобы жить и действовать в этом мире» (цит. по: Залевская 2007, с. 51). Е.С. Кубрякова связала выделение ориентиров в окружающем мире с вербализацией соответствующих концептов (Кубрякова 2009). Она

* Научно-исследовательская работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 6.2772.2011 и в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, государственный контракт № 02.740.11.0596, проект «Исследование взаимодействия мыслительных и языковых структур».

подчеркивает, что «язык обеспечивает ориентацию человека в предметном мире» (там же, с. 8). Ориентирующая функция служит для установления «коррелятивной связи между тем, что познано, увидено и осмыслено человеком в мире..., и тем, что им поименовано, обозначено»; «как только язык утверждает (а, точнее, «оправдывает») наличие в мире... океанов, гор и облаков, последние начинают рассматриваться как некие объективные ОРИЕНТИРЫ» (там же, с. 10).

Соматизмы как единицы, обозначающие человеческое тело, часть тела или орган, репрезентируют наиболее актуальное и близкое человеку знание – знание о частях его собственного тела. Данное знание является фоновым, обеспечивающим познающему человеку – субъекту познания – ориентиры в разного вида пространствах: физическом, социальном и др.

Рассмотрим ориентиры в физическом пространстве. Анализ английских и русских словарных толкований позволил выявить, какие ориентиры в физическом пространстве обеспечиваются соматизмами.

Ориентир – тело / часть тела как цель создания артефакта

- face-cloth “полотенце” – small square towel for washing the face and hands (OSDCE);
- face-cream “крем для лица” – cosmetic cream for the face to improve the complexion (OSDCE).

В данных толкованиях употреблены соматизмы *face* и *hands*, которые указывают на цель создания артефактов. Согласно толкованиям, полотенце создано для ухода за лицом и руками, крем предназначен для ухода за лицом.

- foot-stool “скамеечка для ног” – low stool for resting the feet on (OSDCE);
- sock “носок” – woollen, cotton, etc covering for the foot and ankle (OSDCE).

Соматизмы *feet / foot, ankle* дают представление о том, для чего были созданы такие артефакты, как скамеечка для ног (foot-stool) и носок (sock). Скамеечка предназначена для того, чтобы на нее можно было положить ноги для отдыха. Носки предназначены для того, чтобы они закрывали стопу и лодыжку ноги человека.

- eye-shadow “тени для век” – a cosmetic coloring material applied to the eyelids (Webster). Соматизм *eyelid* ориентирует на часть тела, для которой предназначен этот артефакт: веки.

• косметика – средства для придания свежести, красоты лицу, телу (БЭКМ). Соматизмы *лицо*, *тело* ориентируют познающего человека относительно цели создания такого артефакта, как косметика. Косметика предназначена для лица и тела.

Ориентир – окружающее соматическое пространство, определяющее позицию части тела

- little toe “мизинец на ноге” – the smallest toe, on the outer side of the foot (OSDCE). Соматизм *foot* ориентирует познающего человека относительно соматического пространства «*foot*», в пределах которого определяется позиция описываемого объекта *little toe*.

- foot “ступня” – the lower extremity of the leg below the ankle, on which a person stands or walks (COD). Соматизм *leg* в толковании ориентирует познающего человека относительно соматического пространства «*leg*», в пределах которого определяется позиция описываемого объекта *foot*.

- finger “палец” – one of the end parts of the hand or a glove (OSDCE);
- ring-finger “безымянный палец” – third finger of the left hand (OSDCE).

Соматизм *hand* в толкованиях ориентирует познающего человека относительно соматического пространства «*hand*», в котором определяется позиция объектов *finger* и *ring-finger*.

- heel “пятка” – back part of the human foot (OSDCE). Соматизм *foot* ориентирует познающего человека относительно соматического пространства, в которое входит описываемый объект *heel*.

- elbow “локоть” - joint in the middle of the arm (OSDCE). Соматизм *arm* в дефиниции ориентирует познающего человека относительно соматического пространства «*arm*», в котором локализуется позиция описываемого объекта *elbow*.

- face “лицо” – the front part of the head (OSDCE). Соматизм *head* указывает на соматическое пространство «*head*», окружающее часть тела человека – *face*.

- стопа – часть ноги, состоящая из предплюсны, плюсны и пальцев (БЭКМ). Соматизм *нога* ориентирует познающего человека относительно соматического пространства «*нога*», в котором локализуется позиция стопы.

- палец – одна из отделённых друг от друга подвижных конечностей кисти или стопы (БЭКМ). Соматизмы *кисть*, *стопа* ориентируют познающего человека относительно соответствующих соматических пространств, в которые входит описываемый объект – палец.

- мизинец – пятый, самый маленький палец на руке, на ноге (БЭКМ). В данном случае благодаря разным окружающим соматическим пространствам, на которые указывают русские соматизмы *рука*, *нога*, познающий человек способен разграничить выделяемые в пределах пространств «*рука*» и «*нога*» одноименные объекты – мизинец на руке и мизинец на ноге.

Ориентир – часть тела, входящая в данное соматическое пространство

В приведенном выше толковании слова *foot* (the lower extremity of the leg below the ankle...) соматизм *ankle* называет часть тела, смежную с описываемым объектом *foot* и входящую в то же соматическое пространство «*leg*». Таким образом, соматизм *ankle* выступает в качестве

ориентира, уточняя позицию объекта *foot* в более широком соматическом пространстве «*leg*».

- *index-finger* “указательный палец” – the finger next to the *thumb* (ABBY). В данной дефиниции соматизм *thumb* ориентирует познающего субъекта относительно части тела *thumb*, смежность с которой позволяет уточнить позицию описываемого объекта *index-finger*, входящего в то же соматическое пространство «*hand*».

• носок – короткий чулок, не доходящий до *колена* (БЭКМ). Соматизм *колено* ориентирует относительно части тела, относящейся к тому же соматическому пространству «*нога*», с которым связан описываемый объект – носок, и уточняет его позицию в данном соматическом пространстве.

Ориентир – часть тела, характеризуемая определенной функцией

• *tear* “слеза” – drop of salty water coming from the *eye* (OSDCE). Соматизм *eye* ориентирует познающего человека относительно органа, одной из функций которого является слезоотделение, что позволяет осмысливать описываемый объект *tear*.

• *sweat* “пот” – moisture that is given off the *body* through the *skin* (OSDCE). Соматизмы *body* и *skin* ориентируют познающего человека относительно тела в целом и одного из органов – кожи, функцией которых является потоотделение.

• слеза – прозрачная солоноватая жидкость, выделяемая слёзными железами (БЭКМ). Соматизм *слёзные железы* ориентирует познающего человека относительно органа, одной из функций которого является слезоотделение.

• пот – жидкость, выделяемая кожными железами, испарина (БЭКМ). Соматизм *кожные железы* ориентирует познающего человека относительно органа, одной из функций которого является потоотделение.

Ориентир – конечность, дающая значимые отпечатки на какой-либо поверхности

• *foot-print* “след, отпечаток ноги” – impression left on a surface by a foot (OSDCE);

• *finger-print* “отпечаток пальцев” – mark made by a *finger* when pressed on a surface, used for identifying criminals (OSDCE).

В приведенных толкованиях употреблены соматизмы *foot* и *finger*, ориентирующие познающего человека относительно конечностей – нога и рука (палец), отпечатки которых значимы в деятельности следопыта, криминалиста и т.д.

Ориентир – движение части тела, свидетельствующее о состоянии человека

• *yawn* “зевать” – open the *mouth* wide and inhale as when sleepy or bored (OSDCE);

• *gape* “зевать” – open the *mouth* wide (OSDCE).

В приведенных толкованиях соматизм *mouth* и сочетание *open the mouth wide* ориентируют относительно движения рта, свидетельствующего о состоянии человека, уставшего или зевающего.

- nod “дремать, клевать носом” – let the head fall forward as if sleepy or falling asleep (OSDCE). Соматизм *head* и сочетание *let the head fall forward* ориентируют относительно движения головы, свидетельствующего о состоянии засыпающего человека.

• зевать – глубоко, с открытым ртом непроизвольно вдыхать и сразу резко выдыхать воздух (при желании спать, при усталости) (БЭКМ). Соматизм *рот* ориентирует субъекта познания относительно выполняемого частью тела движения (открыть рот), которое свидетельствует о состоянии человека, а именно, желании спать, усталости.

Ориентир – часть тела, определяющая особенности перемещения человека в окружающей среде

• *headlong* “головой вперед” – head first (OSDCE). Соматизм *head* и сочетание *head first* ориентируют относительно способа перемещения человека в пространстве – головой вперед.

• *dive* “нырять” – go head first into water (OSDCE). Соматизм *head* и сочетание *head first* ориентируют относительно положения тела при погружении человека в водное пространство, указывая на погружение человека в воду головой вперед.

• нырять – резким движением погружаться в воду с головой (БЭКМ). Соматизм *голова* ориентирует субъекта познания относительно части тела (голова), погружение которой определяет полное погружение человека в водное пространство.

Ориентир – часть тела, движение которого обуславливает мимическое движение или позу

• *glance* “быстрый взгляд” – quick turning of the eyes (OSDCE). Соматизм *eyes* ориентирует относительно части тела (глаза), движение которой обуславливает мимическое движение.

• *leap-frog* “чехарда” – game in which players lump with parted legs over others who stand with bent backs (OSDCE). Соматические единицы *legs* и *backs* ориентируют относительно частей тела (ноги, спина), движение которых (parted legs, bent backs) обуславливает позы, ключевые для игры leap-frog.

• чехарда – игра, в которой один из игроков, разбежавшись, перепрыгивает через другого, подставляющего ему для упора согнутую спину (БЭКМ). Соматизм *спина* ориентирует субъекта познания относительно части тела – спины, сгибание которой позволяет человеку принять определенную позу.

Ориентир – часть тела как инструмент для выполнения действия

В представленных ниже толкованиях соматизмы *hand*, *arm*, *finger* и *feet* ориентируют относительно частей тела, способных функционировать в качестве инструментов при выполнении определенных действий. Об использовании руки в качестве инструмента свидетельствует толкование слова *free-hand*:

- *free-hand* (выполненный от руки) – done by hand (OSDCE).

Рассмотрим, относительно чего ориентируют названные соматизмы в следующих толкованиях.

- *grasp* (зажимать) – seize firmly with the hands or arms (OSDCE);
- *juggle* “жонглировать” – to perform skillful tricks of sleight of hand with (ball, knives, etc.), as by keeping a number of them in the air continuously (OSDCE).

В данных толкованиях соматизмы *hand* и *arm* ориентируют относительно частей тела, используемых как инструмент для захвата и удержания чего-либо (*grasp*), подбрасывания и удержания предметов (*juggle*).

- *drum* (барабан) – a musical percussion instrument..., which is struck with the hand, a stick, or a pair of sticks, and typically produces a booming, tapping, or hollow sound (Webster). Соматизм *hand* ориентирует относительно части тела, используемой как инструмент для осуществления ударных действий.
- *guitar* “гитара” – a musical instrument with usually six strings which is played with the fingers or a plectrum (OSDCE);
- *flick* (щелчок) – quick light blow, eg with a whip or the tip of a finger (OSDCE).

Соматизм *finger* ориентирует относительно части тела, используемой как инструмент для игры на струнном инструменте (*guitar*), для выполнения щелчка (*flick*).

- *acrobat* “акробат” – a person, especially at a circus, who performs difficult or unusual physical acts, e.g. walking on hands or balancing on a rope fixed high above the ground (OSDCE). В данном толковании соматизм *hand* ориентирует относительно части тела, используемой в несвойственной ей функции – в качестве инструмента для ходьбы.

- *foot-work* “работа ног” – manner of using the feet, eg in boxing, dancing (OSDCE). Соматизм *feet* ориентирует относительно части тела, используемой как инструмент для выполнения определенных видов деятельности – занятий боксом, танцами и т.п.

Наличие соматизмов в рассмотренных словарных толкованиях отражает один из механизмов концептуализации, а именно, опору на соматические концепты как ориентиры в различных видах взаимодействия человека с окружающим миром. Сопоставление толкований эквивалентных английских и русских единиц позволяет сравнить, как данный когнитивный механизм действует в английском и русском языковом сознании. Для сравнения были взяты некоторые из приведенных выше

толкований английских единиц и толкования их русских эквивалентов. Последние были получены из двух словарей: Большого толкового словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и Большого толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова; толкования в этих словарях оказались аналогичными, поэтому далее приведено только одно для каждой единицы. Сопоставление толкований английских и русских эквивалентов показало, что сходные объекты далеко не всегда английским и русским языковым сознанием концептуализируются одинаково. Отмечено различие в реализации механизма опоры на соматические концепты, выступающие в качестве ориентиров в различных видах деятельности. Было выявлено четыре типа случаев. Приведем примеры для каждого типа.

1. Словарные толкования эквивалентных единиц отражают опору на разные соматические ориентиры при осмыслиении сходных объектов. Например, представленное выше толкование слова *sock* отражает осмысление этого объекта путем опоры на соматические концепты, ориентирующие познающего субъекта относительно предназначенностей данного артефакта (...covering for the foot and ankle). Толкование эквивалента *носок* (короткий чулок, не доходящий до колена) отражает осмысление этого объекта путем опоры на соматический концепт КОЛЕНО, который указывает на положение данного объекта на ноге.

2. Словарные толкования эквивалентных единиц отражают опору на близкие соматические концепты, различающиеся типом отражаемого знания – обыденного или специального.

Толкования английских единиц *tear* и *sweat* свидетельствуют о том, что концептуализация соответствующих объектов английским языковым сознанием осуществляется путем опоры на соматические концепты EYE, BODY, SKIN, отражающие обыденное знание об источниках слезо- и потоотделения (...coming from the eye; ...given off the body through the skin). Толкования русских эквивалентов «слеза» и «пот» показывают, что концептуализация аналогичных объектов русским языковым сознанием осуществляется путем опоры на соматические концепты СЛЁЗНЫЕ ЖЕЛЕЗЫ и КОЖНЫЕ ЖЕЛЕЗЫ, отражающие специальное знание об источниках слезо- и потоотделения (...выделяемая слёзными железами; ...выделяемая кожными железами...).

3. Словарные толкования эквивалентных единиц отражают опору на аналогичные соматические концепты, которые, однако, выполняют разную ориентирующую роль при осмыслиении объектов.

В толкованиях словарных эквивалентов *dive* и «нырять» отражен механизм опоры на аналогичные соматические концепты HEAD и ГОЛОВА. Однако ориентирующая роль этих концептов различна, что определяет разницу в действиях, описываемых якобы «эквивалентными» глаголами *dive* и «нырять». Концепт HEAD ориентирует субъекта познания относительно положения тела при погружении человека в водное

пространстве, а именно, погружение человека в воду головой вперед (*go head first into water*). Концепт ГОЛОВА ориентирует субъекта познания относительно полноты погружения человека в водную среду (...погружаться в воду с головой).

4. Словарные толкования эквивалентных единиц различаются отражением наличия / отсутствия ориентирующего соматического концепта при осмыслиении объекта.

Осмысление игры leap-frog требует опоры на два соматических концепта (...*lump with parted legs over others who stand with bent backs*), тогда как осмысление игры «чехарда» предполагает опору только на соматический концепт СПИНА (...перепрыгивает через другого, подставляющего ему для упора согнутую спину).

Осмысление понятия acrobat предполагает опору на соматический концепт HANDS, ориентирующий относительно рук как инструмента акробатических трюков (...*performs difficult or unusual physical acts, e.g. walking on hands...*). Осмысление понятия «акробат» (цирковой гимнаст, а также вообще спортсмен, занимающийся акробатикой) не предполагает опору на соматический концепт. Аналогичное различие в механизме концептуализации выявляют также словарные толкования эквивалентов drum (...*which is struck with the hand...*) и «барабан» (ударный мембранный музыкальный инструмент в виде цилиндра, сверху и снизу обтянутого кожей), guitar (...*which is played with the fingers...*) и «гитара» (струнный щипковый музыкальный инструмент с деревянным корпусом-резонатором в форме восьмерки).

Таким образом, использование соматизмов в словарных толкованиях отражает один из механизмов концептуализации, а именно, опору на соматические концепты как ориентиры в различных видах взаимодействия человека с окружающим миром. Проведенный анализ словарных толкований показал, что наиболее нагруженными и, следовательно, наиболее важными для ориентации являются соматические концепты HAND / РУКА; FOOT, FEET / НОГИ, HEAD / ГОЛОВА, FINGERS. Среди рассмотренных словарных толкований преобладают толкования, в которых соматизмы ориентируют относительно части тела, функционирующей как инструмент для выполнения действия, и относительно соматического пространства, определяющего позицию определенной части тела.

Сравнение толкований ряда английских и русских эквивалентных единиц выявило различие в реализации механизма опоры на соматические концепты, выступающие в качестве ориентиров.

Литература

1. ABBYY Lingvo x3 – электронный словарь 2003. – DVD.
2. COD – The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – OUP, 1996.

3. OSDCE – Oxford Student’s Dictionary of Current English by A.S. Hornby. – 1984.
4. Webster – *Random House WEBSTER’s Unabridged Electronic Dictionary*. – 1996. – DVD.
5. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Режим доступа: URL:<http://www.gramota.ru/slovari/>
6. БЭКМ – Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2001. – DVD.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – М., 2007.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5-12.

А.В. Радионов

Когнитивный анализ понятий «муж» и «жена» в калмыцких и английских пословицах

Пословица как объект изучения привлекает внимание широкого круга ученых: паремиологов, фольклористов, лингвистов, историков и др. Для лингвистов особый интерес представляет рассмотрение вопросов положения пословиц среди других фразеологических единиц (веллеризмов, идиом, афоризмов и т.п.), дифференциация пословиц от поговорок, их структурного и семантического анализа. Нередко пословицы становились материалом для межъязыкового сопоставления. Целью настоящей работы является проведение когнитивного анализа пословиц английского и калмыцкого языков, в состав которых входят наименования родства и свойства.

Прежде всего, необходимо дать определение пословицам как паремиологическим единицам. Сложность этой задачи хорошо определяется словами У. Мидера, который подчеркивал трудность, если не невозможность, дать определение пословицам, ведь их стало больше чем самих пословиц, так что дефиниция уже сама стала пословичной (Mieder 1993, с. 4).

Отметим, что нам близка позиция составителей Лингвистического словаря, которые определяют пословицу как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (Лингвистический... 1990, с. 389).

Пословицы и поговорки калмыцкого языка давно привлекают внимание этнографов, в начале прошлого столетия они включались в содержание школьных букварей и учебников. Наибольший вклад в калмыцкую

паремиологию внесло диссертационное исследование Б.Б. Оконова «Калмыцкие народные пословицы и поговорки».¹⁶

Материал для настоящего исследования был выбран из словарей английского (Кусковская 1987, 1340 английских пословиц … 1992, Хазан 2001, Routledge 2006, Smith 1970, The concise Oxford dictionary … 2002) и калмыцкого языков (Монраев 2002, Пословицы … 2007).

Нами были выявлены в английском языке паремиологические единицы с элементом *wife* – жена (35 единиц), *husband* – муж (5 единиц), а также 5 пословиц с лексемами *wife* и *husband*, входящих одновременно в состав паремий; в калмыцком - *аваль*, *зalu*, *манна күн* – муж (2 единицы), *аваль*, *гергн*, *баавна*, *эм* – жена (27 единиц) и 3 единицы, совмещающие оба понятия. Такой крен в сторону пословиц с понятием «жена» отражает превалирование мужского менталитета в языковой картине мира. И это неудивительно, ведь, как известно, основная функция паремий – дидактическая, т. е. другими словами весь корпус пословиц о «жене» приставляет собой серия советов, адресованных мужчине, так сказать, руководство к действию в различных жизненных ситуациях.

Рассмотрим пословицы с лексемой «жена» и выделим на когнитивном уровне несколько смысловых групп, общих для калмыцкого и английского языков.

1. Первая, наиболее обширная группа, передает позитивное отношение к жене, невозможность для мужчины существования без нее. В английском данной группа репрезентирована следующими пословицами:

A man without a wife is but half a man. (Мужчина без жены – это полумужчина.)

A good wife and health is a man's best wealth. (Хорошая жена и хорошее здоровье – лучшее богатство мужчины.)

Men make houses, women make homes (Мужчины создают дома, а женщины – семейный уют.)

Every Jack must have his Jill. (Всякая невеста для своего жениха рождается.)

Приведем калмыцкие пословицы:

Тоомжад келхлэ эмин зөв, тоолад келхлэ аһин зөв. (Если говорить почтительно, то оправдывать госпожу, если говорить обдуманно, то – жену.)

Эмэлэс өндр давад уга, экнэрэс онгдан күм таньдг уга. (Не переваливал гору выше, чем седло, не знал никого, кроме своей жены.)

Сэн гергн герин залмж, сэн селвг ухани сергмж. (Хорошая жена – порядок в доме, хороший совет – радость и утешение.)

¹⁶ В своей работе проф. Оконов при анализе паремий, выражающих семейно-родовые отношения, обнаруживает пережитки авункулата и левирата (Оконов 1975, с. 4). В том же исследовании пословичный фонд калмыцкого языка подвергается структурному анализу: ученый разбивает пословицы и поговорки на одностишие, двустишие, трехстишие и четырехстишие. Наиболее распространенные – двустишие, что подтверждается данными настоящей работы. Одностишие пословицы по своей смысловой и метрической структуре составляют моностих (Оконов 1975, с. 13).

Сэн гергн – герин чимг. (Хорошая жена – украшение дома.)

Сэн гергн – герин чимг. Му гергн герин зутаңул. (Хорошая жена – украшение дома. А плохая – обуза.)

О связи пословиц с другими фразеологическими единицами можно судить по следующему примеру, в котором четко прослеживается этимология – от проклятий:

Замин дундас мәрнәсн салх, насни дундас авалясн салх. (На середине пути остаться без коня, на середине жизни – без законной жены.)

2. Вторая группа принижает значимость жены, фокусируя внимание на необходимости ее терпеть.

Wives must be had, be they good or bad. (Жены нужны, как хорошие, так и плохие.)

He that has a wife, has strife. (Где жена, там и раздор.)

He that loses his wife and sixpence, has lost a tester. (Тот, кто лишился жены и шести пенсов, потерял лишь шесть пенсов.)

A dead wife's the best goods in a man's house. (Мертвая жена – лучший товар в доме мужчины.)

All are good lasses, but whence come bad wives? (Все невесты хороши, откуда только злые жены берутся?)

The husband is always the last to know. (Муж узнает все последним.)

В калмыцком языке это тоже довольно большая группа, представленная следующими единицами:

Эмин мууhar гер баргддг, эмәлин мууhar дәэр harдg. (Из-за плохой жены дом разоряется, из-за плохого седла появляется ссадина на спине коня.)

Тавтр уга күүкд кү буулхин ормд, уктлан белвсн йовсн deer. (ем жениться на неряшливой женщине, лучше всю жизнь оставаться холостым.)

Өкәр, эрк гергн, өркәр үзгдсн од авнав гидг. (Миловидная, избалованная жена капризна: ей достань звезду с неба, что виднеется через дымоход юрты.)

3. В некоторых пословицах порицается болтливость жены и неспособность хранить секреты:

He that tells his wives news is but newly married. (Только молодожен делится новостями с женой.)

A woman's sword is her tongue, and she does not let it rust. (Меч женщины – это ее язык, и она не дает ему ржаветь.)

Яамни күүтә битгә уурл, эмдән унн битгә кел. (Не дружи с человеком из Ямыня, не говори правду жене.)

4. Четвертая группа пословиц говорит о важности поучения жены, включая побои, как в форме наказания, так и для профилактики. Эти единицы отражают главенствующее положение мужчины в семье и подчиненное женщины, что в целом отображает доминирующий мужской менталитет в языке.

A woman, a dog, and a walnut-tree, the more you beat them, the better they be. (Женщина, собака и ореховое дерево – чем больше их бьешь, тем лучше они становятся.)

Утхан бүлүдсн залу – иддг, келән бүлүдсн гергн маля үздг. (Мужчина, который точит нож, будет кушать мясо, женщина, которая точит язык, отведает плеть.)

5. Представляют интерес пословицы, выражающие идентичный смысл противоположными по значениям средствами. Чрезмерная расточительность жены-англичанки противопоставлена излишней экономности калмыцкой хозяйки, итог же в обоих случаях идентичен – страдает муж или бюджет семьи:

Mills and wife are ever wanting. (Мельницы и жены ненасытны.)

Хөвдг гергтэ күн, хорхта шөл уудг уга. (У кого жадная жена, тому не есть жирного супа.)

6. Крупная группа представлена субконцептом «выбор жены». Красота не должна быть главенствующим фактором при выборе спутницы жизни:

Choose not a wife by the eye only. (Выбирай жену не только глазами.)

Choose a wife by your ear, rather by your eye. (Выбирай жену ушами, а не глазами.)

A wife is sought for her virtue, a concubine for her beauty. (Жену выбирают за ее добродетель, а любовницу – за ее красоту.)

Choose your wife on Saturday, not on Sunday. (Выбирай жену в субботу, а не в воскресенье – Выбирай жену не в хороводе, а в огороде.)

Take a vine of a good soil, and a wife of a good mother. (Бери виноградную лозу с хорошей почвы, а жену – от хорошей матери.)

У калмыков (представителей монголоидной расы) понятие о красоте отличалось от европейского: рыжие волосы, светлый цвет лица не считались атрибутами привлекательности:

Хумха цаһан үүлн – тенгрин хутхур, хо цаһан гергн – хотна хутхур. (Белые перистые облака – причина непогоды, белолицая женщина – причина ссор в хотоне.)

Хумха цаһан үүлн – задин хутхур, хо цаһан баавна – хотна хутхур. (Бело-синее облако – причина непогоды, белолицая женщина – причина ссор в хотоне.)

В отдельную подгруппу можно выделить пословицы, которые перечисляют качества супругов, способствующих сочетанию пары:

In the husband wisdom, in the wife gentleness. (В муже мудрость, в жене мягкость.)

A deaf husband and a blind wife are always a happy couple. (Глухой муж и слепая жена – счастливая пара.)

В калмыцком существует близкая по значению единица из пословичного фонда языка:

Гергн сохр болхла, мини седкл төвкнүн. (Если жена слепа, то и душа моя спокойна.)

Наличие схожих или даже идентичных пословиц в неродственных языках хоть и странно, но вполне объяснимо. Данный парадокс заметил Ю. Левин, считающий пословицы носителями универсальных идей народа, в связи с чем большинство из них имеют синонимы в других языках (Левин 1984, с.123).

Особый интерес представляют, тем не менее, национально специфические пословицы. Такая группа пословиц, характеризующая отношение к повторному браку, отмечена нами в калмыцком языке. Отметим, что в отличие от Англии, где сильны христианские позиции и развод строго порицается, в калмыцком традиции не запрещалось привести вторую жену в дом, если муж это мог себе позволить и особенно в случае бесплодия первой, что нашло свое отражение в следующих единицах:

The first wife is matrimony, the second company, the third heresy. (Первая жена – это супруга, вторая – подруга, третья – ересь.)

Хөөт гергн хөөнк маңнас әмтэхн. (Вторая жена слаще баранины.)

Нүүнэ гисн нугт – үвлзң болдг, хэрүүнэ гисн гергн – аваль болдг. (Кочевые, которое собирался покинуть, становится зимним; жена, с которой собирался развестись, становится первой женой.)

Необходимо также выделить две особенности, свойственные пословицам обеих лингвокультур. Лексемы *wife* в английском и *аваль*, *гергн*, *баавна*, *эм* в калмыцком часто сочетаются со следующими определениями: *fair, good; bad, cheerful, old, ugly, long-tongued; сэн, му, ховдг, өкэр, эрк, хо цаган*. В обоих языках наиболее часто встречаемы определения *сэн good*, передающие сходное значение - «хорошая». В целом, определений с мелиоративной семантикой, характеризующих женщину, гораздо больше, чем пейоративной, что характеризует бережное и уважительное отношение к жене в обоих социумах.

В пословичном фонде английского и калмыцкого языков, выражающем семейные отношения, распространена зоосемическая метафора: *It is a sad house where the hen crows louder than the cock.* Часто концепт жена соотносится с концептом «лошадь»: *A horse, a wife, and a sword may be shewed, but not lent. The grey mare is the better horse.* Замин дундас мөрнэсн салх, насни дундас авалясн салх.

В заключение отметим, что в результате проведенного анализа пословиц калмыцкого и английского языка, в состав которых входят лексемы, репрезентующие понятие «муж» и «жена», нами было обнаружен ряд сходств. Исследуемые паремии обоих языков делятся на 6 одноименных когнитивных групп, некоторые из единиц являются близкими по значению, а также используют сходные образные средства (зоосемическую метафору).

Литература

1. 1340 английских пословиц и поговорок с русскими эквивалентами. – М., 1992.
2. Mieder W. Proverbs are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age. – N. Y. – Oxford, 1993.
3. Routledge Book of World Proverbs, English proverbs and sayings / Ed. By J. Stone. – London and New York, 2006.
4. Smith W. The Oxford Dictionary of English Proverbs. – Oxford, 1970.
5. The concise Oxford dictionary of proverbs / Ed. by J. Simpson. – Oxford, 2002.
6. Кусковская С. Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. – Мн., 1987.
7. Левин Ю. И. Провербальное пространство // Паремиологические исследования. – М., 1984. – С. 108-126.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
9. Монраев М. У. Хальмг келнэ синонимсин толь. Словарь синонимов калмыцкого языка. – Элиста, 2002.
10. Оконов Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 1975.
11. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая/ Составление, перевод Б. Х. Тодаевой. – Элиста, 2007.
12. Хазан А.А. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. – Смоленск, 2001.

Л.Н. Титова

Интерференция английского языка в речи русских, проживающих в англоязычных странах

Материалом данной статьи стали наблюдения автора за речью русских, проживающих в англоязычных странах.

Началом наших наблюдений стал разговор, услышанный в автобусе. Наша соотечественница громко говорила по телефону, не замечая никого вокруг. Через пару секунд я уже засомневалась, соотечественница ли это, ведь женщина раз за разом повторяла в трубку «Ok. All right, ok. Oh, dear». Но тут она начала прощаться с собеседником: «Ok, доча, восемь O'clock on Tuesday. Ok, я поняла. Bye, да, доча это Ok, bye». С этого момента я начала обращать больше внимания на речь русских людей, живущих в Англии. Вспомнились многочисленные примеры, которые доводилось слышать раньше.

Не мы первые, не мы последние, кто замечает странные трансформации, происходящие с языком. Русская писательница Татьяна Толстая в 90-х длительное время преподавала в Принстонском университете и жаловалась на то, как меняется эмигрантский русский язык под влиянием окружающей среды. В коротком эссе «Надежда и опора» Толстая сначала приводит

пример обычного разговора в русском магазине где-нибудь на Брайтон-Бич: там в разговор постоянно вклиниваются такие слова, как «свисс-лоуфет-ный творог», «послайсить», «полпаун-да чизу» и «малосольный салмон». Даже Татьяна Никитична после четырех месяцев пребывания в Америке заметила, что мозг ее превращается в фарш или салат, где смешиваются языки и появляются какие-то недо-слова, отсутствующие как в английском, так и в русском языках. Что уж требовать от эмигрантов, которые в этой среде живут долгие годы.

Самый безобидный способ деформации языка – это кальки, когда правильное с точки зрения английского языка выражение дословно переносится в русский:

«Брать автобус» – такой вариант мы получаем от английского «take a bus», в то время как в русском языке традиционно в автобус все-таки садятся.

«Пройдите вниз по дороге» – данное выражение появляется в русской речи после того, как вы пару тысяч раз скажете, что какое-то место находится «down the road».

«У меня нет идеи» – вообще-то английское «I have no idea» переводится как «понятия не имею», но об этом уже все позабыли.

Еще более заметным является использование в словах английских корней вместо русских:

Одна знакомая женщина работала в отеле, и ее коллега всегда спрашивала: «Ну что, гости уже смувились?». Глагол «смувились» вроде бы и отвечает всем грамматическим требованиям русского языка, но ни в словаре Ожегова, ни в «Яндексе» этого удивительного слова не сыскать. А уборщица в отеле всего лишь хотела уточнить, съехали гости или нет, но по простоте душевной (или из-за фарша в голове, о котором говорила Татьяна Толстая) соединила в одном слове английский глагол «move» и русские префиксы, суффиксы и флексии. Зачастую такое смешение происходит по причине куда более банальной, чем могут предположить учёные: людям просто лень напрягаться, чтобы перевести слово полностью, особенно когда ежедневно говоришь на двух языках.

Приведем еще примеры:

«забукать номер в отеле» – фраза так въелась в язык, что многие уже и забыли о том, что русские люди номер в отеле резервируют.

«зачекиниться в аэропорту» – если вы вдруг скажете, что вам в аэропорту надо зарегистрироваться, многие могут даже не до конца понять, какое действие вы хотите выполнить.

«копипэйстить», «сэйвить», «форвардить», «приаттачить», «зафрендить», «зашэрить», «залайкить» — все эти удивительные глаголы связаны с тем, что операционные системы на многих компьютерах устанавливаются на английском языке, а русскоязычные пользователи, особенно живущие в англоязычных странах, не горят желанием

переустановить язык. С появлением социальной сети «Фэйсбук» в нашу речь прочно вошли такие слова, как «зalайкить» или «зашерить», а друзей многие так в реальной жизни «френдами» и называют.

«Зааплайтесь на работу» – яркий пример того, что некоторые английские глаголы имеют более широкое значение, чем соответствующие русские. В русском языке можно отправить CV, подать заявление на новую работу, но это все равно не передает того смысла, который хранит в себе английский глагол «apply».

«Комплейничать» — любимое занятие всех, кто хоть недолго прожил в Британии. Несмотря на то, что в русском языке есть эквивалент – слово «жаловаться», в сознании русскоязычных жителей Великобритании серьезно укоренился глагол «complain», и жалобы в службы поддержки каких-нибудь провайдеров они иначе чем «комплейнами» не называют.

«Шопиться» – это не существующее в русском языке слово появилось в речи после повсеместного распространения слова «шопинг». Кто теперь ходит за покупками? Никто. Все теперь шопятся.

«Дринки» - каждую пятницу в пять часов вечера все население Британии от 18 и старше идет на дринки. Русские в Великобритании больше не собираются напиться или пропустить стаканчик, они тоже собираются на дринки.

В отдельную группу следует выделить заимствованные слова. Их не стоит путать со словами, заимствованными из иностранных языков по причине их отсутствия в русском языке. Здесь речь идет о тех словах, которые и в русском языке есть, но эмигранты предпочитают «перчить» свою русскую речь такими английскими словами. Именно это больше всего режет ухо в русской речи за границей: главный редактор газеты «Англия» может целый день ждать дома «билдеров», дочь автора этой статьи давно пытается найти просторную «дабл рум» в теплом доме и чтобы обязательно с «гарденом» и «ливингом».

«Пламбера», «фиксеры», «бэйби-ситтеры», «бартендеры», «клиперы» и другие «лейборы» – все эти должности запросто переводятся на русский, но так уж повелось, что в эмигрантской среде используются английские названия.

Еще одна распространенная группа слов: «фулл-тайм», «парт-тайм», «овер-тайм». Если вы недавно приехали и вдруг скажете, что претендуете на вакансию с частичной занятостью, не удивляйтесь, если вас переспросят. На Альбионе работают либо «фулл-тайм», то есть 35-40 часов, либо «парт-тайм» - 15-20 часов в неделю. «Овер-тайм» оплачивается по отдельному тарифу.

«Шорт-стэй», «лонг-стэй» – из лексикона детей младших классов школы. Это когда дети после окончания основных уроков остаются в школе еще на 1 час или 3 часа соответственно. Ни сами дети, ни их родители никогда не скажут, что дети остались в группе продленного дня

на это время.

«Биллы», «дабл рум», «гарден» — эти слова падают на наши неподготовленные головы, как только мы переезжаем в Великобританию и начинаем искать жилье. Что означает фраза «все биллы включены», стоит сразу выучить — это знание может спасти от очень больших трат, особенно зимой.

«Крисмас», «Истэр» — на территории бывшего СССР тоже отмечают Рождество и Пасху, но навеки, кажется, к эмигрантам прилепилось это «Мэрри Крисмас».

«Тэйкэвэй» — в русском языке, конечно, есть аналог этому слову: «еда навынос», но так не говорят, ни в Британии, ни даже в России.

«Бизняк» — слово, возникшее от английской фразы «I am busy», сейчас невероятно популярно. По смыслу оно больше всего напоминает какой-нибудь «цейтнот», но «цейтнот» будет понятен лишь избранной группе интеллектуалов, а что такое «бизняк», известно всем и каждому.

«Чарджить» — еще один популярный глагол, который используется в нескольких значениях. «Зачарджить» можно батарейку на телефоне (т.е. зарядить), а также можно попросить у официантки в баре зачарджить с вашей карточки 20 паундов.

«Эпойнтмент» — еще одно часто встречающееся слово. Никто из русских не скажет в Англии или Америке, что у него назначен прием у врача, все скажут, что у них эпойнтмент.

Лингвисты и борцы за чистоту русского языка, конечно, не перестают убиваться из-за постепенного исчезновения исконно русского языка и его смешения с иностранными. Но оставим эти волнения для ученых. Трансформация русского языка в эмигрантской среде точнее всего можно сравнить с эволюцией, где выживает сильнейший. И если завтра всех «наших на острове» вырвать из англоязычной среды и перенести обратно на родину, где английский язык будет встречаться лишь в логотипе Facebook, то через полгода все «пламбера» закономерно превратятся в их сознании в рядового «сантехника».

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

Али Асефнежад

Порядок слов в функции оформления завершенного высказывания в языках различных типов (на примере русского и китайского языков)

Цель настоящего рассмотрения заключается в том, чтобы представить в основных чертах и охарактеризовать стратегию языков, испытывающих так называемый недостаток морфологии для оформления предложения и передачи в нем информации. При этом порядок слов выступает в роли важнейшего средства выражения синтаксических отношений как один из необходимых инструментов на основе сравнения с его ролью в русском языке.

Одной из возможных систем типологической классификации языков является классификация, получившая название *типология порядка слов*. Она основана на анализе базового порядка слов в предложении, в зависимости от месторасположения трёх основных членов предложения: подлежащего, сказуемого и дополнения, в частности прямого.

Американский лингвист Джозеф Гринберг, предложивший эту типологию, долгие годы работал над проблемой лингвистической типологии, связанной в его понимании, прежде всего, с поиском языковых «универсалей». Вместе с тем он же является одним из основателей современной квантиitatивной лингвистики, т.е. применения количественных методов для определения языкового типа, что имело заметное влияние на предложенную им классификацию языков.

Д. Гринберг всю свою научную жизнь посвятил тому, чтобы построить общую картину естественных языков, основанную на их структуре, и затем выявить возможные связи между существующими структурами. В типологии порядка слов имеется шесть возможных типов. По критериям данной типологии нет языков, имеющих свободный порядок слов. Для определения стандартного порядка слов языков, имеющих свободный порядок слов, изучается частота использования разных типов повествовательного (утвердительного) предложения в нейтральном контексте. Исходя из этих критериев, русский язык принадлежит к типу SVO, где S (subject) – подлежащее, V (verb) – сказуемое, O (object) – дополнение (Dryer 1992).

Современный китайский язык относится к этому же типу. При этом по типологическому классу языков эти языки относятся к весьма разным

типам. Китайский язык является представителем сино-тибетской языковой семьи, он относится к аналитическим языкам, где слово не способно быть носителем грамматической информации. Китайский язык в то же время является изолирующим языком, не имеющим возможности образования сложных морфем, в то время как русский язык относится к синтетическому классу языков с весьма развитой системой флексии. В этих языках грамматические значения выражаются в переделах самого слова, то есть формами самих слов. Морфемы, входящие в слово, могут быть передатчиками и лексической, и грамматической информации. Наличие грамматической информации в переделах слова позволяет синтетическим языкам иметь свободный порядок слов, поэтому в современном языкознании не все ученые признают наличие грамматической функции порядка слов в таких языках (Сиротинина 2006, с.4).

С точки зрения синтаксических отношений, изолирующие языки отличаются использованием отдельных слов для тех целей, которые в синтетических языках обычно выражаются аффиксами или изменением корня. Вследствие этого, в одном языке порядок слов является необходимым средством, которое превращает совокупность слов в предложение, а в другом он играет второстепенную роль (предложение и при нарушении порядка слов остается коммуникативной единицей).

Представляется интересным рассмотреть эти явления на примере двух языков, ярких представителей синтетического и аналитического типов.

В китайском языке слово – лишь носитель лексического значения, а грамматические значения передаются отдельно: порядком слов в предложении и служебными словами. Именно поэтому все аналитические языки, в том числе и китайский язык, имеют ряд особенных черт, которые противопоставляют их русскому как синтетическому языку. К таким чертам относятся:

1. Статический порядок слов как важнейшее средство выражения синтаксических отношений.

2. Устойчивая связь между определением и определяемым словом, так как определение всегда предшествует определяемому слову, как в китайском языке, либо всегда находится в постпозиции, как, например, в персидском языке. Сочетания препозиций и постпозиций определения в одном аналитическом языке не может быть.

3. Относительно развитая система служебных слов. Служебные слова играют значимую роль в установлении синтаксических отношений между словами: в языке нет иных средств, выполняющих их роль. Например, в русском языке значения предлогов «для» или «на» как непроизводных предлогов могут передаваться флексией: *Кому купить книги вместо для кого купить книги, автобусом приехать вместо на автобусе приехать*. Однако в китайском языке единственным способом превратить *кто* в *кому* (подлежащее в непрямое дополнение) является добавление служебного

слова перед существительным. Все изолирующие языки, включая китайский, используют этот способ для тех целей, которые в синтетических языках обычно достигаются флексией или изменением корня.

4. Отсутствие четких границ между частями речи. В морфеме (слове) нет чётких показателей, относящих данное слово к определённой части речи. В морфологической системе одна морфема может принадлежать разным частям речи. Например, в китайском языке, морфема *gěi* может соответствовать глаголу с более чем двадцатью значениями, включая *дать, разрешать, позволить, ...*, наречию со значением *на благо* и предлогу со значением *для*.

Общую конструкцию формального предложения в китайском языке, где присутствуют подлежащее, сказуемое, дополнение и обстоятельство, можно показать следующим образом: SAVO2O1 (S – подлежащее, A – обстоятельство, V – сказуемое, O2 – косвенное (непрямое) дополнение, O1 – прямое дополнение (*Lǎoshī zài dàxué jiào liú xué shēng hàn yǔ*)).

Данное предложение в дословном переводе означает, *преподаватель в университете преподаёт иностранным студентам китайский язык*. *Lǎoshī* *преподаватель* не имеет никакого признака, относящего данное слово к подлежащему, *liú xuéshēng* *иностранный студент* и *hàn yǔ* *китайский язык* также не имеют никакого грамматического признака, относящего эти сочетания к косвенному и прямому дополнениям.

Лишь место *liú xuéshēng* сразу же после сказуемого *jiào* *преподавать*, определяет его роль в предложении, в то время когда словосочетание *иностранным студентам* в русском языке содержит в себе полный набор грамматических признаков, по которым можно определить его синтаксическую роль не только в предложении, но и вне него.

Попробуем поменять место двух наших дополнений *liú xuéshēng* и *hàn yǔ* (*Lǎoshī zài dàxué jiào hàn yǔ liú xuéshēng*). Новое предложение при дословном переводе означает: *преподаватель в университете преподаёт китайскому языку иностранных студентов*. Предложение сразу же превращается в бессмыслицу. Такого рода изменения порядка слов можно назвать критическими, так как в результате этих изменений предложение теряет способность передачи информации. В другом примере, если поменять местами подлежащее с непрямым дополнением: *liú xuéshēng zài dàxué jiào Lǎoshī hàn yǔ*, предложение будет грамматически верным, но при этом будет передавать другую информацию. *Иностранные студенты в университете преподают преподавателю китайский язык*. На этом примере заметно значение порядка слов в роли каждого элемента предложения.

В случае с обстоятельством ситуация иная, так как в результате перемещения обстоятельства места *zài dàxué* в *университете*, значение

предложения всё равно сохраняется, и всё равно остаётся понятным носителям китайского языка.

Согласно китайской грамматике обстоятельство находит себе место между подлежащим и сказуемым: *wǒmen wǎnshàng qù kàn diànyǐng* мы *вечером пойдём в кино*. Если переместить обстоятельство в конец предложения: *wǒmen qù kàn diànyǐng wǎnshàng*, получится *мы пойдём в кино вечером*. Носитель языка может понять эту информацию таким же образом, что и до изменения, хотя, согласно грамматике китайского языка, второе предложение составлено неверно: «обстоятельство в китайском языке никогда не ставится в конце предложения, в полном мере это правило распространяется и на обстоятельство времени» (Практический курс китайского языка 2009, с.269). Такого рода изменения можно отнести к некритическому воздействию нарушения порядка слов. Это означает, что предложение передаёт то же значение, что и до нарушения порядка слов, при этом предложение на фоне китайской грамматики составлено неверно.

В случае с русским языком, в каждом слове, из которых составлено данное предложение, достаточно морфологических признаков, поэтому при любом изменении порядка слов предложение не превращается просто в совокупность слов. Наличие морфологических признаков в каждом слове, уменьшая роль грамматической функции порядка слов, увеличивает коммуникативную и стилистическую функции порядка слов в русском языке.

Для китайского языка одним из важнейших необходимых средств составления предложения является порядок слов. Китайскому языку, как и другим аналитическим языкам, необходима статическая система расположения слов. Установленный статический порядок превращает совокупность слов в коммуникативную единицу речи, которая представляет собой грамматически организованное соединение данных слов, что и есть предложение. Порядок слов не только определяет синтаксическую роль каждого слова в предложении, но и определяет отношение данного слова к определенной части речи. Таким образом, в китайском языке мы видим, тесную связь между порядком слов и морфологией.

Так, *huǒ* может означать существительное со значением *огонь*, а может означать прилагательное со значением *огненный*. Лишь по месту данного слова в предложении можно определить, является ли оно существительным или прилагательным.

В русском языке порядок слов выполняет грамматическую, коммуникативную и стилистическую функции, при этом, при наличии флексии, грамматическая функция порядка слов осуществляется путем избыточного для русского языка средства: различия членов предложения. В китайском языке, как и в других аналитических языках, порядок слов за исключением редких случаев выполняет лишь

грамматическую функцию путём установления синтаксических связей между словами с целью превращения совокупности слов в единое предложение.

Литература

1. Dryer, Matthew S. The Greenbergian Word Order Correlations. – Language – Vol. 68. – № 1. – Buffalo, 1992. – P. 80 -139.
2. Практический курс китайского языка в 2 т. /отв. ред. А.Ф. Кондрашевский. – 10-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.
3. Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. – Изд. 3-е. – М., 2006.

В.Л. Завьялова

Слого-ритмическая структура английской фразы в речи носителей восточных языков

В настоящем исследовании мы исходим из общепризнанного положения о том, что речевой ритм является одним из наиболее стойко диктуемых родным языком законов (Касевич 1983; Панкова 1987). Законы речевого ритма родного языка, усваиваются в раннем онтогенезе и труднее всего поддаются контролю со стороны говорящего, так как реализуются им автоматически, бессознательно (Фомиченко 1998). В связи с этим вполне правомерным представляется утверждение о том, что сформировавшийся стереотип реализации ритмической структуры речи на родном языке может оказывать существенное влияние на формирование ритма в процессе порождения речи на неродном, иностранном языке. Известно, что большинство лингвистов характеризуют исследуемые нами восточные языки (китайский и корейский) как языки со слогосчитающим характером, японский - как язык с моросчитающим ритмом (Бондаренко и др. 2007). Слогосчитающий ритм восточных языков проявляется в периодическом чередовании внутрислоговых просодических контрастов и в общей тенденции к уравниванию слогов (мор) по длительности. Заметим, что в китайском языке речевой ритм речи формируется тоном.

В отличие от восточных языков, английский язык традиционно относится к языкам с тактосчитающим (или акцентным) типом ритма, что выражается в воспринимаемой и скрытой акустической изохронности временных интервалов между ударными слогами, а также в характерной компрессии и вариативности длительности безударных слогов.

Указанные различия в типах ритмической организации речи в английском и восточных языках позволили прогнозировать возможность возникновения определенных интерференционных явлений в английской речи носителей восточных языков на уровне ритмической организации высказывания. В ходе слухового и аудиторского анализов звучащих

текстов обнаружена определенная специфика в ритмической структурированности английской речи носителей восточных языков. Предваряя подробное описание результатов данного эксперимента, в целом можно констатировать, что ритмизация английской речи носителей восточных языков осуществляется, в значительной степени, в соответствии с законами речевого ритма восточных языков. Соотнесение характеристик ритма интерферентной речи с эталонным вариантом дает возможность выделить следующие группы интерференционных явлений:

1. непросодические (сегментные) нарушения, вызванные стремлением к упрощению артикуляционных усилий, в частности: неадекватное произнесение отдельных звуков и звукосочетаний, представляющих сложность для носителей восточных языков, что в большинстве случаев приводит к структурной реорганизации ритмических тактов английского языка или нарушению их изохронности;
2. непосредственное нарушение структуры ритмических тактов, а именно, изменение локализации ударного слога, возникновение избыточного ударения;
3. непосредственное нарушение изохронности междуударных интервалов, проявляющееся в нарушении просодических соотношений ударных и безударных слогов, в частности, в увеличении длительности безударных слогов, в акцентном произнесении служебных слов в составе фразы английского языка, обычно не несущих ударения и допускающих значительную степень редукции;
4. неадекватная паузация внутри ритмических тактов, реже – нарушение синтагматического членения фразы английского языка. Английская речь дикторов-носителей восточных языков характеризуется большим количеством пауз, а также их большей длительностью по сравнению с характером паузации в речи дикторов-носителей английского языка.

Рассмотрим указанные типы нарушений слогоритмики фразы английского языка в речи носителей восточных языков подробнее. Прежде всего, необходимо отметить, что слого-ритмическая организация английской фразы в реализации носителей восточных языков характеризуется значительным количеством нарушений, связанных с трудностями артикуляции отдельных звуков и звукосочетаний английского языка, что обусловлено стремлением информантов к оптимизации произносительных усилий. Данный тип нарушений проявляется в увеличении или уменьшении слоговой структуры слов в составе ритмической структуры (РС). Такие изменения характерны для слов с нетипичными для носителей восточных языков согласными или сочетаниями согласных. В большинстве случаев это приводит к изменению ритмической структуры английской фразы или к нарушению ее изохронности. На уровне высказывания явления плюс- и минус-

сегментации возникают в большинстве случаев в конце слов или на стыке слов.

Важно отметить, что на уровне фразы возникновение эпентетического гласного чаще отмечалось не внутри слов, содержащих консонансы, а в конце слов, либо на стыке слов в случаях скопления согласных. Например, в таких словосочетаниях, как: *vast territory, should love to, at page, like that, gave way, must be*, etc. В рассматриваемых примерах появление эпентетического гласного на стыке слов приводит к изменению класса РС путем формирования дополнительного слога открытого типа, либо к образованию новой РС внутри фразы английского языка, что, в свою очередь, влечет за собой изменения в ритмической организации фразы в целом.

При реализации английской фразы в большей степени, по сравнению с реализацией изолированных слов английского языка, проявилась тенденция к упрощению одного или нескольких согласных консонантного сочетания, возникающего на стыке слов во фразе: *tha(t) need, America(n) relations, basi(c) minerals, aroun(d) North America, bes(t) Chinese, a lar(ge) garden, look(ed) through, etc.*

Подобный способ облегчения артикуляторных усилий в английской речи носителей восточных языков не вызывает нарушения типа РС, свойственных английскому языку, однако приводит к определенному изменению временных параметров слогов в пределах фонетического слова. Следует отметить, что подобное явление элизии согласных является яркой характеристикой английской речи носителей восточных языков, создает эффект сильного иноязычного акцента, однако, существенно не влияет на слого-ритмическую организацию фразы в целом.

В процессе слухового анализа были зафиксированы многочисленные случаи непосредственного нарушения типа РС, проявляющиеся в изменении локализации ударного слога в слове. В большинстве случаев перемещение ударения отмечалось в четырех- и пятисложных словах, реже – в двух- и трехсложных словах: *dis'tant, magni'ficient, 'political, 'Fransisco, 'variety, con'fident, sa'tis'factory, etc.*

Образование новых РС в интерференционном варианте происходит также по причине регулярного акцентного выделения служебных слов (артиклей, местоимений, вспомогательных глаголов, предлогов, союзов), не обладающих, по сравнению со знаменательными словами, большой информационной значимостью и, как правило, безударных в речи носителей американского английского языка: *'such 'as 'this, 'with 'me; 'and 'you, 'can 'know, 'for 'me, .was .cold, etc.*

Характерной особенностью английской речи носителей восточных языков является употребление паузации на стыке слов. Наиболее трудным для носителей восточных языков представляется слитное произнесение всех элементов синтагмы. Большинство предложенных для прочтения фраз

характеризовались раздельным произнесением слов, а часто и слогов, не отличающихся друг от друга по силе выделенности и длительности.

Так, в английской речи носителей китайского языка местоположение воспринимаемой паузы в большинстве случаев соответствует синтаксическому членению фразы в английском языке. Например: *My parents/ speak English/ fluently*). Границы ритмических групп в китайском языке определяются с учетом синтаксической организации предложения: паузой обычно отделяются группа подлежащего и группа сказуемого, обстоятельство времени, места и некоторые другие члены предложения. Следовательно, можно говорить о явлении положительного переноса феномена паузации в соответствии с синтаксисом в английской фразе в реализации носителей китайского языка, поскольку подобная локализация пауз характерна и для американского английского (Завьялова 2010). При подобном типе паузального членения не нарушается смысловое членение английской фразы. Однако при сравнении акустических характеристик фраз в эталонном и интерференционном вариантах, можно заметить, что в эталонном варианте выделение паузой группы подлежащего, группы сказуемого и обстоятельств разного типа в отдельную синтагму возможно, но не обязательно. Необходимо отметить, что воспринимаемым межсинтагменным паузам в интерференционном варианте не всегда акустически соответствует перерыв в звучании. В этом случае эффект паузы создается за счет чрезмерной длительности глухих согласных вследствие их отчетливого произнесения на стыке конечного слога первой и начального слога второй синтагмы.

Паузация в пределах фразы в английской речи носителей восточных языков, на наш взгляд, может также объясняться сложностью артикуляторных усилий для носителей восточных языков в случаях скопления согласных, возникающих на стыке английских слов. В подобных случаях дробное синтагматическое членение фразы, вызванное стремлением к оптимизации произносительных усилий, приводит к несоответствию (нестыковке) лексико-грамматического и просодического сигналов в английской речи носителей восточных языков. В лингвистической литературе признается, что высказывание может члениться на конечное число последовательных элементов – синтагм, дальнейшее членение которых приводит к нарушению единства смысла (Щерба 1963, с. 86). Следовательно, можно говорить, что нарушение общего акцентно-ритмического рисунка фразы английской речи носителей восточных языков ведет непосредственно к осложнению восприятия смысла высказывания.

Таким образом, перцептивный и акустический анализ свидетельствуют о том, что организация английской фразы в реализации дикторов-носителей китайского, корейского и японского языков претерпевает значительные трансформации слоговой и слого-ритмической структуры и

характеризуется выраженной слогосчитывающей (или моросчитывающей) тенденцией, свойственной речевому ритму исследуемой группы восточных языков, что заставляет говорить о явлении переноса навыков ритмизации речи родного языка в английскую речь носителей восточных языков.

Литература

1. Бондаренко Л.П., Завьялова В.Л., Уютова Е.В., Пивоварова М.О., Кирилова И.А., Белоножко Ю.В. Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Таиланд). – Владивосток, 2007.
2. Завьялова В.Л. Английский язык в Китае: фонетико-фонологические особенности. – Владивосток, 2010.
3. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания – М., 1983.
4. Панкова И.В. О некоторых явлениях интерференции в словесной просодии. – Л., 1987.
5. Фомиченко Л.Г. Когнитивные основы просодической интерференции: дис. ... докт. филол. наук. – М., 1998.
6. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М., 1963.

В.Б. Колбешкина

О проявлении оппозиции языков «быть / иметь» в одной русской синтаксической конструкции на фоне английской

Особое положение глаголов *быть* и *иметь* в языках, их широкая сочетаемость и участие в конструкциях с различной семантикой и структурой обуславливают их важность не только для лингвистических, но и для психолингвистических и этнофилософских изысканий. Считается, что синтаксические конструкции с *быть* и *иметь* передают если не разное мироощущение, то разную концептуализацию действительности, что переход языков от «бытийного» к «посессивному» типу связан с прогрессивными содержательными изменениями в психике и менталитете носителей данного языка и т.п. В ряде работ справедливо указывается, что соотношение в языках конструкций с *быть* и *иметь* – величина переменная, зависящая, прежде всего, от эволюционно-типологических факторов. Древние языки использовали для выражения посессивности глагол *быть* с наименованием обладателя в косвенном падеже. Возникнув, глагол *иметь* стал всё шире распространяться, особенно в западноевропейских языках. Впоследствии этот глагол вытеснил *быть* даже из тех сфер, которые непосредственного отношения к идеи собственности не имеют. В конце концов, оба глагола получили возможность описывать любой вид отношений: и обладание в широком смысле слова, и значение собственности. Их разграничение и использование стало определяться

особенностями структуры каждого языка (Гак 1977).

Семантическое и функциональное разнообразие предложений с глаголом *быть*, их центральное положение в русском синтаксисе свидетельствует об общей ориентации русского языка на пространственно-предметный аспект мира (Арутюнова 1999, с. 790-791), что иногда служит основанием для его отнесения к так называемым языкам **бытия**, противопоставляемым языкам **обладания**, таким как романские и германские языки. Русский язык (возможно, под финно-угорским влиянием) постепенно эволюционировал в сторону «языков бытия», о чём говорит материал современных славянских языков, сохраняющих как посессивную конструкцию с *быть*, так и конструкцию с *иметь*. Таким образом, двум русским предложениям соответствует одно английское, ср.: *У него есть; Он имеет машину → He has a car.*

Особого обсуждения заслуживают локативно-посессивные предложения с местоименно-инфinitивным оборотом типа *У нас есть чем угостить вас; Ей было что рассказать.*

В данных предложениях находят свое отражение **две** отраженные сознанием предметные ситуации. Первая типовая ситуация не эксплицируется в виде предложения, а остается в свернутом виде, то есть входящий в ее состав признак (отношение) не получает предикативного оформления и выражается инфинитивом. В основе такой инфинитивной конструкции может лежать любая предметная ситуация, получившая первичную развернутую номинацию в виде изосемических предложений различных частеречных типов. Приведем пример. Субъектно-объектная ситуация отражается в инвариантной семантической структуре «субъект – действие – объект», реализуемой двуактантным глагольным предложением: *Мы торгуем бытовой техникой*. Но это предложение может не вербализовываться в таком развернутом виде. В соответствии с установкой говорящего происходит его **модальная модификация**: *Нам можно (нужно и т.п.) торговать бытовой техникой*. Затем эта ситуация сворачивается в инфинитивный оборот (инфinitив с актантными и обстоятельственными позициями – *нам торговать бытовой техникой*), т.е. лишается некоторых собственных предикативных значений. Далее этот оборот включается в качестве компонента в состав второй предметной ситуации. Это может быть локативно-посессивная ситуация (инвариантная семантическая структура «посессор-локализатор – обладание – объект») или локативная ситуация (инвариантная семантическая структура «локализатор – отношение локализации – субъект»). Именно эта ситуация выдвигается говорящим на передний план и передается в развернутом виде предикативной конструкцией – предложением. При этом первую позицию в предложении, как правило, занимает локализатор-посессор (*нам / у нас*). В признаковой позиции (отношения локализации или обладания) выступает глагол соответствующей лексико-семантической группы (*быть*,

иметься, хватать, оставаться и т.д.). Во вторую актантную позицию порождаемого предложения ставится местоимение (местоименное наречие) (*чем, о чем, кем, куда, кому, из-за чего* и т.д.), которое в результате **прономинализации** заменяет наиболее важный для говорящего компонент свернутой ситуации, передаваемый инфинитивным оборотом.

В результате описанного речемыслительного процесса получается предложение: ***Нам (у нас) есть*** (локализатор-посессор) ***есть*** (глагол обладания) ***чем*** (прономинализованный объектный компонент свернутой ситуации – бытовой техникой) ***торговать.***

В английском языке соответствующие значения передаются локативными (с конструкцией *there is* в препозиции к остальному составу) и личными посессивными предложениями с глаголом *to have*, которые осложняются местоименно-инфinitивными оборотами: ***There was something (for us) to discuss;*** ***We had something to discuss.***

Как видим, локативно-посессивные предложения с местоименно-инфinitивным оборотом не относятся к собственно простым предложениям ни по семантике, ни по структуре. Данные конструкции в обоих языках представляют собой результат действия универсального закона экономии речевых усилий: в их семантике отражены две ситуации, одна из которых выражена глагольной конструкцией в развернутом виде, а вторая – местоименно-инфinitивным оборотом в свернутом виде, т.е. в целом они представляют собой полуторапредикативные предложения (Копров 2010, с. 88-98).

Таким образом, локативно-посессивные предложения с местоименно-инфinitивным оборотом, по-разному представленные в русском и английском языках, являются примером расхождения языков по типам «быть / иметь». Свойственная таким предложениям осложненность номинативной семантики, особая модальность и экспрессивность выводят их за пределы системы информативно минимальных простых предложений и требует специальных исследований семантико-функционального и прагматического характера.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). – М., 1977.
3. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж, 2010.

В.Ю. Копров

Семантико-функциональные особенности русских безличных предложений в свете синтаксиса английского языка

Языковую личность носителей таких разноструктурных языков, какими являются русский и английский, в значительной степени характеризуют особенности использования личных и безличных синтаксических конструкций.

Еще А.А. Потебня отметил, что «под безличностью глагола давно привыкли понимать не отсутствие грамматического лица, а известные его свойства» (Потебня 1958, с. 91). См. также высказывание А.М. Пешковского: «Термины «безличный» глагол и «безличное» предложение очень неточны, так как полной безличности в сказуемом вообще быть не может. И действительно, вдумываясь в значение безличных глаголов, мы все-таки откроем в них следы третьего лица. Как бы ни устранился из мысли в выражении *Светает* деятель, производящий свет, он во всяком случае не кажется скрытым во мне или в человеке, с которым я говорю, а, напротив, может и должен быть скрытым где-то вне нас обоих» (Пешковский 1938, с. 306).

Наиболее широкое определение безличности в русском языке предложила Г.А. Золотова: «Безличность – это значение непроизвольности действия или состояния, независимости его от воли субъекта, сигнализируемое особой формой глагола-сказуемого, стоящей особняком от глагольной парадигмы 1–2– 3-го лица, либо предикативным наречием (категорией состояния), либо устойчивыми оборотами со значением состояния – в сопряжении с соответствующими падежными формами имени субъекта, располагающими или не располагающими личной парадигмой соответственно принадлежности к личному или предметному классу субъектов» (Золотова 1982, с. 120-121). Грамматическая категория **личности / безличности**, широко представленная в синтаксической системе русского языка, требует к себе особого внимания.

В современном английском языке оппозиция личность / безличность грамматически не выражена, хотя в древнеанглийском языке безличность была представлена специальными конструкциями (Ярцева 1968, с. 54). В так называемых «безличных» вербальных и адъективных предложениях типа *It was raining; It is cold* обязательную позицию подлежащего занимает компонент *it*, определяемый как пустой, формальный. Мы полагаем, что поскольку признаковый компонент (глагол) или связка в таких предложениях обычным способом согласуется с подлежащим *it*, то все они с грамматической точки зрения должны считаться не безличными, а **личными**. Можно также сказать, что в английском языке безличность

выражается не грамматически (как в русском и венгерском языках), а лексически – «пустой» местоименной формой 3-го лица единственного числа *it*.

Коренные причины существования в русском языке безличных конструкций служат предметом споров языковедов-синтаксистов, психолингвистов, культурологов, этнофилософов.

Сталкиваясь с разнообразием русских синтаксических конструкций, не имеющих прямых эквивалентов в других языках, некоторые исследователи склонны искать причины этого явления не в самой системе языка, а исключительно в экстралингвистических факторах: в специфических, чаще всего негативных, культурных традициях русского народа, в неконтролируемости и иррациональности его менталитета, недостаточной ответственности русского человека, его безволии, пассивности, покорности судьбе и т.п. Особенно часто русский язык и его носители в этом плане противопоставляются английскому языку и его носителям (см., например (Вежбицкая 1996, с. 55-76)). Подобные недостаточно обоснованные с лингвистических позиций сравнения и умозаключения неоднократно подвергались справедливой критике в работах Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, З.К. Тарланова, В.В. Колесова, З.Д. Поповой и многих других ведущих ученых.

Исследователи истории не только славянских, но и германских, угро-финских и других языков находят безличные конструкции в этих языках в разные периоды их существования, что свидетельствует об общечеловеческих условиях и причинах возникновения и функционирования данных конструкций. Другое дело, что в процессе изменения грамматических систем конкретных языков (усиления аналитизма или синтетизма, креолизации под давлением языка завоевателей и т.д.) сфера безличности в одних из них так и не «оторвалась» от подлежащности, т.е. не смогла развиться в специфическую подсистему; в других языках безличность, возникнув на определенном этапе развития, со временем сузилась; в третьих, наоборот, значительно расширилась и продолжает развиваться в настоящее время (Арутюнова 1999, с. 794-795).

Специалистам-славистам хорошо известно, что, например, дативная безличная конструкция – не собственно русская, она имеется в украинском и белорусском языках, отмечается в чешском языке. При этом по отношению к данным языкам и менталитетам их носителей приведенные выше уничижительные определения почему-то не применяются! По мнению З.Д. Поповой, синтаксический концепт «пациенс претерпевает состояние», выражаемый дативной структурой, фиксирует такую ситуацию, когда человек вынужден выполнять то, чего по своей воле выполнять не стал бы. Войны, стихийные бедствия, социальные потрясения вынуждают людей вступать в борьбу за жизнь, за спасение

родных и близких, за свою страну. Носители восточнославянских языков, полагает ученый, ощущают эти ситуации острее и, используя безличную конструкцию, выражают их ярче, чем носители других индоевропейских языков (Попова 2009, с. 11-12).

Как показали семантико-функциональные сопоставительные исследования синтаксиса русского и английского языков, номенклатура синтаксических конструкций и сферы их употребления в том или ином языке, прежде всего, связаны с его общим структурным типом: синтетическим (флективным) или аналитическим (изолирующим). Ср. наличие 77 семантико-структурных типов простого предложения в русском языке и всего 33 типов – в английском. Естественно, что и в синтаксисе русского языка отмечается гибкое использование пассивных, безличных и определенно-личных предложений. В английском языке из перечисленных широко функционируют только пассивные конструкции, а прямых эквивалентов других русских конструкций в нем нет (Копров 2010).

В последнее время в связи с развитием антропоцентризма в лингвистике и pragmalingвистике большое внимание уделяется анализу коммуникативной деятельности человека.

Так, Дж. Лич сформулировал **Принцип вежливости** как один из главных параметров речевой интеракции. По мнению исследователя, данный принцип реализуется следующим набором максим: максимой такта, максимой щедрости (великодушия), максимой одобрения, **максимой скромности** (выделение наше. – В.К.), максимой согласия, максимой симпатии (Leech 1983, с. 123).

Принцип Вежливости и реализующие его коммуникативные стратегии являются универсальной основой коммуникативного взаимодействия между людьми в любых языковых сообществах. Вместе с тем, способы его выражения подвержены значительной социокультурной вариативности. Так, в русском **официально-деловом общении** выражение вежливости связано с оказанием внимания и уважения к собеседнику (обращение по имени и отчеству, на *Вы*, широкое использование форм категории диминутивности и т.д.), которое нередко сопровождается и формами выражения скромности (использование определенно-личных, безличных, пассивных конструкций, личного местоимения *мы* для обозначения говорящего и т.д.). В то же время, например, в современном американском официально-деловом общении соблюдение Принципа скромности не приветствуется. Таким образом, при выборе коммуникативных стратегий собеседники опираются на социальные и контекстуальные параметры ситуации общения, оценивая их с точки зрения принятых в данном культурном сообществе представлений о приемлемых и неприемлемых формах речевого взаимодействия.

Если система русского языка предоставляет говорящему выбор между вариантными личными и безличными формами, из скромности он, как правило, отдает предпочтение **безличным** конструкциям. Сопоставим некоторые личные и безличные русские формы с предложениями английского языка.

В русском коммуникативном поведении требования и просьбы принимают менее категоричные формы, если говорящий вместо возможной личной конструкции использует безличную форму: *Мне должны позвонить / Я жду звонка – I am expecting a call; Ко мне должны прийти / Я жду гостей – I am expecting guests.*

Безличные конструкции предпочтитаются во многих ситуациях общения и из-за того, что личные варианты считаются слишком прямолинейными, эгоцентричными и поэтому неэтичными (Колесов 2004, с. 228): *Можно (попросить / пригласить) Ивана Ивановича к телефону? – I would like to speak to Mr. Smith / May I speak to Mr. Smith (please)?*

С Принципом скромности связано более частое употребление в русском языке безличного выражения *Мне кажется, что...* по сравнению с его английским аналогом *It seems to me that....* Так, по подсчетам Е.В. Зарецкого, в «Антологии русской литературы от Нестора до Булгакова» на 80 000 страниц текста выражение *Мне кажется, что...* употребляется 300 раз. В антологии «English and American Literature from Shakespeare to Mark Twain» в том же объеме текста выражение *It seems to me that...* встречается всего 89 раз. Во многих случаях здесь фигурируют личные выражения типа *I think...* (Зарецкий 2007).

Таким образом, путем использования безличных конструкций вместо вариантных личных, в том числе и в официально-деловом общении, русские реже, чем американцы, представляют свое мнение в качестве «истины в последней инстанции», предпочитая оставлять собеседнику свободу выбора иной точки зрения. Английский язык, будучи по своей типологии totally подлежащным, не предоставляет говорящему самой возможности подобного выбора.

Литература

1. Leech G. Principles of Pragmatics. – London, 1983.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
4. Зарецкий Е.В. О русском фатализме в грамматике // Relga. – № 12 (157). – 2007. URL: www.relga.ru.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
6. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб., 2004.
7. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж, 2010.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938.
9. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. – Воронеж, 2009.

10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1–2. – М., 1958.
11. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968.

М.Г. Санигурская

Проявление фонологической интерференции в ситуации многоязычия

Проявление интерференции при создании искусственного билингвизма в процессе изучении второго иностранного языка – мало исследованное явление. Вместе с тем, изучение и описание этой ситуации может дать информацию о функционировании речевых механизмов. В этой связи интересным представляется подмеченный в практике обучения факт, что интерференция активно проявляется со стороны первого иностранного языка.

Английский язык является функциональным средством общения (*lingua franca*). Однако сегодня все чаще возникает потребность в специалистах, владеющих несколькими иностранными языками. Согласно статистике, самой популярной комбинацией являются английский и немецкий языки.

При рассмотрении процесса овладения немецким языком как вторым иностранным на фоне английского как первого иностранного и русского как родного зафиксировано проявление интерферирующего влияния первого иностранного языка в следующих моментах:

- на уровне звучащей речи (интерференция в области интонации и по фонологическим категориям звуков)
- в области синтаксического оформления фразы
- в переносе лексических единиц

В настоящем рассмотрении в центре внимания находится интерференция в области звучащей речи.

Изучение второго иностранного языка, в нашем случае немецкого «на фоне» английского, в условиях контактирования трех языков – родного, первого иностранного и второго иностранного языков – порождает, по меньшей мере, следующие явления: - возникают проблемы не столько со стороны родного языка, как при изучении первого иностранного, а и со стороны первого иностранного языка. Характеризуя ситуацию с позиции обучаемого, можно сделать вывод, что при этом включается установка «говорю на иностранном языке», что и вызывает интерференцию со стороны первого иностранного языка. Таким образом, родной и неродной язык образует две контрастирующие сферы. Сфера «неродной языка» может состоять из двух и более языков, иерархически организованных. Эта организованность может зависеть от нескольких факторов:

- уровня владения ИЯ1 – чем лучше обучаемый владеет ИЯ1, тем меньше явлений интерференции у него возникает, и тем больше появляется возможностей для положительного переноса. Последний фактор свидетельствует о развивающейся способности пользоваться несколькими кодами для выражения мысли (интенции). Но это означает также, что низкий уровень владения ИЯ1 может оказывать тормозящее воздействие на овладение ИЯ2;

- величины промежутка времени, который отделяет изучение ИЯ2 от изучения ИЯ1 – чем меньше промежуток, тем больше воздействие ИЯ1 на овладение ИЯ2.

После овладения первым иностранным языком или в процессе овладения им обучаемый обычно психологически готов к изучению 2-го иностранного языка, опираясь на опыт изучения 1-го иностранного. Используя определенные навыки и умения родного и первого иностранного при изучении 2-го иностранного языка, обучаемый испытывает влияние интерференции. Под лингвистической интерференцией следует понимать вмешательство элементов одной языковой системы в другую, которое может быть как конструктивным (трансфер, или положительная интерференция), так и деструктивным (негативная интерференция). Механизмами проявления языковой интерференции являются отождествление и перенос элементов и функций контактирующих языков. А общими причинами языковой интерференции принято считать недостаточную и избыточную идентификацию элементов и функций контактирующих языков для отрицательной, или деструктивной, интерференции и нормальную, или правильную, идентификацию похожих явлений и функций для положительной интерференции. С точки зрения лингвистики, причинами интерференции являются расхождения и сходства в языковых системах контактирующих языков.

В работах У. Вайнрайха (Вайнрайх 1972, с. 30) и Я. Юхаса (Juhász 1970, с. 110) мы находим наиболее полное описание явления интерференции. Здесь же впервые дается представление о возможности системного преодоления или предотвращения интерференции на основе анализа языковых систем. При изучении второго иностранного языка возникают проблемы, которые интересны как с лингвистической, так и с психолингвистической точки зрения, а также важны в методическом плане для организации процесса преподавания иностранного языка. Одним из важнейших вопросов при изучении второго иностранного языка является роль родного и первого иностранного языков. Контрастивно-фонологический анализ может ответить на эти вопросы. Необходимо сравнить системы языков и определить те области, в которых имеются системные отличия. Таким образом, появляется возможность предвидеть и

предусматривать ошибки произношения, а также разработать специальные фонетические упражнения для предупреждения интерференции.

В нашем исследовании мы исходим из гипотезы, согласно которой при изучении второго иностранного языка (немецкого) происходит интерференция прежде всего из первого иностранного языка (английского), а не из родного. В качестве экспериментальной группы были выбраны студенты второго курса английского отделения Воронежского госуниверситета в количестве 20 человек, которые только начали изучать немецкий в качестве второго иностранного. После четырех недель обучения была проведена запись на диктофон, которая содержала произнесенный студентами несложный для них по содержанию текст (рассказ о себе). Анализ аудиозаписей позволил сделать вывод в отношении системных произносительных ошибок, содержащихся в речи участников экспериментальной группы. Были констатированы следующие ошибки:

- тенденция редуцирования безударных гласных до нейтральных звуков и заметное «растягивание» гласных, находящихся под ударением
- тенденция произносить все слоги взаимосвязано, т.е. конец одного слога в слове произносится слитно с началом следующего слова
- озвончение конечных согласных (например, реализация в слове und фонемы [d] в звонком варианте), сложности при произнесении гласных [y: u:], вокализированного r, аффриката [pf], наличие значительно большего количества ударений в предложении (что свойственно английскому языку),
- отсутствие твердого приступа при произнесении отдельных слов (это явление (твердый приступ) в английском языке происходит только при эмфатическом ударении),
- системные нарушения в области интонации.

Специфика проявления интерференции со стороны английского языка исследовалась нами с учетом родного (русского) языка.

Русскую фонологическую систему, ввиду преобладания согласных фонем, следует считать консонантной. Фонологические системы английского и немецкого языка следует квалифицировать как вокалические.

Вокалическая система русского языка насчитывает 6 монофтонгов, немецкого языка – 15 монофтонгов и 3 дифтонга. В вокалической системе английского языка имеется 12 монофтонгов и 8 дифтонгов.

Консонантная система русского языка является более сложной в сравнении с консонантными системами немецкого и английского языков, ввиду наличия большего числа оппозиций. В английском и немецком языках по 24 согласных фонемы, которые противопоставляются по признаку звонкости – глухости (английский язык), Fortis \ Lenis (немецкий

язык), по способу образования, по месту образования по артикуляционному органу и по преобладанию шума или тона.

Английские и немецкие звуки тяготеют к кардинально переднему и кардинально заднему положению языка, а русские – к центральному положению языка. В английском языке, например, гласные сильно дифференцированы по ряду, они напряженно долгие.

Все немецкие гласные более передние по сравнению с английскими и русскими, что объясняется особенностью немецкой артикуляционной базы – продвинутой вперед артикуляцией и контактным положением языка при произнесении всех согласных. Смещение артикуляции вперед приводит к повышению локализации немецких гласных заднего ряда по сравнению с русскими и английскими звуками. Продвинутая вперед немецкая артикуляция плохо усваивается иностранцами. Слишком глубокое произнесение гласных заднего ряда является распространенной ошибкой при усвоении немецкого языка как второго иностранного. Более передний регистр немецких гласных заднего ряда приближает их к лабиализованным гласным переднего ряда.

Английские и русские монофтонги дифтонгоидны, направление дифтонгизации противоположно: в английском языке дифтонгизация восходящего типа, в русском языке - нисходящего. Русские гласные рядом с мягкими согласными реализуются дифтонгоидно. Немецким монофтонгам в силу большого мускульного напряжения скольжение не присуще.

Таким образом, изучение фонетической интерференции при контактировании разносистемных языков позволяет предсказать зоны ее появления исходя из теоретических представлений о механизме фонетической интерференции как результате взаимодействия фонетических навыков.

Фонетические нарушения отражают языковую компетенцию, развитую в процессе овладения несколькими языками, несмотря на то, что уровень их изученности может быть неодинаков. Особенности звуковой системы изучаемого в данный момент языка могут также провоцировать появление фонетических искажений. Психологи, подчеркивающие роль сознательности в ограничении интерференции, указывают на то, что важнейшим условием, позволяющим избежать явлений ассоциативного и репродуктивного торможения, является сознательная установка, которая не сводится просто к сообщению теоретических сведений и требует особого рассмотрения.

В заключении следует отметить, что при изучении второго иностранного языка необходимо обращать внимание учащихся на разницу между звуками, которые на первый взгляд кажутся похожими. Как показал опыт, гораздо труднее осваивать те звуки, которые похожи или имеют незначительные различия, поскольку именно на так называемых

«похожих» звуках и проявляется интерференция. Звукам, которые кардинально отличаются друг от друга, научить можно гораздо легче.

Интерференция со стороны первого иностранного языка при овладении вторым представляет собой явление своеобразное и вследствие этого представляющее интерес с психолингвистической точки зрения. Лингвистический анализ систем трех языков может служить основой для устранения и предупреждения интерференции.

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 25-60
2. Juhász, János. Probleme der Interferenz. – Budapest, 1970.

М.В. Суханова

Построения с частицами в функции оборотов касательства в русском и испанском языках

К частицам относятся неизменяемые служебные слова, которые выражают определенные оттенки значений, в частности, указательные. На зыбкость границ между союзами и частицами в русском языке указывают Т. А. Колосова и М. И. Черемисина, отмечающие, что "функционально-семантические процессы, которые уже привели к формированию простых союзов, активно протекают и в наши дни, что делает актуальным вопрос о "гибридных словах", союзах-частичках, "частичках в функциях союзов" (Колосова, Черемисина 1987, с. 15). По данным Русской Грамматики, частицы совмещают в себе качества частиц и союзов, вводных слов, междометий, наречий (Русская Грамматика 1980, с. 730).

Построения с частицами могут передавать и значение касательства. Обороты касательства (ОК) – это особый разряд разнообразных по структуре языковых единиц, которые принадлежат к различным лексико-грамматическим классам, участвуют в оформлении темы высказывания и обеспечивают связность текста на уровне предложений или сверхфразовых единств. В русском языке к ним относятся: *что касается ...*, *то ...*; *касательно + N₂*; *относительно + N₂*; а в испанском языке: *en cuanto a ...*, *en lo que toca a ...* и т.д. Одни русисты склонны относить построения с частицами к дополнительным средствам актуального членения предложения, другие отмечают их выделительную и подчеркивающую роль. Чаще всего при выделении объекта мысли для передачи значения касательства применяются частицы *же* и *-то*, которые в функциональном плане также можно назвать частицами-союзами.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский отмечает, что местоимения-подлежащие могут быть "присоединением частиц *-то*, *же* ... оттенены во фразе, как особый и необходимый момент, который не может быть устранен.

Например: "Я-то знаю это"…; – Ты же понимаешь, что..." (Овсянниково-Куликовский 1907, с. 165). С.И. Ожегов указывает, что частица *-то* "в разговорной речи выделяет слово, подчеркивая его значение для выражения данной мысли" (Ожегов 1988, с. 155). Специфика частицы *же* состоит "во включении предупомянутости в состав семантики", так как существует предупомянутое имя, по отношению к которому нечего утверждается (Рогожникова 1983, с. 50).

Ю. А. Рылов, указывая на связь частиц *-то* и *же* с контекстом, констатирует, что "их можно выделить в особую группу тематических частиц" (Рылов 1978, с. 14). Обращаясь к высказыванию "Дом же стоит", Ю. А. Рылов подчеркивает, что "частица *же* в данном случае, присоединяясь к слову, обеспечивает его связь с предыдущим контекстом и напоминает союз, но в отличие от него, оформляет сопровождаемое слово в тему высказывания и имеет при этом значение, близкое к значению тематического оборота "что касается" (Рылов 1978, с. 13). По мнению И. И. Ковтуновой, "дополнительным средством выражения актуального членения служат частицы, выделяющие и подчеркивающие тему или рему", причем частицы *а* и *же* равнозначны обороту "что касается … , то..." (Ковтунова 1976, с. 11-12).

Очевидно, что построения с частицами *же* и *-то* можно рассматривать в качестве ОК, что подтверждается литературными переводами:

Царь же, прослышиав о верном своем ратнике, одарил его землями и лесами (Стаднюк).

En cuanto al zar, al tener conocimiento de lo que hacía su fiel guerrero, le cedió tierras y bosques (Stadniuk).

А гарнизон-то – всего лишь три батальона ополченцев и батальон милиции и курсантов милицейской школы ... (Стаднюк).

En cuanto a la guarnición, la componían tres Batallones de voluntarios y un Batallón de la milicia municipal y de los cursantes de la Escuela de esta misma milicia (Stadniuk).

Частицы *же* и *-то* всегда находятся непосредственно после выделяемого объекта, поддерживая сопоставление. В построениях с частицами значение касательства присутствует как на уровне предложений, так и частей сложного предложения:

Вы сыты и равнодушины, и потому имеете наклонность к философии, я же хочу жить и потому пью за обедом херес и курю сигареты и все (Чехов).

Представляют интерес случаи, когда при помощи построений с частицами и союзами акцентируется внимание на обоих противопоставляемых объектах:

Я-то знаю, почему твой любимый фильм – "Перевал Миллера", но ты объясни свои пристрастия читателям, которые никогда его не увидят (Комсомольская правда).

Зафиксированы примеры, когда сопоставляемые объекты значительно дистанцированы один от другого:

В США писательское отделение есть во всяком уважающем себя университете. Здесь помимо совершенно бессмысленных вещей, типа коллективных "проб пера" в различных задаваемых преподавателем жанрах проводятся также занятия, могущие, по-видимому, принести пользу: критический разбор написанного под руководством известного писателя. В Европе же до самого последнего времени писательские курсы вызывали лишь насмешку (Коммерсант-DAILY).

Перед построениями с частицами могут использоваться дополнительные акцентирующие средства – союзы *a, но*:

Дальше – Сталлоне, Шварц, Жан-Клод Ван Дамм и, быть может, как неожиданный подарок капризной судьбы, новый Депардье. Но он-то – раз в сто фильмов (Комсомольская правда).

В грамматике испанского языка частицы понимаются как служебные слова, которые придают "дополнительный смысловой оттенок значению других слов или же целых предложений" (Виноградов 1990, с. 270). На использование частиц-союзов для связи предложений указывает Рока Понс (Roca Pons 1972, с. 339). Вопрос о статусе частиц в испанском языке до настоящего времени остается спорным. В испанистике нет специальных исследований, в которых построения с частицами сравнивались бы с ОК. Встречаются единичные случаи употребления образований со словом *pues* со значением близким к семе "касательство". По данным словарей и лингвистической литературы *pues* квалифицируется как союз, частица, как частица-союз (Carnicer 1972, с. 80). Мы склонны придерживаться последней точки зрения. Касаясь вопроса о межфразовой связи, С. Хили и Гайя указывает, что *у и pues* "употребляются обычно в этой функции в бытовой речи" (Gili y Gaya 1967, с. 326). Как отмечает Карнисер, *pues* используется "как форма введения в речь, эмфатическая или при рассуждениях, часто поддерживается интонацией говорящего ..., предшествует коротким и повторяющимся репликам противоположного значения ("– Quiero tener hijos cuando me case" – ¡*Pues* yo no!") (Carnicer 1972, с. 80). Значение касательства присутствует в построении с частицей-союзом *pues* при выделении одного из противопоставляемых объектов, чаще всего это имеет место в диалогической форме речи. Это подтверждается примером с соответствующим литературным переводом:

– *Pues yo hubiera ido allá y en un periquete lo habría arreglado todo* (Denevi).

– *А я пошла бы туда и уладила все в момент* (Исп.- рус. фразеол. словарь 1985, с. 518).

В испанском языке в качестве ОК употребляется образование с союзом-частицей *pues* при наличии соответствующего противопоставительного контекста. Таким образом, в испанском языке использование построений с

союзом-частицей *que* со значением касательства определяется только в контексте. В данном случае сема касательства потенциальна. Употребление этих образований в качестве ОК не частотно в испанском языке. Специфика оборотов с частицами *же* и *-то* в русском языке состоит в том, что для них исследуемое значение является основным, и оно проявляется при наличии противопоставляемых объектов, один из которых тематизируется данными частицами.

На уровне предложения построения с частицами в обоих сопоставляемых языках выполняют роль одного из средств оформления актуального членения предложения. Своеобразие ОК в этой функции состоит в том, что роль темы высказывания выполняет объект мысли, акцентируемый при помощи ОК. Ремой является содержание второй части предложения, в которой находится сообщение об объекте мысли. Роль ОК в актуальном членении предложения в конечном итоге сводится к обеспечению связности текста.

Литература

1. Carnicer R. Nuevas reflexiones sobre el lenguaje. – Madrid, 1972.
2. Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. – Barcelona, 1967.
3. Roca Pons J. Introducción a la gramática. – Barcelona, 1972.
4. Виноградов В.С. Грамматика испанского языка: Практический курс. – М., 1990.
5. Испанско-русский фразеологический словарь / Левинтова Э. И., Вольф Е. М., Мовшович Н. А., Будницкая И. А. – М., 1985.
6. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М., 1976.
7. Колосова Т.А., Черемисина М.И. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова. – Новосибирск, 1987. – С. 11-24.
8. Овсянник-Куликовский Д. Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. – М., 1907.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 10-е изд., перераб. – М., 1988.
10. Рогожникова Р. П. Сложные предложения с союзовыми частицами // Синтаксис предложения. – Калинин, 1983. – С. 48-57.
11. Русская грамматика : 2 т. – М. : Наука, 1980.
12. Рылов Ю. А. Частицы и контекст // Функционирование языковых единиц в контексте. – Воронеж, 1978. – С. 13-16.

А.В. Харитонова

Полисемия суффиксальных производных в русском и французском языках

Статья посвящена исследованию словообразовательных процессов во французском и русском языках, а также изучению системных закономерностей изменения словообразовательной структуры при развитии многозначности производным словом. Суффиксация, будучи

одним из самых продуктивных способов словообразования во французском и русском языках, является объектом многочисленных научных исследований. В данном исследовании мы подробно остановимся на анализе динамических аспектов семантики производных слов с уменьшительным суффиксом. Под динамическим аспектом исследования мы понимаем анализ словообразовательных параметров производных слов с указанным суффиксом при развитии ими полисемии. Такое направление исследования производных слов оказывается перспективным в связи с тем, что соотношение словообразовательных параметров суффиксальных слов демонстрирует определенные закономерности при различных степенях их словообразовательной мотивированности. Это, в свою очередь, способствует дальнейшей систематизации наших представлений о словообразовательном и семантическом моделировании (Кубрякова 1987, 2004).

Целью данного исследования является изучение и сопоставление системных закономерностей изменения словообразовательной структуры в производных, развивающих полисемию во французском и русском языках.

В нашем исследовании мы разграничиваем полисемантические производные, развившиеся путём семантической и словообразовательной деривации. Критерием такого различия служит наличие модели семантической деривации при развитии полисемии на базе комплексного знака.

Рассмотрим производные, образованные путем словообразовательной деривации во французском языке. Например, производное слово, построенное по модели «предмет – уменьшенная часть предмета», "chaînon" (звено цепи) означает:

1. *Anneau d'une chaîne* – «кольцо цепи».
2. *Lien intermédiaire; élément d'une chaîne* – «связь между элементами цепи».

3. *Petite chaîne de montagnes* – «небольшая горная цепь».

Существительное образовано по модели $(N1 + on) \rightarrow N2$, где N обозначает существительное. Регулярное значение суффикса – уменьшительное.

В русском языке в качестве примера приведем производное «стопка» с уменьшительным суффиксом «-к», значения которого представлены следующим образом: 1) небольшая *стопа*, 2) небольшой *стакан для спирт. напитков или количество алкоголя, вмещающееся в такой стакан*. Существительное образовано по модели $(N1 + к) \rightarrow N2$, регулярное значение суффикса – уменьшительное.

В результате словообразовательного анализа установлено, что основными словообразовательными характеристиками производных, полученных путём словообразовательной деривации, является наличие

эксплицитной словообразовательной структуры производного, а именно: все ЛСВ (лексико-семантические варианты) таких производных оказываются полностью мотивированными, имеющими незначительную степень идиоматичности, четкую членность по описанным моделям, в рамках каждой из которых формируются типовые словообразовательные значения. Эти значения отличаются высокой степенью эксплицитности. Для производных слов в русском и во французском языках, развивающих многозначность путем словообразовательной деривации характерна регулярность семантики словообразовательного форманта, т.е. суффикс сохраняет уменьшительное значение, сочетающееся с эмоционально-оценочной функцией, как в исходном, так и производном ЛСВ.

Наибольший интерес для исследования представляют производные, развивающие многозначность путем семантической деривации, т.к. в словообразовательной структуре таких производных есть некоторые особенности, обусловленные типом модели семантической деривации, то есть формулой (прототипической моделью), по которой выводится производное значение. Условно этот тип развития полисемии был разделен на первый и второй тип семантической деривации, в зависимости от степени эксплицитности словообразовательной основы и деривационного аффикса в структуре производного слова (Полянчук 2008, с.56).

Приведем пример производных, развивающих многозначность по первому типу семантической деривации. Для производных с уменьшительными суффиксами во французском языке, развивающих полисемию по прототипическим моделям «объект → свойство объекта», характерна частичная идиоматизация словообразовательной структуры производного. Например, существительное "*îlot*" с суффиксом "ot" означает:

1. *Très petite île* – «очень маленький остров».

2. *Petit espace isolé dans un ensemble d'une autre nature* – «небольшое пространство, изолированное от остальной природы».

Существительное образовано по модели (N1 + ot) → N2. В русском языке по данной прототипической модели развивает полисемию производное «корочка», означающее: 1) уменьш. «корка», 2) *твёрдый переплёт, жёсткая обложка книги, тетради*. Существительное образовано по модели (N1 + чк) → N2. Регулярное значение суффикса – уменьшительное.

Проиллюстрируем процесс развития полисемии данного типа, используя компонентный анализ, показывающий прототипическую схему перестройки семемы.

Семная структура исходного значения производного слова "*îlot*" такова:

A1(предмет) + S1(небольшой) + Sp (удаленный, изолированный).
Семная структура производного значения:

A2 (предмет) + S1 (небольшой) + S2 (изолированный).

Методом компонентного анализа мы установили, что при данном типе семантической деривации ядерная сема-основа метафорического переноса («удаленный, изолированный») соотносится с одним из компонентов в структуре деривата, а именно с производящей основой. Наличие дополнительных семантических компонентов в структуре таких производных способствует значительному понижению мотивированности производного, идиоматичность таких производных значительна, членимость – условная первой степени (Полянчук 2009, с. 29). Сопоставив словообразовательные и семантические параметры производных в русском и французском языках, развивающих полисемию по данному типу семантической деривации, мы можем наблюдать определённые закономерности изменения словаобразовательной структуры обоих языках. В частности, при понижении эксплицитности словообразовательных параметров степень выраженности семантических параметров повышается, то есть при смещении порога эксплицитности в сторону ЛЗ (лексического значения) понижается словообразовательная мотивация, членимость и эксплицитность СЗ (словообразовательного значения) производных.

Что касается семантических характеристик производных данного типа во французском и русском языках, то здесь наблюдается определённая системность в выборе ядерных компонентов модели семантической деривации. Это такие компоненты, как форма, функция, свойство объекта. Чаще всего, в структуре производного ЛСВ и в русском, и во французском языках актуализируется сема «похожий на». Следовательно, наиболее частотной для обоих языков оказывается прототипическая модель «объект → форма объекта», по которой происходит развитие многозначности производными.

Перейдем к рассмотрению производных, развивающие многозначность по второму типу семантической деривации. Последние отличаются более разветвленной семантической структурой в обоих языках. Такие производные характеризуются меньшей системностью в выборе модели семантической деривации, что объясняется способностью ядерной семы метафорической номинации отображать несущественный, потенциальный признак семантический структуры исходного значения, который является результатом переосмыслиния семантики деривационного суффикса и производящей основы.

Приведем пример производных с уменьшительными суффиксами, развивающих полисемию по прототипическим моделям «объект → качество объекта». Для них характерно повышение степени имплицитности словообразовательной структуры производного.

Французское производное слово с суффиксом "on" "glaçon" означает:
1. *Morceau de glace. Petit cube de glace artificielle* – «кусок льда, кубик искусственного льда».

2. *Personne froide, surtout en amour* – "холодный" человек, особенно в любви». Производное образовано по модели (N1 + on) → N2, регулярное значение суффикса – уменьшительное. Рассмотрим производное, развивающее полисемию по прототипической модели «внешний вид объект → качество объекта» в русском языке на примере существительного с суффиксом - ок: "котелок", имеющего значение 1) твёрдая мужская шляпа с круглым верхом и небольшими полями, 2) голова человека, умственные способности". Существительное образовано по модели (N1 + ик) → N2. Регулярное значение суффикса – уменьшительное.

Методом компонентного анализа мы установили, что ядерная семаоснова метафорического переноса таких производных не соотносится ни с одним из компонентов словообразовательной структуры, она расположена вне словообразовательной структуры. Результатом переосмыслиния всей семантики производного в ЛВС1 (суффикса и словообразовательной основы) является затемнение словообразовательной структуры в ЛСВ2, а также повышение степени имплицитности словообразовательного значения, что ведёт к значительной идиоматизации структуры производного, затемненной мотивации и практически отсутствию членности по модели (Полянчук 2009, с.23). Что касается соотношения ЛЗ и СЗ, то по сравнению с первым типом семантической деривации, порог эксплицитности еще больше смещается в сторону лексического значения. Значительная лексикализация производного значения способствует снижению степени эксплицитности его словообразовательного значения, что говорит об обратно пропорциональной зависимости семантических и словообразовательных параметров.

Что касается семантических маркеров, актуализирующихся в производном ЛСВ, то для производных в русском языке метафорический перенос чаще осуществляется на основе таких компонентов, как внешний признак, состояние, свойство объекта, тогда как во французском языке перенос осуществляется на основе таких компонентов, как функция, внешний вид, качество объекта. Таким образом, мы видим, что один и тот же семантический компонент семантизируется с разной частотностью в русском и во французском языках. Результатом переосмыслиния семантики словообразовательного форманта является приобретение оттенка уничижения или отрицательной коннотации в некоторых производных ЛСВ в русском и французском языках, который сохраняется как компонент лексического значения в производном ЛСВ.

Проведенное исследование по изучению суффиксального словообразования и семантики уменьшительных суффиксов в русском и французском языках в процессе развития многозначности показало, что этот процесс является системным. Существует система закономерностей развития многозначности на базе производного слова. Эта системность связана с различными особенностями изменения как словообразовательной, так и семантической структуры производного слова. В целом, исследование производных слов с уменьшительными суффиксами в русском и французском языках показало, что закономерности семантического моделирования на базе производного слова носят универсальный характер.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1987.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
3. Полянчук О.Б. Динамические аспекты анализа производного слова. – Воронеж, 2008.
4. Полянчук О.Б. Французское производное слово в динамическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Воронеж, 2009.

В.А. Шкунников

Семантико-функциональные особенности интенсивно-результативной глагольной лексики в русском и английском языках

К группировке глаголов интенсивно-результативного способа действия в русском языке обыкновенно относят глаголы типа: *изнервничаться, названивать, докричаться, расхвастаться, разыграться, разболеться, исстрадаться, засмотреться*, обладающие сложной смысловой структурой и объединённые по признаку большей или меньшей степенью интенсивности.

Для обозначения данной лексики в научной литературе используются и другие термины: "чрезмерно-кратные" (Шелякин 1983, с.190), "эксцессивно-кратные" (Маслов 1984, с. 3), (Аношкин 1991, с.12). Это терминологическое разнообразие отнюдь не случайно: за ним скрывается различные по своей сути представления о семантических особенностях данного разряда глагольной лексики. Представляется целесообразным вслед за М.А. Шелякиным исходить из того, что данные глаголы выражают отрицательно оцениваемую крайнюю степень /меру/ кратного или длительного проявления действия исходного глагола, причем

последняя обыкновенно приводит к существенным изменениям либо в характере первоначального состояния субъекта, либо, что встречается значительно реже, в первоначальном состоянии объекта

Независимо от того, на что ориентируется интенсивно-результативное действие (на субъект или объект), реализация соответствующего значения осуществляется двояким способом. В первом случае достижение результата предполагает освоение кратным действием всех без исключения коммуникативно значимых параметров объекта или субъекта одинаково представленных в виде единичной предметной данности: *истрепать книгу, изорвать одежду; голова разболелась, изгородь изветшала, пешеход засмотрелся, сердце исстрадалось, душа истомилась* и т.д. Во втором случае аналогичный результат достигается на основе охвата или освоения кратным действием (по одному или нескольким параметрам) некоторого множества субъектов или объектов: *пассажиры измучились, занавески издырявились, подростки изболтались без дела; искусать детей, залечить травмы, наглупить, отутюжить брюки, выбелить стены* и т.д.

Интенсивно-результативные глаголы с приставкой неодинаковы с точки зрения своего отношения к признаку очередности осуществления отдельно взятых актов кратного действия. В одних случаях этот признак проявляется достаточно ярко: *разбросать одежду, раздать подарки, разместить объявления, застроить микрорайон, издрогаться /больной весь издергался/* и т.д. В других случаях, напротив, характер протекания соответствующего действия не оставляет места для дискретности, поскольку при этом фиксируется ровный, непрерывный процесс развития, приводящий к существенным преобразованиям в исходном состоянии предмета (субъекта или объекта): *изба изветшала, ребёнок расхворался* и т.п.

Сама по себе возможность ориентации интенсивно-результативного действия как на субъект, так и на объект, имеет своим следствием формальную неоднородность соответствующих глаголов. Эта неоднородность проявляется в том, что интенсивно-результативные глаголы, действия которых распространяются на субъект (или субъекты) могут быть и возвратными, и невозвратными. Что же касается интенсивно-результативных глаголов, действия которых ориентированы на объект, они могут быть только невозвратными.

В интенсивно-результативном значении, специализированные акциональные модификаторы глагола служат существенному преобразованию семантической структуры производящей основы. Это преобразование осуществляется в обычном порядке: общее значение производного глагола ("приобрести новое свойство, отличающееся от первоначальных") задаётся префиксом, тогда как производящая основа

раскрывает содержание того, как именно достигается этого рода приобретение новых свойств.

Анализ современного состояния разработки видовой соотносительности глаголов, а также конкретное исследование видовой соотносительности глаголов интенсивно-результативных способов действия показывает, что на видовую соотносительность словообразовательно выраженных способов действия существенное влияние могут оказывать особенности семантики исходных глагольных основ. Выделенная М.А. Шелякиным тенденция – способы действия, образованные от предельных основ могут иметь парные по виду формы, способы действия, образованные от непредельных основ, являются, как правило, одновидовыми, – позволяет объяснить различное отношение к виду приведённых выше глаголов, объединённых одним и тем же значением исчерпанности, высокой интенсивности действия, как в случаях: *замучить/замучивать, залечить/злечивать*, у которых в качестве исходных выступают предельные основы, и несоотносительных *избегаться, исстрадаться*, образованных от исходных непредельных основ.

Это явление находит своё объяснение в том, что предельные глаголы, внутреннее развитие которых связано с достижением определённого самой природой одновероятного результата, обозначают активные, контролируемые субъектом действия, которые вследствие этого поддаются обобщению с точки зрения целостного/нецелостного обобщения действия. В отличие от них непредельные глаголы, которые исключают какую-либо направленность на предопределённый самой природой этого действия результат, лишены той активности, контролируемости действия, которые могли бы предоставить возможность целостного/нецелостного обобщения действия. Указанным закономерностям подчиняются и производные от таких основ глаголы интенсивно-результативных способов действия, сохраняющие специфику исходных основ.

Между тем анализ соответствующего материала показывает, что видовая соотносительность глаголов, образованных от предельных основ, так же как и несоотносительность глаголов, образованных от непредельных основ, не является абсолютной. Факты такого рода объясняются семантическими особенностями различных групп исходных основ, образующих в пределах одного способа действия глаголы с различным отношением к категории вида.

По большей части интенсивно-результативные глаголы употребляются в совершенном виде (примеры см. выше), явление видовой соотносительности здесь наблюдается нечасто.

Совершенный вид допускает реализацию всех основных частных видовых значений, свойственных данному виду, кроме суммарного, т.е. конкретно-фактического, перфектного (результативного), наглядно-примерного и потенциального: *Моченьки моей нету! Все сердце изболело*

/А. Островский/; Я, может, об этом изболелся весь. Может, я, другую жизнь прожил, вспоминая /М. Шолохов/; Спокойное, строгое лицо вдруг всё избороздилось мелкими морщинами, как от физической боли /С. Ковалёв/; Я весь издержался в дороге. Забрали у меня все деньги /А. Чехов/; Не сердись ты на меня, Христа ради... Вся я издрожалась, измучилась, истряслась за это время /Гл. Успенский/; Я до такой степени измочалился постоянными мыслями об обязательной работе, что вот уже неделя, как меня безостановочно мучают перебои сердца /А. Чехов/; Сам он до того изнервничался, до того избегался, наголодовался в придонских степях, что появились у него мозоли на ногах и на руках, по телу пошли чирьи /В. Астафьев/.

Несовершенный вид в основном разрешает только одно частно-видовое значение - кратное: *Время от времени его гардероб требовал значительных пополнений, так как одежду он изнашивал удивительно быстро /из газет/.*

Словообразовательные связи интенсивно-результативных глаголов распространяются как на непредельную, так и на предельно-результативную глагольную лексику. При этом в качестве базисных могут выступать глаголы речевого воздействия, квалификативные, деструктивные, глаголы, передающие значение трансформации вещественного, имеющие значение насильственного физического воздействия и сообщения предмету какой-либо отличительной характеристики.

Ряд глаголов в интенсивно-результативном значении с ориентацией на субъект предполагает одновременное употребление постфиксa – *ся*. Если же действие распространяется на объект (объекты), соответствующий постфикс не реализуется, в результате чего и появляются соотносительные глагольные формы, не всегда, правда, регулярные.

Анализ английской глагольной лексики с точки зрения её способности к передаче интенсивно-результативной семантики свидетельствует о том, что группа данных языковых единиц, способных раскрывать структуру глагольного действия с соответствующим значением, системна по своей природе. Каждый показатель результативности, входящий в число средств её обозначения, передаёт комплекс семантических признаков, связанных между собой иерархическими отношениями. Он выражает, с одной стороны, какие-то универсальные признаки интенсивной результативности (присущие целому ряду таких показателей), а, с другой – признаки индивидуальные. В целом система средств выражения интенсивно-результативной семантики в русском и английском языках возникает как продукт фиксации (в соответствующих лексических единицах и сочетаниях слов) разных комбинаций универсальных и индивидуальных признаков интенсивной результативности. Индивидуальность разноструктурных языков находит своё выражение, в частности, в том, что

в системе английского глагола полностью отсутствуют специализированные морфемы, ответственные за реализацию интенсивно-результативной семантики в русском языке. В большинстве случаев английский глагол, представленный в изолированном виде, т.е. без контекстного сопровождения, оказывается не в состоянии выразить соотносительное значение, реализация соответствующей семантики зачастую осуществляется за счёт специализированного контекста. По той же причине английский глагол никак не реализует признак многократности, отчётливо представленный в семантической структуре многих интенсивно-результативных глаголов. Нередко в содержательной структуре интенсивно-результативных глаголов, совмещается признак многоактности и равнозначный ему в функциональном отношении признак разовости. При переводе таких глаголов на английский язык обыкновенно передаётся признак разовости, тогда как признак последовательной многоактности никак не репрезентируется и обычно домысливается участниками коммуникации, как в случаях: *разбрасывать/разбросать* – *throw about*; *рассыпать* – *scatter about*; *изнервничаться* – *be overstrung, his nerves have gone to pieces*; *изнашивать/износить* – *wear out*, *избегаться* – *exhaust oneself with running (about)*; *измочаливаться/измочалиться* – *worry to death, be all in shreds*; *наголодаться* – *be half starved*; *докричаться* – *shout till one is heard*, *разбалываться/разболеться* – *become ill*; *расхвастаться* – *give free course to boasting*. Данное обстоятельство в полной мере отвечает так называемому интерпретационному способу интенсивно-результативной характеристики глагольного действия, когда значения многоактности и разовости разграничиваются лишь с помощью знания соответствующей ситуации. Обязательное участие контекста и различного рода ситуативных сведений в выражении интенсивно-результативной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующих внимание либо на достигнутости действием результата, либо на его длительности и/или развитии во времени.

Литература

1. Аношкин А.Н. Глаголы с объёмно-следственными акциональными модификаторами и их синтаксические свойства: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1991.
2. Маслов Ю.С. Очерки по русской аспектологии. – М., 1984.
3. Шелякин М.А. Категория вида и способы глагольного действия. – Таллин, 1983.

Содержание

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернина М.А., Стернин И.А. (Воронеж) К вопросу о возможности семантической типологии языков	c.3
Деркач С.И. (Воронеж) О возможности описания национальной специфики семантики языков посредством аспектного анализа	c.11
Махонина А.А., Петросян Ж.В. (Воронеж) Опыт типологической классификации межъязыковых лакун различной частеречной отнесенности	c.17
Маклакова Е.А. (Воронеж) К вопросу о принципах семного описания слова в двуязычной лексикографии	c.26
Лукина Л.В. (Воронеж) К вопросу о создании словаря, ориентированного на переводчика	c.32

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Бабушкин А.П. (Воронеж) О единстве противоположностей в синонимических рядах английского и русского языков	c.38
Бобырева Н.Н. (Казань) Эпонимические единицы в терминосистемах спортивной и художественной гимнастики (на примере русского и английского языков)	c.41
Дмитриева С.В., Кондратьева З.И. (Сыктывкар) Национально-культурные особенности функционирования цветообозначений во фразеологии немецкого и французского языков	c.48
Карпенко И.С. (Воронеж) О некоторых особенностях семанта наиболее частотных адъективных лексем английского и русского языков	c.52
Костенко Н.В. (Воронеж) Общее и отдельное в способах обозначения смысла «присоединение» (на материале русского, английского и немецкого языков)	c.57
Кочетова Н.В. (Воронеж) К вопросу об особенностях семантики сопоставимых наречных лексем русского и английского языков	c.61

Кривенко Л.А. (<i>Воронеж</i>) Развитие лексической полисемии как аспект проявления национальной специфики семантики	с.64
Литвинова Ю.А. (<i>Воронеж</i>) Обобщенное описание лексикографических значений слова: «город» и “city” русском и английском языках	с.67
Макарова А.С. (<i>Москва</i>) Особенности употребления крылатой единицы <i>медовый месяц</i> в современной французской и российской периодике	с.76
Никитина И.Н. (<i>Воронеж</i>) К вопросу об определении коммуникативного превалирования семем в русском и английском языках	с.82
Портнихина Н.А. (<i>Воронеж</i>) Описание национальной специфики семантического развития лексем с помощью сопоставительно-параметрического метода	с.86
Сиразиева З.Н. (<i>Казань</i>) Семантические особенности слов Врач, Physician и Healer в русском и английских вариантах клятвы Гиппократа	с.93
Суханова О.В. (<i>Воронеж</i>) Тематическая группа русско-английских глагольных лакун «Действия человека»	с.95
Черникова С.Н. (<i>Воронеж</i>) Фразеологизмы, включающие компоненты <i>камень</i> и <i>stone</i> в русском и английском языках	с.98
Чеханова И.В., Скрипкина С.А. (<i>Тамбов</i>) Лексические новообразования в сфере электронной коммуникации (на материале русского и английского языков)	с.103
Шастина Е.В. (<i>Владивосток</i>) Взаимовлияние субстрата и суперстрата в австралийском Криоле	с.106

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области концептосфер, лингвокультурологии и дискурса

Барабушка И.А. (<i>Воронеж</i>) Город-организм в русской и английской лингвокультурах	с.111
Борисова Л.М. (<i>Воронеж</i>) Способы реализации текстоорганизующего речевого действия <i>коррекция</i> в художественном дискурсе в русском и немецком языках	с.115
В.А. Бурдина, В.Б. Гольдберг (<i>Тамбов</i>) Соматизмы как репрезентанты ориентиров в физическом пространстве	с.121

Радионов А.В. (<i>Элиста</i>) Когнитивный анализ понятий «муж» и «жена» в калмыцких и английских пословицах	с.129
Титова Л.Н. (<i>Воронеж</i>) Интерференция английского языка в речи русских, проживающих в англоязычных странах	с.134
 Раздел 4.	
Сопоставительные исследования	
в области грамматики и фонетики	
Асефнежад Али (<i>Воронеж</i>) Порядок слов в функции оформления завершенного высказывания в языках различных типов (на примере русского и китайского языков)	с.138
Завьялова В.Л. (<i>Владивосток</i>) Слого-ритмическая структура английской фразы в речи носителей восточных языков	с.142
Колбешкина В.Б. (<i>Воронеж</i>) О проявлении оппозиции языков «быть / иметь» в одной русской синтаксической конструкции на фоне английской	с.146
Копров В.Ю. (<i>Воронеж</i>) Семантико-функциональные особенности русских безличных предложений в свете синтаксиса английского языка	с.149
Санигурская М.Г. (<i>Воронеж</i>) Проявление фонологической интерференции в ситуации многоязычия	с.153
Суханова М.В. (<i>Воронеж</i>) Построения с частицами в функции оборотов касательства в русском и испанском языках	с.157
Харитонова А.В. (<i>Воронеж</i>) Полисемия суффиксальных производных в русском и французском языках	с.160
Шкунников В.А. (<i>Воронеж</i>) Семантико-функциональные особенности интенсивно-результативной глагольной лексики в русском и английском языках	с.165
Содержание	с.170